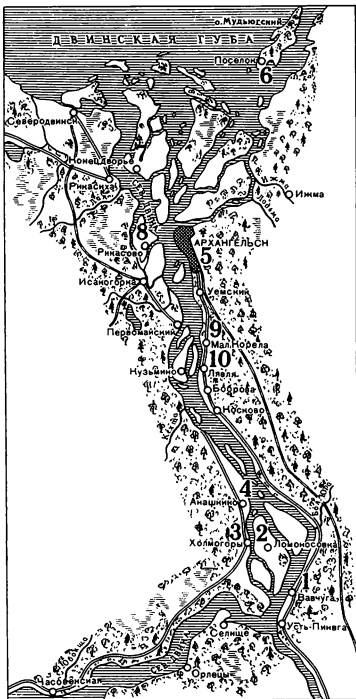

ВОКРУГ АРХАНГЕЛЬСКА

1. Дом Бажениных
в Вавчуге.
Середина XVIII в.
2. Памятник
М. В. Ломоносову
в селе Ломоносово.
1958

3. Колокольня
Спасо-Преображенского
собора в Холмогорах.
1683—1685
4. Церковь Воскресения
в Верхних Матигорах.
1686—1694

5. Памятник Петру I
в Архангельске 1872
6. Обелиск
в память жертв
интервенции 1918—1920 гг.
на острове Мудьюг. 1958

7. Жилые дома села
Концеворье
8. Сретенская церковь
в селе Рыкасово.
1683—1688

9. Мельница
в Архангельском музее
деревянного зодчества
10. Церковь Николая
в селе Лявля.
1589

ВОКРУГ АРХАНГЕЛЬСКА

Б. В. ГНЕДОВСКИЙ
Э. Д. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

МОСКВА
•ИСКУССТВО•
1978

72С1
Г56

Г 80102-119 176-78
02501-78

©Издательство «Искусство», 1978 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. _____ 7

1. ОТ ОРЛЕЦОВ ДО ЧУХЧЕРЕМЫ. _____ 13
Новгородская крепость Орлец (14). Несохранившийся памятник деревянного зодчества в Панилове (19). История Вавчуги (21). На месте древней верфи (23). Дом Бажениных (24). Село Чухчерема (26). Два ансамбля деревянных храмов (27). Васильевская церковь и колокольня (29).

2. НА РОДИНЕ ЛОМОНОСОВА. _____ 32
Село Ломоносово (33). Музей (35). Косторезный промысел (36). Церковь Дмитрия Солунского (39). Памятник М. В. Ломоносову (41). Ухтостров (42). Ансамбль каменных храмов (44). Сведения о древних постройках Богоявленского прихода (48). Дорога на Холмогоры (48). Древняя история Холмогор (49). Ансамбль Спасо-Преображенского собора и архиерейского дома (54). Две парсуны архиепископа Афанасия (60). Приказные палаты (62). Художественная жизнь Холмогор (63). Впечатления юности М. В. Ломоносова (65). Церковь Воскресения в Верхних Матигорах (67).

3. В ЦЕНТРЕ АРХАНГЕЛЬСКА. _____ 70
Панорама города (71). История возникновения города-порта (72). Гостиный двор (75). Памятник Петру I (80). Облик древнего Архангельска (84). Церковь Троицы в Кузнечевской слободе (88). Памятники эпохи классицизма и образцы дореволюционной застройки (91). Монументы советского времени (93). Областной краеведческий музей (99). Музей изобразительного искусства (102). Северные «письма» и деревянная скульптура (102). Народное шитье и вышивка (112). Резьба по дереву и игрушка (113). Современные народные художественные промыслы «Беломорские узоры» (115).

4. В ДЕЛЬТЕ РЕКИ. _____ 117
Мосеев остров (117). Кегостров, Соломбала (118). Ново-Двинская крепость (124). Остров Мудьюг и памятник героям-борцам за Советскую власть (126).

Село Конецдворье (128). Церковь Михаила-Архангела (128). Село Ижма и Спасо-Преображенская церковь (130). Заостровье (134). Ансамбль в Рикасове (134). Сретенская церковь (136).

5. К ЮГУ ОТ АРХАНГЕЛЬСКА. _____ 138
Дорога на юг (138). Княжостров (139). Резная икона Екатерины-великомученицы (139). Лявля (139). Никольская церковь (142). Музей деревянного зодчества (143).

ПРИМЕЧАНИЯ _____ 177

ЛИТЕРАТУРА _____ 181

Предисловие

Пройдите землю и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И кутр Рифейский, и вершину.
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет.

М. В. Ломоносов

Русский Север! Все больше людей стремится в наши дни в его нетронутые заповедные земли, к его художественным и историческим памятникам. Признанной северной «столицей туризма» давно стал Архангельск. Но по уже сложившейся традиции для большинства туристов он остается лишь первоначальным, транзитным пунктом, откуда только начинается далекий нелегкий путь на Печору, Мезень, Пинегу, Соловки или Кий-остров. Между тем даже ближайшие окрестности Архангельска таят в себе богатейшие возможности для увлекательных путешествий.

Северная Двина... Сюда, как и на весь русский Север, не проникли монгольские завоеватели, здесь не было помещичьего гнета, этой наиболее тяжелой формы феодальной зависимости русского крестьянина. Здесь витал дух предприимчивости, вольнолюбия и постепенно сложились особые условия, благоприятствующие быстрому развитию этого далекого от центра страны края. Одной из причин превращения Подвинья в богатейшую область Московского государства стала «заморская торговля», начало которой было положено в XVI веке именно в низовьях Северной Двины.

Холмогоры, а затем Архангельск и долго до появления Санкт-Петербурга стали первым широко распахнутым «окном в Европу». На берега Северной Двины с палуб иностранных судов сходили купцы, дипломаты, архитекторы, сгружались товары. Торговля и судостроение способствовали процветанию многих видов искусств, прежде всего зодчества. Северные плотники, искушенные

в тонкостях строительства и украшения судов, воздвигали на прибрежных посадах и в селах похожие на дворцы многоэтажные рубленые избы и огромные храмы. Их резные крыльца и галереи, наличники окон, причудливо изогнутые консоли и навершия кровель, расписные фронтоны придавали северным селам полусказочный, «былинный» облик. «Мать искусств» — архитектура — содействовала в свою очередь развитию многочисленных художественных ремесел. Низовья Северной Двины постепенно становились одной из крупнейших художественных сокровищниц страны.

Позднее в Архангельск, грезившийся ему в мечтах, стремился молодой Петр I. Этот город у Белого моря был его любимым детищем. Здесь прошел он курс уже не «потешных», а практических морских наук, здесь при нем было положено начало русскому флоту.

В XVIII веке новые торговые пути миновали устье Северной Двины. И хотя Архангельск продолжал оставаться важным центром судостроения, торговли, отправным пунктом многих полярных экспедиций, все же бывшая ведущая роль низовых двинских земель оказалась навсегда утраченной. Созданные и хранившиеся на Севере художественные ценности были как бы надолго забыты.

Внезапно вспыхнувший интерес к древнерусской культуре привлек в XIX веке пристальное внимание русской общественности к Северу, естественно сложившемуся заповедному краю, мало затронутому промышленным развитием. В 1829 году археологическая экспедиция под руководством крупнейшего русского ученого П. М. Строева обнаружила в Архангельске великолепную коллекцию древних рукописей. С этого времени здесь начали открывать все новые и новые россыпи самобытной народной культуры: рукописные книги и лубок, старинное крестьянское шитье и вышивку, иконы и домашнюю утварь, выполненные на том высоком художественном уровне, где стирается грань между ремеслом и искусством. Знакомство с ними произвело поистине ошеломляющее впечатление на русскую интеллигенцию. Сюда, на берега великих северных рек, устремились видные художники А. Е. Архипов, И. Я. Билибин, В. В. Верещагин, братья В. М. и А. М. Васнецовы. Небывало вырос интерес к историческим темам у музыкантов и писателей. Русский Север, по образному выражению Н. К. Рериха, стал «Римом России, русской Италией»¹.

После революции на Север выезжали экспедиции с участием крупнейших знатоков русского искусства:

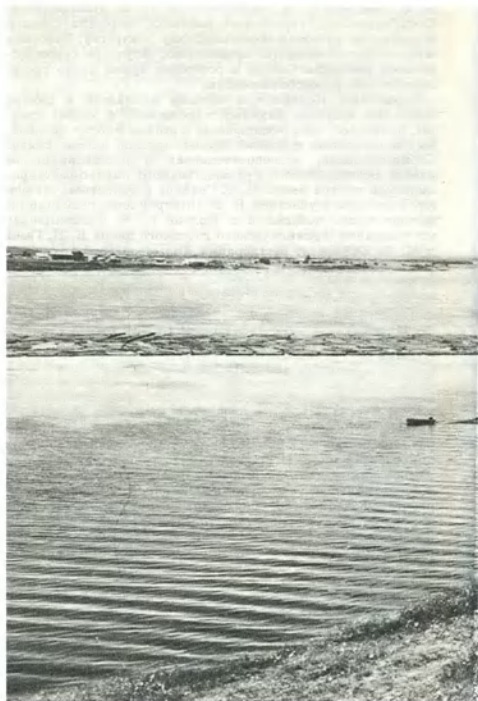
И. Э. Грабаря, И. Д. Барановского, Н. Н. Померанцева, Г. О. Чирикова, открывались выставки, печатались книги и статьи по русскому крестьянскому искусству, работало Архангельское общество краеведения. Изучение художественного наследия Севера в советское время стало систематическим и всеобъемлющим.

Памятники Подвинья и сегодня находятся в центре внимания ведущих научных учреждений и музеев страны, благодаря чему возвращены к жизни многие прекрасные живописные и резные иконы, прялки, шитье, книги. СобираТЕЛЬСкая, исследовательская и реставрационная работа Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени И. Э. Грабаря и областных музеев Архангельска с участием Н. Н. Померанцева; раскопки на холмогорских посадах и в Орлеце О. В. Овсянникова; исследование Архангельского гостиного двора К. П. Гемп и М. Ф. Кибирева; реставрация Холмогорского архиерейского дома и Спасо-Преображенского собора по проекту,

Низовья Северной Двины

разработанному под руководством Л. А. Давида; формирование Музея деревянного зодчества, создаваемого местной реставрационной мастерской по генеральному плану московских зодчих во главе с Б. В. Гнедовским,— это лишь отдельные вехи огромной научной и практической работы последних лет, благодаря которой мы все полнее ощущаем былое сказочное богатство художественной жизни Нижнего Подвинья. Теперь уже совершенно очевидно, что этот край с его древним центром, Холмогорами, не только хранил традиции, но и сам участвовал в сложении русской народной культуры.

Беспредельно царство воды, определяющее характер местного пейзажа, формирующее быт поморов и облик их поселений. Оно поражает всех впервые попадающих в этот северный край. Стремителен ход течения в коренном русле Северной Двины, бескрайни разливы ее бесчисленных рукавов и притоков. Близкое Белое море, как и много лет назад, приносит к архангельской набереж-

ной не только мощное дыхание приливов, но и десятки океанских судов под флагами разных стран.

И вдали от реки остается неизменным очарование северного пейзажа. Здесь, в местах, издавна обжитых человеком, конечно, не отыскать уже диких, нетронутых дебрей. Но нередко только одинокая лодка на приколе, уводящая в сторону тропинка да стог сена на лесной поляне говорят о близости жилья. Однако чаще всего архитектура все же властно вторгается в природу, дополняя и одухотворяя ее: это остатки белокаменной крепости новгородцев; каменные храмы, видевшие у своих стен Петра I и Михайлу Ломоносова; живописные группы деревень, сбегаящие к воде по травяным откосам и видимые издали по отметинам высоких бревенчатых храмов.

Низовья Северной Двины — это не только «царство воды», но и могущественная «держава дерева», понять законы которой поможет посещение музея под открытым небом вблизи Архангельска. В этом мире образов Древней Руси с предельной полнотой воплощен многовековой опыт народного зодчества, его художественные идеалы.

Неразрывную «связь времен» можно ощутить даже в современном Архангельске, городе будущего, одетом в леса новостроек. Древние песенные традиции местных хоров; образцы современного прикладного искусства, впитавшие в себя все лучшие достижения древнего художественного ремесла; богатейшие коллекции музеев, служащие основой для крупнейших международных выставок русского искусства; наконец, улицы, хранящие память веков, — Архангельск сегодня — это своеобразная модель трансформации русского Севера, где слились «день нынешний и день минувший».

Предлагаемые радиальные маршруты неутомительны и доступны даже начинающим туристам. Они рассчитаны на тех, кому дороги перламутровые краски Двинской земли, неяркая синева северного неба, тишина белых ночей. Пути-дороги разнообразны: палуба теплохода и автобус, но главное — пешеходные тропы, которые пролегают вдоль рек или уводят в даль беспредельных полей. Куда бы ни вели эти дороги, они нацелены на встречи с прекрасным. Пусть же звучат в нашей памяти на этом пути строки советского поэта Леонида Мартынова:

«Ты не почитай себя стоящим
Где-то тут вот в сущем, в настоящем.
А вообрази себя бредущим
По границе прошлого с грядущим...»

1. От Орлецов до Чухчеремы

Сокрушительные набеги татар
сдвинули русское население на
север, под защиту могучих лесов
и непроходимых топей.

М. Н. Тихомиров

Голубыми речными дорогами медленно продвигалась средневековая Русь к торговым морским побережьям. За устьем Днепра открылось взору славянских землепроходцев необъятное Черное море. Волгой вышли они к Каспию. К берегам северного Студеного моря шли предприимчивые русские люди главным образом по течению широкой и стремительной Северной Двины.

Река, как и много веков назад, могуча и величественна. Она берет начало не в чаще лесов и не в болотных топях. Неподалеку от Устья рождается водная гладь Северной Двины от слияния двух крупных рек — Сухоны и Юга, с первых же всплесков набирающая силу течения. С борта парохода порою кажется, что коренной берег чуть ли не вплотную подошел к фарватеру, но за новым поворотом он оборачивается островом или целым рядом мелких островов. И вновь открывается необъятная водная гладь. Все шире и шире становится река, к устью разливающаяся на несколько километров. Эта мощная водная артерия русского Севера несла когда-то в своем неудержимом потоке черные от смолы ладьи выходцев из Новгорода Великого и центральной Руси, плывших за своим «золотым руном», хотя для них путь этот, по словам летописца, «бьяше лют».

Чужой, неприветливый, тогда «жестокий» край таил в своих недрах несметные богатства. Зверем и дичью полнились лесные чащобы, рыбой кишели реки. Первые славянские поселенцы, проникшие в этот край охотников и рыболовов уже в первом тысячелетии н. э., принесли к очагам местных племен, «рекомых чудь», сложившуюся многогранную культуру Древней Руси, опыт ее земле-

дельцев, строителей, металлургов. Постепенно продвигаясь на север и восток, разведывали они и прокладывали новые пути, соединяющие реки волоки, давшие название всей земле «за волоками» — Заволочье. К XI веку земли по Северной Двине уже были включены во владения Великого Новгорода и платили ему дань. Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 года упоминает тридцать крупных поселений по Двине, Пинеге, Онеге. Проходит немного времени и разгорается борьба за Подвинье между Новгородом и центральными областями Руси: сначала Ростово-Суздальским княжеством, позднее — великокняжеской Москвой. Все чаще события на далеком Заволочье привлекают внимание летописцев.

В XIV—XV веках велись ожесточенные кровопролитные бои за обладание северными землями. Граница уже не единичных, а многочисленных русских поселений резко сдвинулась к северу, вплоть до берегов Белого моря. В устье Северной Двины возникают монастыри Михайло-Архангельский, Николо-Корельский. Растут посады на Холмогорах, поселения в Ухтострове, Чухчереме, Лявле. Притязания крепнувшей Москвы все активнее поддерживаются двинянами, стремившимися освободиться от власти новгородского боярства. Но только при разгроме Новгорода в 1478 году московский великий князь смог присоединить Двинскую землю к своим владениям, что было с особым удовлетворением отмечено в документах того времени: «...пригородам всем, и двинянам и заволочанам, крестное целованье новгородское с себя сложить, а целовать им на великих князей имя»². Двинская земля оказалась окончательно включенной в орбиту экономических и политических интересов Московского государства, связанная с центром страны тысячами невидимых нитей, протянувшихся по вековым голубым дорогам Севера.

Шли века и постепенно исчезали зримые приметы того далекого буйного времени, когда Подвинье было ареной напряженной борьбы. Казалось бы, ничто не могло сохраниться здесь, кроме древних летописных названий рек и сел, которые очень традиционны и служат подчас хорошим ориентиром при изучении края. Но до нашего времени дошли не только названия.

Всего за два с лишним часа рейсовая «ракета» домчит нас от морского вокзала Архангельска до тихой пристани Орлецы. Оглянемся вокруг. Эпическим спокойствием веет от пустынных каменных берегов, глухого соснового леса, обступившего небольшое селение, чистых песчаных отмелей на излучине реки. Здесь невольно зарождается тот

*Орлецкий мыс.
Здесь стояла
новгородская крепость,
возведенная в 1342 году*

«исторический настрой», который будет сопровождать нас и дальше в путешествии по этой древней стране.

Над высоким обрывом левобережья выстроились в ряд «красными» окнами на воду старинные дома. Среди них есть обветшавшие и заколоченные, но и теперь не потерявшие первоначальной красоты. Вспоминается стихотворение архангельской поэтессы Ольги Фокиной:

«Дом на юру —
Как на смотру:
Все — на виду,
Все — на ветру...
Бесело жить,
Песенно в нем
Было, когда
Дети росли,

Да в города
Дети ушли...»

А на правом берегу, чуть ниже по реке, видна территория небольшого камнедробильного завода. Место это издавна славилось богатыми залежами известняка, запасы которого и сегодня специалисты считают практически неисчерпаемыми. В XVII веке разработки камня принадлежали Соловецкому монастырю, имевшему право «на Двине на Орлеце камень белый ломать и дрова сечь и известь жечь». В конце XVII века орлецкий известняк шел на строительство каменных зданий в Холмогоры, Архангельск, Новодвинскую крепость. Где-то здесь, «ниже Орлеца», встречал двинский воевода Андрей Артамонович Матвеев 27 июля 1693 года молодого Петра I в его первый приезд на Двину.

Но что же привело нас сюда, в исходный пункт нашего путешествия?

Год 1342. «Лука Варфоломеев, не послушав Нова города и митрополита благословения и владычня, скопив с собою холопов збоев и поиде на Волок на Двину, и постави городок Орлец», — записал летописец в далеком Новгороде³. Так вот, очевидно, и начинались многочисленные походы на Север: недовольные чем-то в родном городе, уходили новгородцы в поисках удачи.

Ученые долго спорили о самом месте летописного Орлеца. В 60-х годах прошлого столетия служащий Архангельского статистического комитета А. Г. Тышинский обратил внимание на каменные руины на левобережье Двины, напротив орлецких карьеров. Однако только в наши дни О. В. Овсянников, руководивший их обследованием в 1959 году и раскопками в 1970—1971 годах, полностью раскрыл их значение.

Высокий мыс на левобережье господствует над местностью. Каменные откосы почти на 20 м отвесно спадают к воде. Река, зажата с двух сторон, резко сужается. Бурлят на крутом повороте отмеченные на старинных картах «орлецкие водовороты». Хорошо просматривается отсюда русло реки и вверх и вниз по течению. Не удивительно, что именно здесь решил ставить Лука Варфоломеев крепость — этот надежный «замок», запиравший путь в низовья Двины и на северо-восток, в земли по Пинеге, Мезени и на Печору.

Орлец — единственная каменная крепость в Подвинье, имевшая две линии обороны. Стоявший на самом мысу детинец был укреплен рвом и валом с мощными белокаменными стенами толщиной 2,8 м. На стыках стен возвышались башни, не выступавшие за внешнюю линию стен. С напольной стороны в 100—120 м от детинца

*Осада Орлеца новгородцами
в 1398 году.*

Миниатюра XVI века

(максимальное расстояние для прицельной стрельбы из лука) шла внешняя, первая линия обороны. Это было полукольцо земляных укреплений, на самом ответственном участке, с юго-запада, состоявших из целой системы рвов и валов.

Каменные стены детинца протяженностью около 650 м в плане образовывали четырехугольник. Прямолинейные прясла свидетельствуют о том, что это памятник уже переходного периода к «регулярной» планировке крепостей. Поэтому Орлецкий городок интересен не только для местной истории. Его значение гораздо шире, оно важно для истории русского крепостного зодчества в целом.

Наряду с широко известными крепостями — Старой Ладоги, Новгорода, Пскова, Изборска, Копорья — Орлец шестая на Севере каменная средневековая крепость Руси.

К нашему времени остатки двух стен, обращенных к реке, подмыты и обрушены ее течением, особенно мощным

на излучине во время бурных весенних ледоходов. В земле сохранились основания только северного и западного прясел стен и угловой проездной башни. Их кладка из больших белокаменных блоков на известковом растворе, с забутовкой середины из более мелких камней, также пролитых известью, выдает руку новгородских строителей, пришедших, видимо, сюда в ватаге «холопов» Луки Варфоломеева.

Но недолго прослужил Орлец-городок новгородцам. Всего через полстолетия он был ими же безжалостно разрушен. В 1397 году «бояре двинские», откликнувшись на призыв великого князя Василия Дмитриевича, «задались на Москву, а от Новгорода отнялись». Не смогли стерпеть подобной измены и потери двинских земель новгородцы. В следующем, 1398 году они «целоваша крест за един брат <...> и поидоша за Волок <...> и повоеваша Белозерские и Кубенские волости, Галичские взяша на щит и Устюг повоеваша и пожгоша», — читаем мы в новгородской летописи, — «...и оттоле поидоша к Орлецу-городку и стояша под городком четыре недели, поставиша пороки и оступиша городок, и начаша бить пороки».

На пути грандиозного карательного похода новгородцев только Орлец смог оказать им длительное сопротивление. Здесь они были остановлены и простояли почти целый месяц, держа осаду. Даже летописец в далеком Новгороде, бывший отнюдь не на стороне «мятежного» городка, не смог скрыть, как нелегко далась новгородцам победа. Зачинщиков перехода на сторону Москвы «овых смертью казниша», других «изковаша, кто водил Двинскую землю на зло», городок же «скопаша и разгребоша»⁴. Еще почти сто лет продолжалась борьба Новгорода и Москвы, но Орлец так уже никогда и не поднялся из руин.

Об Орлеце еще долго помнили на Руси. Очевидно, вид белокаменных развалин, столь необычный в этом краю леса и бревенчатых построек, будоражил воображение. В XVI веке в Лицевую (иллюстрированную) летопись была включена миниатюра с изображением осады Орлеца новгородцами⁵. Художник не так уж отвлеченно, как это может показаться с первого взгляда, изобразил далекие для него события стапятидесятилетней давности. Правильно показана не только крутая излучина большой реки, но и расположение крепости на высоком левобережье, и наиболее вероятное направление главного удара осаждающих с юго-запада — самого уязвимо-

*Церковь Николая
села Панилово.
Чертеж Д. В. Милеева.
1906.*

места в ее обороне. В XVI веке остатки орлецкой крепости все еще высоко поднимались над землей. Только позднее их разобрали на камень. «А на Орлеце основание каменного городка и донныне знать», — добавил один из авторов местной Двинской летописи⁶. И сегодня, почти через шесть столетий после разрушения городка, мы вновь благодаря труду археологов можем повторить эти слова летописца. Земля все еще хранит память о давно разоренной белокаменной крепостице.

Ниже Орлеца низменные берега Двины, заселенные с незапамятных времен, входили позднее в состав Паниловской волости. В село Панилово после разгрома Орлеца свезли одну из стоявших там деревянных церквей. Когда в начале XVII века ее смыло течением реки, в Панилово возвели новую 40-метровой высоты Никольскую церковь. Этот огромный традиционный столпообразный шатровый храм, «церковь кругла» русских летописей, поражал и мастерски выполненной отделкой самих стен с тончайшей

Вавчуга сегодня

подвеской бревен, и изящными порезками немногочисленных декоративных деталей, и, наконец, лаконичным и поэтому особенно выразительным силуэтом. С утратой замечательного монументального древнего сооружения, сгоревшего в 20-х годах нашего столетия, оказалась «вырванной» одна из самых ярких страниц зодчества Нижнего Подвинья.

Через несколько километров севернее Орлецов в Двину впадает ее крупнейший приток Пинега. Только у самого ее устья правый берег Двины круто вздымается, скрывая постройки лесосплавщиков, выросшие рядом со старинной деревней.

Пинега дала имя жителям огромного края, раскинувшегося к востоку от Северной Двины. Лес воспитал в них мужественность, наложив отпечаток на весь быт и склад характера пинежан. О жизни наших современников на Пинеге мы знаем по полным суровой правды романам Федора Абрамова. О судьбах же их далеких предков

узнаем из тех же старинных грамот, что и об истории всей Двинской земли. Уже в 1137 году здесь было два опорных пункта Новгорода — Кеврола и Пинега. Но памятники этого края — особая тема, а наш путь лежит на север, вниз по течению Двины.

За Усть-Пинегой коренное русло реки прижимается почти вплотную к обрывистому правобережью, где сплошной фронт высоких береговых откосов внезапно прерывается просторной долиной. Видны домики небольшого поселка. Это Вавчуга, родина русского торгового флота, один из крупнейших центров судостроения в эпоху петровских преобразований. Но вот уже снова появляется стена леса, «ракета», не останавливаясь, проходит мимо. Пока она причалит через несколько километров у пристани Чухчерема, вспомним давно прочитанные страницы истории.

Известное с середины XVI века село Вавчуга во второй половине XVII века переходит от своих старых владельцев Поповых к холмогорскому посадскому человеку, потомку выходцев из Новгорода — Андрею Баженину. По одной версии он получил село в приданое за женой, по другой — купил его за 300 рублей. Были здесь и рыбные ловли, и пахотные и сенокосные земли, были и мельничные пруды. От них-то и пошла вскоре слава Вавчуги. Сыновья Андрея Баженина Осип и Федор ставят в 1680 году на месте мукомольных мельниц невиданную в этих краях «водяную пильную мельницу», на которой круглый лес «растирали» на доски.

«Пильная мельница» принесла Бажениным не только доходы, но и репутацию умелых предприимчивых людей, так высоко ценившихся в динамическую эпоху петровских реформ. Современников удивляло, что предприятие, построенное на уровне «заморских образцов», создано усилиями русских умельцев. Нашлись желающие завладеть вавчужской «пильной мельницей»: о передаче ее холмогорскому архиерейскому дому хлопотал архиепископ Афанасий, свои «права» на нее заявлял переводчик Посольского приказа иноземец Андрей Крафт, получивший в последующие годы царскую привилегию на устройство в России подобных предприятий. Но Петр I решительно отказал обоим, по достоинству оценив инициативу посадских людей Бажениных. Дважды был он в Вавчуге, беседуя с братьями «с очи на очи». О чем шли беседы, неизвестно, но уже в 1693 году, после первого же визита царя, Баженины приезжали в Соломбалу, где присматривались к секретам корабельного дела.

В ответ на просьбу разрешить им строительство кораблей «против заморского образца» Баженины получили в 1700 году жалованную грамоту, ставившую их в исключительное положение, которое можно сравнить разве что с положением знаменитых Строгановых или Демидовых. Грамота разрешала им не только строительство и вооружение кораблей, не только беспошлинный ввоз материалов, но и бесконтрольный свободный наем работников.

Любопытно, что грамота запрещала избирать Бажениных на выборные должности, дабы не отвлекать от основного государева дела — строительства торговых судов. Уже в 1702 году в присутствии самого Петра здесь были спущены на воду два первых фрегата: «Курьер» и «Святой дух», построенные по государственному заказу. А в следующем году Баженины отправили за границу первый собственный корабль с товарами. Так родилось это частное судостроительное предприятие, действовавшее до 1783 года, на котором было построено сто двадцать судов.

Какими же они были, всемогущие владельцы вавчужских берегов? По свидетельству холмогорского архиепископа Варнавы, Осип Баженин был «самосилен, самоволен, самосуден» — образная, достаточно определенная характеристика волевого и энергичного, но жестокого человека. Младший брат Федор Андреевич Баженин был образованнее, мягче. Последние годы жизни он провел в чине «экипажмейстера», пожалованного ему Петром I, и был президентом архангельского магистрата. Высокообразованными корабельными инженерами стали его сыновья и внуки. Работая над романом «Петр Первый», Алексей Николаевич Толстой тщательно изучал исторические документы петровской поры. Он так рисует нам облик братьев-корабелов: «...серьезные и видные, с закрученными усами, в иноземном суконном платье, узковатом в плечах < ... > братья Осип и Федор Баженины вскочили, держа на животе аглицкие шляпы, важно потупились. Петр опять кивнул на них:

— Вот таких бы побольше у нас < ... >. Хочу при всей людности Осипа и Федора пожаловать...»⁷.

Без малого двести лет прошло со времени закрытия верфи в Вавчуге. Какой она стала сегодня? Дошли ли до нас осязаемые приметы ее прошлого?

Семь километров пути от Чухчеремской пристани до Вавчуги не покажутся тяжелыми. Очень уж хороша дорожка, покорно следующая извилам двинского берега

*Вид села Вавчуги в XIX в.
Рисунок
неизвестного художника.
Архангельский областной
краеведческий музей*

среди буйного душистого разнотравья, от которой то и дело убегают в стороны еле заметные тропинки-змейки, одни — спускающиеся к реке, другие — уводящие в поля, к синееющим вдали рощам.

Мы стоим на краю неглубокой пологой котловины. К береговой кромке полукольцом спускаются дома. Сквозь красноствольные сосны виднеется зеркало большого пруда. Здесь, у его берегов, стояли «дочерние предприятия» вавчужской верфи — канатный и парусный заводы. Рядом гремели молоты нескольких кузниц (мы еще увидим у одного из домов старинную наковальню). Сама же верфь располагалась дальше, за плотиной, у просторных песчаных отмелей, где каким-то чудом сохранились остатки могучих лиственничных свай. Поразительно мало изменился пейзаж Вавчуги. На месте когда-то знаменитой «пильной мельницы» и сейчас стоит небольшая лесопилка. На другом краю котловины, как и прежде, белеют домики деревни Лубянки, основание которой связывают с работ-

*Дом Бажениных в Вавчуге.
Середина XVIII в.*

ными людьми Бажениных. Нет только каменной церкви начала XVIII века, венчавшей раньше вершину холма, у алтарей которой были похоронены основатели верфи — «именитые люди гостиной сотни архангельского города», как было написано на их могильных камнях. Вид церкви запечатлен лишь на небольшой акварели, висящей в зале Архангельского краеведческого музея.

Если верить преданию, в Вавчуге сохранилось «родовое гнездо» Бажениных. Каких-либо документов на этот счет нет, но, скорее всего, в предании говорится об огромном, стоящем на самом берегу доме, в котором сейчас находится школа. Просторный, высокий, он всем своим видом сразу обращает на себя внимание, хотя в селе есть немало других больших двухэтажных изб. До сих пор никто из специалистов не исследовал его. Но даже и поверхностный осмотр убеждает нас в том, что это сооружение не только очень старое, но и весьма значительное. Само расположение дома на склоне котловины не случай-

но: из его окон вавчужские «владыки» могли с удобством наблюдать за жизнью села и верфей. В его облике нетрудно заметить некоторую двойственность. С одной стороны, по своим размерам это большой городской дом, почти «дворец». И в то же время он похож на крестьянскую избу. Однако какой же крестьянин мог иметь восемь комнат общей площадью чуть ли не 500 м, да еще при отсутствии хозяйственной половины — двора! Разнохарактерность присуща и оформлению помещений. В верхнем, парадном этаже видны тонкой работы филенчатые двери с медными ручками, остатки кафельных печей — следы чисто городского убранства. Два смежных зала площадью каждый по 100 м — тоже свидетельство не только богатства, но и «городского» образа жизни хозяев дома. Зато в подклете, наоборот, царят характерные приемы народного крестьянского зодчества: кованые решетки с кольцами в маленьких, подслеповатых окошках, фигурные личины замков, косячатые окна и двери. Эта противоречивость в оформлении дома, несомненно, была обусловлена личностью его владельцев. Они носили «иноземное платье», брили бороды, соблюдали необходимый «политес» при приеме знатных гостей. Но унаследованные от предков повседневные привычки простых посадских людей, весь свой старинный домашний уклад они оставили далеко не сразу.

Несмотря на огромные размеры, дом Бажениных органически сливается с остальной застройкой Вавчуги. Жилой этаж, поставленный на высокий подклет и увенчанный светелкой, — это самый распространенный в низовьях Северной Двины тип избы. В этом смысле дом Бажениных представляет огромный интерес не только как исторический, мемориальный памятник в узком смысле слова. Датой его строительства можно считать середину XVIII века, и в этом случае перед нами — одна из самых древних жилых построек, сохранившихся в этих краях. В 1791 году здесь, у Степана Ивановича Баженина, продолжавшего жить в Вавчуге и после закрытия верфи, останавливался П. И. Челищев, оставивший нам интересные записки о своем путешествии по Архангельской губернии. Что найдут будущие исследователи под поздней обшивкой дома, в интерьерах его парадных комнат? Может быть, узорчатые наличники окон, следы галереи... не пришло еще время окончательно судить о его первоначальном облике, в котором воплощены самые традиционные приемы народной жилой архитектуры Севера наряду с чертами городской культуры XVIII века.

На обратном пути в Чухчерему оглянемся назад. Обвеваемый всеми ветрами, возвышается на мысу дом Бажениных. А за рекой простираются низменные дали островов. В южной части лежит старая Ровдогорская волость — родина талантливого корабеля Степана Тимофеевича Кочнева-Негодяева, в XVIII веке строившего замечательные суда на местной верфи. А дальше к северу — земля, давшая Родине целую плеяду ученых и художников. Первым среди них был Михаил Васильевич Ломоносов, в юности не раз бывавший в Вавчуге, когда живы были еще основатели верфи. Не здесь ли зародился у него живой интерес к техническим знаниям?

Дорога в Чухчерему идет по земле, в конце XVII века принадлежавшей холмогорскому архиерейскому дому. Здесь стоял «двор для архиерейского пришествия», чуть ниже села, на реке Юре, находились соляные варницы, в Сятиверах работали «пильные мельницы». Архиепископ Афанасий старался не отставать от века.

Поселение Чухчерема возникло еще в период освоения новгородцами этих земель. Сейчас это большое село, вытянувшееся вдоль реки на полтора километра. Близость к областному центру ощутимо повлияла на его облик. Нелегко отыскать сегодня приметы старины среди ярко окрашенных, крытых шифером домов. Тем не менее они еще есть, надо только суметь их разглядеть. Отдельные дома, несмотря на их позднее происхождение, сохранили эстетику древних обнаженных бревенчатых срубов. Эти большие двухэтажные, близкие к городскому типу постройки зачастую не утратили традиционных хозяйственных дворов. В ряде изб сохранились и дощатые кровли, уложенные по «курицам» и «потокам», видны даже резные «шеломы» и бревенчатые консоли, поддерживающие свесы кровель. Иногда эти детали выглядывают из-под позднее уложенных шиферных плит или тесовой обшивки стен. Но не эти немногочисленные следы старой жилой архитектуры привлекают нас сегодня в Чухчерему. Древнее село является блестящим примером решения (очевидно, чисто интуитивного) сложной композиционно-пространственной задачи. Его береговая панорама фланкируется двумя живописными группами церквей, из которых каждая служит своеобразным «маяком» для судов, идущих по реке: южная «встречает» корабли, спускающиеся к устью, северная — поднимающиеся вверх по течению. Церкви поставлены на изгибе речного русла так удачно, что никогда не видны одновременно, «не спорят» друг с другом.

На улице села Чухчерема

На южной околице села доживают свой век две обветшалые, не слишком древние деревянные церкви — Никольская и Введенская. Одна из них, поставленная на белокаменном цоколе, воспроизводит в дереве формы купольной каменной архитектуры, другая повторяет традиционный тип клетских храмов. Обе выстроены во второй половине XIX века на месте упраздненного древнего Никольского монастыря, известного с XV века и одно время приписанного к Троице-Сергиевой лавре.

Северный конец села замыкается огромным обрывистым холмом. На его вершине сейчас стоит небольшая деревянная церковь Василия Блаженного (Васильевская), поодаль от нее на востоке — шатровая деревянная колокольня. Это лишь фрагмент первоначальной великолепной архитектурной «триады» XVII—XVIII веков, главной, ныне утраченной частью которой была грандиозная девятиглавая Ильинская церковь 1657 года, известная по фотографиям и обмерам начала нашего века.

*Церковь
Василия Блаженного
в Чухчереме*

*Двинской берег
у Чухчеремы*

←

Эта группа памятников была основным зрительным ориентиром для судов, идущих от Архангельска. О том, что ансамбль был рассчитан на восприятие с воды, свидетельствует ступенчатое расположение его зданий на холме. За много километров виднелся огромный массив Ильинской церкви, увенчанный букетом пучинистых глав, словно нераспустившихся чешуйчатых бутонов фантастических цветов. По мере приближения к селу из-за него показывалась вертикаль островерхой колокольни и приземистый объем Васильевской церкви. Лишь у самого села все постройки как бы выстраивались в ряд, образуя живописную фронтальную композицию.

Васильевская церковь — типичный пример сельского теплого храма с двускатной кровлей, какие принято называть «клетскими». Клетские церкви с древнейших времен были самым распространенным типом храма, который зодчие продолжали развивать и совершенствовать на протяжении многих столетий, вплоть до нового

времени. Развитие художественных особенностей этого типа шло, по существу, по линии преодоления «избяных», утилитарных конструкций, главным образом за счет увеличения высоты клинчатых кровель. Его апофеозом, высшей точкой развития, можно считать гигантскую клинчатую кровлю Спасо-Преображенской церкви из села Спас-Вежи Костромской области, выстроенной в начале XVII века⁸. А Васильевская церковь в Чухчереме — это пример рядового клетского зимнего храма, как и обычно, в ансамблях, не претендовавшего на ведущую роль. Незатейливая и скромная по архитектуре, Васильевская церковь все же подкупает нас той простотой и безыскусственностью форм, которые отличают народное искусство Севера. Объемное построение здания легко читается на его боковых — южном и северном — фасадах. К кубическому двусветному четверику с востока примыкает алтарный прируб, крытый бочкой, с запада — приземистая трапезная. Обшивка нивелирует живописную поверхность бревенчатых стен, но под ней распознаются старые детали: расширяющиеся кверху срубов «повалы», косяки и переплеты окон с раскладками. Памятник нуждается в скорейшей реставрации — ждут восстановления лемеховое покрытие главки, причелины и подзоры кровель, тесовое покрытие алтаря — словом, те детали, которые уничтожены поздними переделками, обеднившими художественный замысел строителей здания. Есть сведения, что Васильевская церковь возведена в 1824 году «...вместо сгоревшей в 1823 году Георгиевской церкви». Так это или в то время только отремонтировали более древнее, обгоревшее внутри сооружение, может показать лишь тщательное обследование конструкций.

Восьмигранный столп колокольни 1783 года возвышается над низким четырехгранным основанием. В противоположность глухой гладкой обшивке, скрывающей срубы церкви, поверхность открытого сруба колокольни, так же как и тесового трехрядного покрытия его шатра, очень материальна и живописна. В этом памятнике в рамках художественных и строительных традиций деревянного зодчества ясно видны следы воздействия на него каменной архитектуры. Ею подсказан, например, рисунок ажурных двойных арок с висячей гирькой яруса звона. Мы еще встретимся с каменными памятниками, весьма близкими этой колокольне, но построенными намного раньше.

В этом ансамбле привлекают прежде всего великолепно найденные пропорциональные соотношения отдельных

сооружений. Силуэты памятников очень красивы и выразительны со стороны реки и ранним утром, когда они вырисовываются контражуром в лучах восходящего солнца, и поздним вечером, в освещении пламенеющих лучей заката.

Напротив Чухчеремы, словно переключаясь с ней, виднеется пристань Ломоносово. Покидая Чухчерему, мы надолго прощаемся с правобережьем Северной Двины. Впереди — путь на острова.

2. На родине Ломоносова

О холмы красны и острова зелены,
Обильные луга, прекрасны бреги
рек.
О коль ты счастлива, великая
Двина.

М. В. Ломоносов

В пойме широко разлившейся Северной Двины многочисленные протоки омывают ряд низменных островов, тянущихся чуть ли не до горизонта. Наиболее значительный из них Куростров (в составе местных названий то и дело встречается корень слова «курья», на севере России означающего, по Далю, «разливной приток, речной рукав»). Пристань Ломоносово стоит на его восточном берегу. Тропинка от пристани выводит к дороге, уходящей в глубь острова до его противоположного берега на 8 км. Примерно на ее середине стоит село Ломоносово — первая цель нашего путешествия в этом островном краю. От пристани ходит рейсовый автобус, но короткий четырехкилометровый путь словно создан для спокойной пешеходной прогулки.

Куростров впервые упоминается в грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1397 года. Уже в XVI веке он был густо населен, здесь стояло сто семьдесят девять дворов «черносошных» (государственных) крестьян. Во второй половине XVII века их число увеличилось до двухсот двадцати⁹. Большая часть земли находилась в крестьянских хозяйствах, лишь отдельными угодьями владел крупнейший в низовьях Двины Антониев-Сийский монастырь. В начале XIX века многочисленные мелкие деревни, разбросанные по острову, были объединены в одно большое село Ломоносовское.

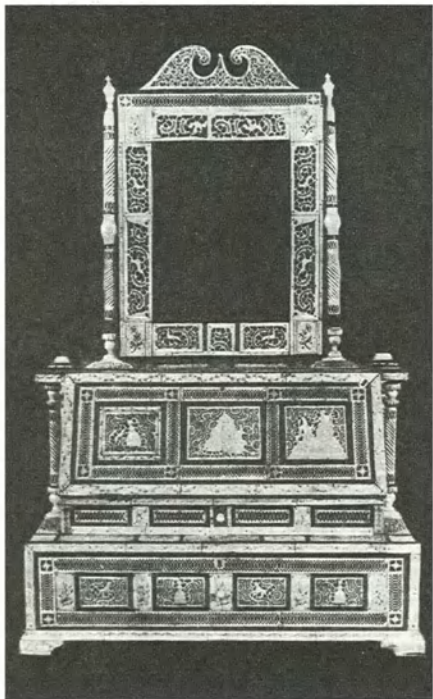
От дороги и сейчас все время видны жилые усадьбы, хозяйственные постройки, сложенные по-северному добротно, крепко. На одном из домов широченные свесы кровли

*Музей М. В. Ломоносова
на его родине*

раскрашены в несколько цветов. Хотя дом новый, эта деталь напоминает нам о древних традициях, долго сохранявшихся на Севере. За ближайшим пригорком виднеется околица большого села. Это и есть родина М. В. Ломоносова и его младшего современника прославленного скульптора Федота Ивановича Шубина.

Сын крестьянина Василия Дорофеевича Ломоносова, Михайло до 10 лет жил в доме дяди отца, Луки Леонтьевича, морехода и зверобоя, с 1705 года — выборного двинского земского старосты. Только в 1722 году смог его отец приобрести собственный дом и закрепить за собой 34 сажени пахотной земли. Но главной гордостью семьи стало новое судно «Святой Архангел Михаил», построенное крестьянином соседней Паниловской волости Трофимом Антоновичем Медведевым и прозванное за свой быстрый и легкий ход «Чайкой»¹⁰. Его оснастили наподобие гукора, как то было велено царским указом 1714 года, «...которые ходят на море для промыслов

своих на ладьях и кочах <...> делали бы морские суда галиоты, гукоры, каты, флейты, кто из них какое хочет». На этом судне юный Михайло Ломоносов ходил с отцом в Белое и Баренцево моря «...к берегам Лапландии, Само-яди и на реку Мезень»¹¹. В этих трудных походах на промысел морского зверя закалялось его сердце и мужал характер.

В центре села уютно укрылось в зелени разросшегося сада одноэтажное деревянное здание. По преданию, оно поставлено на месте дома Ломоносовых, вблизи остатков пруда, устройство которого связывают с их именем. Здание строилось в 1868 году как «Начальное училище имени Ломоносова», о чем напоминает бережно сохраняемая на его фасаде надпись. Сейчас здесь расположен музей. Он невелик, но, знакомясь с его экспозицией, словно воскрешаешь в памяти известные из книг, но забытые со временем сведения. Старинные предметы местного быта, карта Куростровской волости XVIII века, названная

*Туалет-бюро работы
холмогорских косторезов.
XVIII в. Ульяновский
художественный музей*

←

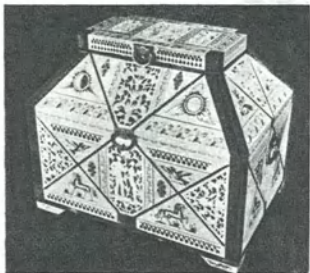
ее составителем академиком И. И. Лепехиным «Отечество Ломоносова», акварель Н. И. Кислякова и макет, рисующие вид старой Денисовки, как называлось когда-то это село,— все помогает представить нам обстановку, в которой рос будущий прославленный российский ученый. Здесь, в музее, мы еще раз убеждаемся в энциклопедически широком круге интересов М. В. Ломоносова. Любителям же путешествий интересно напомнить, что его занимали не только общие вопросы отечественной истории и географии. Он считал важным делом планомерное изучение исторических памятников, сбор старинных чертежей и описаний. По настоянию Ломоносова Академия наук разослала во все губернии запросы, ответы на которые впоследствии легли в основу первого «Топографического описания России», изданного уже после его смерти.

В музее собраны изделия знаменитого на весь мир холмогорского художественного ремесла — резьбы по кости, традиции которого идут из глубины веков. Первые

ростки его были заложены, очевидно, еще новгородскими переселенцами, знакомыми с приемами обработки кости с древнейших времен. Здесь, в Поморье, для развития косторезного искусства оказались все условия, и прежде всего — широкая сырьевая база. Зимой, свободные от работы на море и на земле, поморы резали кость, чаще всего моржовую, — знаменитый в Древней Руси «дорог рыбий зуб», реже — ископаемую мамонтовую, привозимую с Печоры, иногда даже «заморскую» — слоновую. Если же другой под рукой не было, то резали обычную «животную», скотскую. Существовала особая пошлина «десятая кость», которую промысловики обязаны были платить государевым приказчикам. А с середины XVII века торговля моржовыми клыками вообще стала государственной монополией.

Прекрасные изделия холмогорских резчиков по кости хранятся во многих музеях страны. Не только в Эрмитаже и Государственном историческом музее, но и в провинциальных музеях можно увидеть уникальнейшие вещи, резанные холмогорцами в XVII, XVIII веках и позднее. Недавно восстановлены московскими реставраторами резная картина «Охота» из музея Рыбинска и великолепное туалет-бюро из музея Ульяновска. Здесь, на родине промысла, интересно вспомнить историю его развития. Известный русский историк И. Е. Забелин писал: «Работою отличнейших гребней славилась издревле холмогорская сторона, откуда призывали мастеров и в царский дворец <...> из дворца посылали иногда на Холмогоры особые заказы»¹². В 50-х годах XVII века в Оружейной палате Московского Кремля работали «про царский обиход» холмогорцы «костяного резного дела токари» — гребенщик Прокопий Борисович Шешенин и его племянник Евдоким. В Москву вызывали и других мастеров, но большая их часть работала дома, в Холмогорах и округе — Матигорах, Ухтострове, Ровдине, Курострове. В 60-х годах XVII века здесь было больше двадцати косторезов-гребенщиков.

Временем расцвета этого промысла был XVIII век. В Курострове им занимались соседи и родственники Ломоносова, друзья его детства — Шубные, Дудины, Верещагины. В молодости резал кость и Федот Иванович Шубин, пока не ушел, по примеру Ломоносова, в 1759 году из родной деревни учиться в Петербург. Потомственными косторезами были члены семьи сестры Ломоносова Марии: ее муж Евсей Головин, зять Федор Яковлевич Лопаткин, внук Иван Федорович Лопаткин, получивший в

*Ларец «Свадебный».
Мастер Г. Ф. Осипов. 1973*

1827 году серебряную медаль за свои работы. Они вырастили целое поколение учеников, работавших на протяжении всего XIX века.

Искусство резьбы по кости развивалось в общем русле русского прикладного искусства Севера. Сказывалась активная роль Холмогор как важнейшего культурного и ремесленного центра Нижнего Подвинья. В XVII веке косторезы следовали вековым традициям древнерусского узорочья, проникшего во все виды искусства — от оформления книги до кузнечного дела и зодчества. Но орнаментальная резьба с травными растительными мотивами на рубеже XVII—XVIII веков стала соприкасаться с новыми веяниями в искусстве, чутко воспринимавшимися мастерами благодаря их поездкам в Москву, в Петербург, близости международного Архангельского порта. В начале XVIII века резчики стали увлекаться сюжетными композициями на исторические и аллегорические темы, черпая их в народном лубке, иллюстрациях печатных изда-

ний. Популярной была среди них книга «Символы и эмблемы», выпущенная в Амстердаме на русском языке в 1705 году по заказу Петра I.

Менялись композиции, приобретая все более светский характер, менялся и сам стиль резьбы. В XVIII веке достигла совершенства ажурная прорезь «на проем», отмеченная народной характеристикой: «только в вырезу мурашу пройти». Полюбился прием обкладки изделий окрашенными пластинами с гравировкой. Рельефная моделировка перешла затем в скульптуру. Расширился круг изделий: церковная утварь, гребни, рукояти мечей и станки для пицалей уступили место бесчисленным табакеркам, кубкам, ларцам, подзеркальникам, выроставшим иногда в сложные «архитектурные» сооружения. Позже стали резать игральные карты, разрезные ножи для бумаги, скульптурные группы, барельефные композиции, «картины». Зачастую мастера работали не только на родине, но уезжали в Архангельск или даже Петербург, приобретая новые навыки резьбы при знакомстве со столичным искусством своего времени. Так, в конце XVIII века архангелогородец Н. С. Верещагин резал вазы и аллегорические композиции в классическом стиле.

В XIX веке промысел постепенно сосредоточился в Курострове, заглухнув в соседних центрах. В 1867 году на Парижской выставке экспонировались работы Гаврилы Шубного. В конце XIX века в Ломоносовском было около сорока мастеров, но неизменно падало художественное достоинство их работ, не находивших спроса в условиях растущей конкуренции модных дешевых промышленных изделий. В 1885 году безуспешно пробовали возродить промысел, временно открыв «класс резьбы» при Ломоносовском училище. «В селе Ломоносовском когда-то был развит кустарный промысел резьбы <...> пал от недостатка сбыта»¹³, — писал в 1912 году архангельский губернатор.

Возрождение старого художественного промысла стало возможным только в годы Советской власти. В 1929—1930 годах была открыта Ломоносовская школа резьбы по кости, первыми учителями в которой стали В. П. Гурьев, В. Т. Узиков, Г. Е. Петровский, прошедшие ученичество у старейшего мастера М. И. Перепёлкина, ученика лучшего из резчиков 80-х годов прошлого века М. М. Бобрецова. Так связалось неразрывной цепочкой преемственности мастерство старых поморов и умельцев-резчиков советской школы, возродивших высокое художественное качество холмогорского промысла.

В наши дни здесь выделяются многочисленные традиционные вещи: мундштуки, трубки, броши, разрезные ножи для бумаги. В ажурный и рельефный орнамент вплетаются композиции на темы жизни Севера: северные олени, ненецкие упряжки, елочки. Одновременно по моделям признанных художников, давно связанных с промыслом тесными творческими узами, в частности старейших мастеров М. Д. Ракова и С. П. Евангулова, выполняются целые скульптурные группы. Ныне косторезный промысел села Ломоносово — один из самых популярных и высоко ценимых народных промыслов русского Севера, не раз отмечавшийся медалями и дипломами на крупнейших выставках в СССР и за рубежом.

Но не только в музее оживает перед нами старый Куростров. На околице села, на высоком открытом месте стоит здание древней каменной церкви. В годы небрежения к старой архитектуре были разрушены алтарь, главы, верх колокольни. Но удивительно стойко выдержали испытание временем сохранившиеся части сооружения. Их украшает первозданный резной кирпичный декор: перспективные порталы, наличники окон, «хоровод» арок-кокошников, венчающих четверик. Убранство фасадов этого памятника невольно вызывает в памяти столь же непритязательные по архитектуре сельские храмы средней России.

Каменная церковь Дмитрия Солунского, заменившая собою древнюю, не раз горевшую деревянную, строилась в 1726—1738 годах. Под первой же подрядной записью на ее постройку стоит подпись пятнадцатилетнего Михайлы Ломоносова: «7 февраля 1726 года <...> вместо подрядчиков Алексея Аверкиева сына Старопоповых да Григория сына Иконникова по их велению Михайло Ломоносов руку приложил»¹⁴. Церковь возводили местные мастера. С 1727 по 1730 год кирпичную кладку вел крестьянин соседней Курейской волости Петр Кузьмин Некрасов, получивший 134 рубля, по одному рублю за каждую уложенную в дело тысячу кирпичей. Одну из его расписок в получении денег также подписал Михайло Ломоносов. С 1731 года достраивали церковь местные крестьяне Феодосий Иванов Авксентьев, Яков Прокопьевич Дьяков и Гаврила Моисеев Верещагин.

Северный придел Екатерины, трапезная и колокольня выстроены позже, в 1753—1765 годах. Два этапа строительства этого памятника хорошо видны на его фасадах. Декор «второй очереди» выполнен в формах архитекту-

*Церковь
Дмитрия Солунского
в селе Ломоносово.
1726—1765*

ры середины XVIII века, в отличие от традиционного древнерусского декора четверика. Более поздние детали проще и строже по рисунку, хотя и сохраняют пластичность и мягкость исполнения. Над «ушастыми» наличниками трапезной — профилированные «козырьки», прообраз классических сандриков. Но это не мешает общему восприятию здания как единого архитектурного целого. Сейчас трудно себе представить, что такое в общем-то небольшое сооружение потребовало чуть ли не сорокалетних усилий. Сказывался, очевидно, начавшийся экономический спад холмогорской земли.

Строительство церкви Дмитрия Солунского велось на глазах у юного Михайлы Ломоносова. С ней связаны его первые шаги в овладении русской грамотой. Современники считали его «лучшим чтецом в приходской своей церкви». Даже самую дату его рождения мы знаем благодаря церковному архиву. Так художественная ценность древнего здания дополняется его уникальным

мемориальным значением — это единственное в родном селе Ломоносова сооружение, хранящее память его времен.

«Имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для чего многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно, в уединенных и пустых местах, и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы», — вспоминал впоследствии М. В. Ломоносов¹⁵. Морозным декабрьским днем 1730 года отправился девятнадцатилетний юноша с рыбным обозом в Москву, выпросив у соседа Фомы Шубного кафтан и заняв три рубля.

От центра села в просветах между деревьев открываются широкие дали — это видно левобережье Северной Двины, отделенное от Курострова широкой протокой Курополкой. В центре панорамы, почти у самого берега, высится громада Спасо-Преображенского собора в Холмогорах. Не раз и не два бывал там Михайло Ломоносов, сначала — вместе с отцом, выполнявшим хозяйственные поручения местного архиепископа, потом, уже юношей, — один. Его влекли туда богатейшая библиотека и только что открывшаяся при архиерейском доме школа. Чуть южнее, на втором плане, белеет здание церкви в Верхних Матигорах. Невдалеке от нее, в селе Нижние Матигоры, родилась мать М. В. Ломоносова Елена Ивановна Сивкова, а позже жила его сестра. Отсюда ушел в Петербург на учение его племянник Михаил Евсеевич Головин, впоследствии видный ученый, автор учебника по физике. Широта и простор создают впечатление неизменности, вечности пейзажа. Верится, что почти таким же был он и двести пятьдесят лет назад во времена юности Ломоносова.

От музея, художественной школы и фабрики косторезных изделий недалеко и до большого здания школы, перед которым с 1958 года стоит памятник М. В. Ломоносову, выполненный в бронзе скульптором И. Козловским. Увековечение памяти Ломоносова на его родине имеет свою предысторию. В 1791 году П. И. Челищев во время путешествия по Архангельскому краю, остановившись в Холмогорах, организовал установку в старой Денисовке восьмигранной пирамиды высотой около 3 м, на гранях которой были изображены глобус, химическая реторта, астрономическая труба, книги,

*Памятник М. В. Ломоносову
в селе Ломоносово. Автор
И. Козловский.
1958*

символизирующие главные занятия и заслуги Ломоносова перед Отечеством. Но тот памятник был деревянным и оказался недолговечным. В 1885 году пробовали организовать заказ на новый монумент, но безуспешно, и вскоре забыли о нем.

За околицей села дорога выводит к переправе через Курополку. Но прежде чем спуститься к берегу, оглянемся на восток. За широким полем виднеются каменные здания. Они отмечают еще один малоизвестный туристам древний центр Нижнего Подвинья — Ухтоостров, заселенный одновременно с Холмогорами и Куростровом. Из Двинской летописи мы знаем, что здесь, так же как и в Матигорах, жили первые новгородские наместники на Двине.

В начале XVII века двенадцать деревень в северной части Ухтоострова объединились в один приход. В его центре стояли две деревянные церкви и колокольня, давно утраченные. О них, казалось бы, и не стоило упоми-

нать, если бы мы не знали, что все три стоявшие рядом сооружения были шатровыми. Это один из прекрасных примеров поразительной популярности шатровых завершений на Севере. Но, к сожалению, для древнего Ухтострова все это «дела давно минувших дней». Уже на рубеже XVII—XVIII веков деревянные шатровые здания были заменены каменными, частично сохранившимися. К Ухтострову можно пройти от села Ломоносово, можно добраться и прямо из Архангельска на рейсовой «ракете». Медленно, словно нехотя, подходит она по мелководью к пристани у подножия зеленого холма. С высокого откоса сбегает прямо к воде деревенские домики. Немногочисленные пассажиры «ракеты» взбираются по крутой дороге. Но любознательным туристам лучше сразу же свернуть на чуть заметную тропинку. Она приводит на вершину холма, который венчает каменная церковь Варвары. С дальних точек памятник не воспринимается как древний, и кажется, что он не сулит сколько-нибудь сильных эмоций. Слишком незначительным рядом с огромной колокольней представляется «кубик» самого храма, завершаемого пятью непропорционально узкими обезглавленными барабанами, прикрытыми сверху коническими железными крышами. Вблизи же это первое чувство разочарования исчезает.

Взойдя на вершину холма и оглянувшись вокруг, испытываешь восторженное удивление перед безошибочным художественным чутьем, помогавшим создателям древних храмов находить самые впечатляющие места. Отсюда открываются многокилометровые беспредельные просторы двинской поймы. На западе отчетливо видны земли Курострова. Дальше в дымке встают, словно сказочное видение, некогда славные Холмогоры. Хорошо прослеживаются отсюда и очертания самого Ухтострова: на широком пространстве разноцветного моря полей и лугов прихотливо разбросаны островки небольших деревень, связанные между собой паутиной дорог и тропинок.

А что же сама церковь? Это небольшой теплый храм с обширной трапезной, характерный для сельских мест, построенный в 1693—1702 годах. На одной оси с ним с 1711 по 1721 год строилась шатровая колокольня. Стены памятника сложены из массивных белокаменных блоков, перемежающихся с кирпичной кладкой, из тесаного кирпича выполнены и архитектурные детали — порталы, наличники окон, ленты резных узоров на барабанах глав и апсидах. Редко где встретишь в наши

*Церковь Варвары
(1693—1702)
и колокольня
(1711—1721)
на Ухтострове*

дни деревянные колоды оконных косяков в каменных постройках. Здесь они сохранились, да еще с древними коваными деталями — петлями для деревянных ставен, остатками решеток. Сложнопрофилированный цоколь из белого камня опоясывает церковь и колокольню с трех сторон, но на северной стороне он прерывается — здесь находился разрушенный в начале XIX века придел, соединявшийся с Троицкой церковью.

От Троицкой церкви — когда-то главного сооружения ансамбля, построенного в 80-х годах XVII века, сохранился лишь резной белокаменный цоколь. А первоначально ее большой четырехстолпный четверик с пятиглавием мало уступал в величине и торжественности облика Спасо-Преображенскому собору в Холмогорах — центральному культовому сооружению в низовьях Северной Двины.

Кто же возводил здания этого ансамбля? Начало их строительства относится к периоду, когда в этом краю

*Белокаменная кладка
стен и кирпичный декор
церкви Варвары*

*Ансамбль Троицкого
собора Ухтострова на
фотографии начала XX в.*

→

еще только закладывались основы каменного зодчества. Мы не можем назвать сегодня имена зодчих, но важно хотя бы определить, к кругу каких мастеров они принадлежали? Смешанная кирпично-белокаменная кладка, изысканный «кружевной» декор фасадов Троицкой церкви, имевшей удивительные по красоте резные наличники окон, наконец, рисунок карнизов церкви Варвары — все это сближает памятники Ухтострова с известными современными им храмами Каргополя. Но одна из них имела детали, близкие убранству несохранившейся церкви Михаила Архангела в Архангельске, выстроенной крестьянином Антониева-Сийского монастыря Максимом Лахоцким^{1 6}. Совершенно ясно, что и на Ухтострове работали северные зодчие этого же круга.

Несмотря на фрагментарную сохранность, памятники Троицкого прихода Ухтострова — одна из прекрасных страниц древнего зодчества, свидетельство высокого художественного вкуса его создателей и тесных связей этого

древнего центра с другими культурными центрами Подвинья. Они еще ждут своего исследователя, а для нас — это великолепный уголок нетронутой северной природы, одухотворенный прекрасным творением рук человеческих.

От пристани на Ухтоострове можно на «ракете» вернуться в Архангельск, но если позволяет время, интереснее, спустившись с холма, пересечь поля и выйти на берег протоки, омывающей остров с запада. Здесь стоят еще две церкви — деревянная и каменная. Обе выстроены во второй половине XIX века на месте деревянных церквей Богоявления и Благовещения, упоминаемых уже в XV веке и много раз горевших и восстанавливавшихся. Примечательно, что старая Богоявленская церковь, простоявшая здесь ровно двести лет, строилась в 1681—1682 годах заостровским крестьянином Степаном Федоровичем Мелашовым, получившим за это 150 рублей и 110 мер ячменя. Она завершалась девятью главами, совсем как стоявшая напротив, на другом берегу Двины, Ильинская церковь в Чухчереме. А на родине Мелашова, в селе Заостровье, сейчас входящем в черту Большого Архангельска, через год после нее появилась еще одна девятиглавая Сретенская церковь, которую нам еще предстоит увидеть. Так, в собранных «по крохам» разрозненных сведениях все полнее встает перед нами история богатейшей художественной жизни древнего Подвинья.

Две поздние церкви Богоявленского прихода Ухтоострова как бы отмечают исходную точку короткого водного пути, который издавна связывал его жителей с соседними Холмогорами и Куростровом. Он не потерял своего значения и теперь. Юркое суденышко — дора — ежедневно делает несколько рейсов, перевозя молочные бидоны и веселых молодых доярок знаменитого на всю страну совхоза «Холмогоры». Несмотря на то, что расстояние по прямой между конечными пунктами пути не составляет и двух километров, доре приходится почти целый час огибать многочисленные островки и песчаные отмели по узким коридорам фарватера, между глинистыми берегами, местами гнездовой чаек, вторгаться в полутемные серебристо-зеленые туннели из ветвей столетних ив. Наконец, она останавливается у причала полевого стана, откуда недалеко и до Ломоносова или до перевоза к Холмогорам.

От Курострова через Курополку — зимой по льду, летом на речном перевозе, курсирующем каждый час, или на лодке, что безопаснее в конце лета, когда Курополка мелеет, — и мы в Холмогорах, современном райцентре,

имеющем широкие перспективы развития. С XVIII века, когда роль административного и экономического центра края перешла к Архангельску, начался затяжной период упадка Холмогор. Поэтому сейчас, глядя от переправы на маловыразительную береговую панораму или гуляя по улицам с их однообразной поздней застройкой, трудно даже вообразить, насколько интересна и богата событиями была древняя история Холмогор.

Легенды, связанные с дославянскими поселениями в районе Холмогор, долго будоражили умы российских ученых. «Чудскими» считали они остатки земляных укреплений около Спасо-Преображенского собора, само название города объясняли финским словом «колм» — три, основываясь на сведениях о стоявших здесь до новгородцев трех поселений. Опровергая эту версию, М. В. Ломоносов писал: «Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы, а на матерой земле горы, по которым и деревни близ оного называются, например, Матигоры, верхние и нижние, Каскова гора, Загорье и проч.»¹⁷.

Письменная история Холмогор начинается сравнительно поздно, только в XIV веке, когда Подвинье становится ареной борьбы Новгорода и Москвы. Вдоль Северной Двины и ее притоков, в том числе и «на Холмогорах», возникают укрепленные городки. Военные события тех лет не прошли мимо этих мест. Известно, например, что здесь через два года после разгрома Орлеца новгородцы вторично разбили своих противников. Значение холмогорской земли в ту пору показательно уже тем, что здесь жили новгородские посадники и наместники новгородского архиепископа. Дорожа властью над этим богатейшим центром, «господин Великий Новгород», отступая в других местах под натиском крепнувшей Москвы, до самого конца своей самостоятельности не желал отдавать ей Холмогоры.

С XIV века здесь селились искусные корабли и мореходы. Отсюда начинали они свой путь на север, добираясь до устья Оби и берегов Скандинавии. Прекрасные мореходные качества русских ладей отмечал в XVI веке английский шкипер Стифен Барроу. Когда впоследствии в гербе города поместили астролябию — прибор для определения местонахождения судна, этим как бы подчеркнули его роль старейшего морского порта России. Не случайно, что капитану английского корабля Ричарду Ченслеру в 1553 году пришлось для встречи с представителем московской власти подниматься из устья Двины вверх

по реке до самых Холмогор, где жил двинской воевода, работали царские приказчики, хранилась государева казна. И после присоединения к Москве Холмогоры продолжали оставаться главным центром Нижнего Подвинья.

Вторая половина XVI века оказалась «золотым веком» в экономике города. Через него шла оживленная торговля не только с вновь учрежденной лондонской «Московской торговой компанией», но и с купцами многих стран Западной Европы. Здесь были выстроены новые казенные русский, английский, голландский гостиные дворы с лавками, амбарами, жилыми палатами. При расширенных верфях устроили канатную фабрику; в кузнечных мастерских изготовляли все необходимое для оснастки морских судов. Даже основание в 1584 году нового, более удобного порта в устье Северной Двины вначале не сказалося на судьбе Холмогор — они еще сто лет сохраняли значение главного центра Двинской земли.

Как и все северные посады Московского государства, Холмогоры до начала XVII века не были укреплены. Только перед самым нашествием польско-литовских отрядов в 1613 году спешно возвели «острог стоячий в один тын с башнями к Двине реке», помогший холмогорцам отразить нападение «воров» (соседние незащищенные поселения Ухтострова, Панилово и другие были ими разорены). Через десять лет первый острог заменили более мощным, с одиннадцатью башнями, протяженностью 960 сажен. Последний раз деревянную холмогорскую крепость восстанавливали в 1691—1692 годах. Когда в следующем году сюда в первый раз прибыл Петр I, его встречали «на обрубе» крепости два полка, выкатившие для салюта тринадцать пушек. Однако к началу XVIII века Холмогоры утратили всякое значение в обороне северных рубежей страны, и крепость вскоре пришла в упадок. Сейчас в центре села можно увидеть лишь оплывшие следы рва и вала.

К сожалению, о жизни Холмогор тех далеких времен мы знаем чрезвычайно мало. Документы, которые помогли бы восстановить хотя бы внешний ход событий — «жалованные грамоты и всякие указы и судебники с Москвы», по словам Двинской летописи, первоначально хранились в Холмогорах, «на старом городище в казне в Спасском большом соборе»¹⁸. Но потом их перевезли в Архангельск, где они сгорели во время пожара 1738 года. Основные сведения историки черпают теперь из текстов летописи, ведшейся на месте, очевидно, уже с 30-х годов XVI века. Но даже отрывочные сведения подчас случайных источни-

*Прорезной металлический
декор сундука работы
холмогорских мастеров.
XVIII в.
Архангельский областной
краеведческий музей*

ков, разрозненные экспонаты из самых разных музеев страны, находки археологов постепенно все больше и больше приоткрывают плотную завесу времени.

В XV—XVII веках росли и богатели холмогорские посады, раскинувшиеся чуть ли не на пять верст вдоль берега Курополки. Знаменит был тогда их торг, куда свозили со всего Севера огромные партии товаров, шедших отсюда в глубь страны и за море: соль, рыбу, сало морского зверя, пушнину, жемчуг, слюду, пеньку, полотно, моржовые клыки, смолу. И в самих Холмогорах работали искуснейшие мастера самых разных специальностей. Их изделия имели широкий спрос не только на местном рынке, но и в Москве, Великом Устюге, Сибири, позднее — Архангельске. Среди них славились кузнецы, соперничавшие с признанными устюжскими мастерами «просечного дела». Холмогорские сундучки, шкатулы, подголовки, окованные прорезным железом на подкладке из слюды или цветной кожи, снабженные замками «с секретами»,

служили лучшим подарком в самых высших слоях общества. Здесь же по царским заказам выковывали замки для мушкетов и карабинов. Не менее известны были и местные столяры, резчики по кости и дереву, художники, которые обычную бытовую утварь и даже орудия труда умели превращать в подлинные произведения искусства. В одном из документов XVII века упоминается «подголовок холмогорский писан золотом» — уже тогда холмогорские посадские люди любили нарядные расписные вещи. Эта традиция, пережив века, дожила почти до наших дней в виде северодвинской бытовой крестьянской росписи.

Холмогоры были одним из тех художественных центров, которые в течение длительного времени определяли развитие народного искусства Нижнего Подвинья. Но в сложении традиций самого холмогорского искусства не могли не сказаться многие перекрестные влияния, шедшие, с одной стороны, из глубины веков, со времен новгородской колонизации края, с другой — из соседних крупных художественных центров: Каргополя, Антониева-Сийского монастыря, Устюга Великого, наконец, вотчины Строгановых Сольвычегодска. Все это делало художественную жизнь Холмогор очень сложной. В XVI—XVII веках здесь работала не одна группа художников, каждая имела свой «почерк».

Об их творческих устремлениях мы можем лишь смутно догадываться по тем немногочисленным произведениям, которые изучены к нашему времени. Известны, например, три иконы, хранящиеся в Третьяковской галерее, созданные, очевидно, в одной из холмогорских мастерских в XVI веке. А в XVII веке из среды холмогорских посадских людей вышла целая группа талантливых мастеров «иконного письма», работавших в других городах. Это и московский царский изограф Василий Иванов Колмогоров и знаменитый Семен Спиридонович Колмогорец, создавший свой неповторимый стиль тончайшей миниатюрной иконописи, идущей от традиции строгановской школы. Его творчество было связано в основном с Ярославлем, но он так и остался записным холмогорским посадским человеком. С восторгом отзывался о его творчестве сам Симон Ушаков, а архимандрит Антониева-Сийского монастыря Никодим включил переводы с его икон в состав «лицевого подлинника» — сборника образцов для иконописцев. В Устюге работал его брат Василий Спиридонович Колмогорец, писавший в 70-х годах XVII века иконы в Успенский собор. Позднее, уже

в XVIII веке, Алексей и Василий Колмогоровы, по отзывам современников, «искусные живописцы», получали ответственные заказы в крупнейшие соборы Устюга и Архангельска.

До последней четверти XVII века на холмогорских посадах и в окрестных селах стояли сплошь только деревянные здания. Первое каменное сооружение — воеводская изба была возведена здесь в 1674 году. Вслед за нею стали строить каменную церковь Бориса и Глеба в Нижних Матигорах. Ее окончание в 1682—1683 годах произошло уже при первом местном архиепископе Афанасии, с деятельностью которого тесно связан расцвет каменного зодчества на холмогорской земле.

Долго держались на Севере языческие пережитки в верованиях, обусловленные древними традициями местной крестьянской общины. Сильно было здесь и старообрядчество, с множеством скитов на огромной территории лесного края. Авторитет официальной церкви был невелик. Усилить ее позиции предстояло вновь учрежденной архиепископии Холмогорской и Важеской, во главе которой в 1682 году был поставлен Афанасий (Алексей Артемьевич Любимов). Уроженец далекой Тюмени, сын служилого военного человека, он сорок лет провел в Сибири и на Урале, и хорошо знал условия жизни окраин Русского государства. Бывший старовер, Афанасий стал ярким противником раскола и приверженцем сильной централизованной власти.

Настойчиво и жестко проводил Афанасий политику регламентации строительства церквей по официальным канонам. Тщательно следил он за тем, чтобы зодчие полностью отказались от шатровых покрытий, запрещенных еще в середине XVII века, но все еще строившихся на Севере. Разрешения на новые храмы он сопровождал постоянными указаниями, где ставить печь, где помещать храмовую икону, какой формы должен быть алтарь или крест, а иногда выдавал даже чертеж, «каков учинен под грамотой». Главной же его заботой стала замена традиционных на Севере деревянных храмов каменными. Афанасий внимательно следил за завершением строительства церкви Бориса и Глеба, начатого до него. «Архиерей кручинился, — читаем мы описание одного из его приездов в Нижние Матигоры, — что в церкви и во олтаре без его благословения стены вытесаны внов <...> смотрел каменной церкви, из земли дело похвалил, а вверху, говорил, не делом сделано: шеи основаны некрепко на дугах, и то велел покрепить да приказал мост опустить

в церкви»¹⁹. Этот богато украшенный кирпичный с белокаменной резьбой большой двухэтажный храм, с великолепным перспективным порталом, узорчатыми наличниками окон, напоминающими декор Троицкой церкви в Ухтострове, с венчающими его рядами «теремков» — кокошников и мощным пятиглавием зложил основу холмогорской «ветви» каменного зодчества в Нижнем Подвинье. К сожалению, тревога Афанасия о плохой кладке верха храма оказалась не лишеной основания. К началу XIX века в стенах храма образовались трещины, их пытались укрепить коитрфорсами, но и они не спасли, и нижнематигорский храм давно уже не существует. Нет и целой группы прекрасных каменных посадских церквей, на рубеже XVII—XVIII веков украсивших панораму Холмогор. Сейчас об этом последнем в холмогорской истории периоде расцвета зодчества напоминает сохранившийся ансамбль Спасо-Преображенского собора и архиерейского дома, стоящий на южной окраине села.

*Спасо-Преображенский
собор и колокольня
в Холмогорах.
Зодчие Федор
и Иван Стафуровы.
1683—1691*

На холме, где издавна возвышались главные церковные сооружения Нижнего Подвинья — деревянные Спасо-Преображенский собор и Воздвиженский монастырь, сразу же после приезда в Холмогоры Афанасия развернулось грандиозное по местным масштабам, затянувшееся на долгие годы каменное строительство. В 1683—1685 годы первой была выстроена новая каменная колокольня. Вслед за нею, с мая 1685 года, начали строить Спасо-Преображенский собор, вчерне оконченный через шесть лет, в 1691 году. Одновременно в 1688—1689 годы к западу от собора возвели архиерейские палаты с надвратной крестовой церковью Иакова, позднее разобранный. Наконец, к северу от собора в те же годы появилось здание приказов.

За этими скупыми краткими сведениями о датах строительства скрывается около десяти лет напряженной ежедневной созидательной работы целой армии строителей и художников: кирпичников и каменщиков, плотников

и столяров, кузнецов, резчиков, иконописцев. Рядом на Курострове работал большой «домовый кирпичный завод», где обжигали тысячи и десятки тысяч большемерных кирпичей. Из Орлеца везли сюда в «домовых судах» известняк, а из Устюга — покупное железо, «досчатое и связанное». Подобно знаменитому строителю Ростовской митрополии Ионе Сысоевичу, Афанасий пробовал организовать у себя даже литье колоколов. По указу Петра I, часть «припасов», оставшихся от «городового и гостиных дворов строения» Архангельска, была поставлена из государственной казны. Столь грандиозное строительство каменных зданий было здесь в новинку и поражало своим размахом.

По мысли Афанасия, Спасо-Преображенский собор должен был утвердить авторитет официальной власти, стать образцом для последующего зодчества в Подвинье. Он сам руководил разметкой его плана, постоянно подчеркивая идею повторения в нем образцов древней архитектуры, в первую очередь — центрального памятника Русского государства Успенского собора Московского Кремля. Но, несмотря на это, образ Спасо-Преображенского собора целиком принадлежит искусству своего времени. Шести-столпный пятиглавый храм обогащен интереснейшим конструктивным новшеством. Мастера умело совместили традиционные полукружия закомар с упрощенной четырехскатной кровлей, удобной в условиях затяжной снежной северной зимы. То, о чем трудно было даже помыслить при создании прототипа, стало вполне возможным при строительстве этого памятника в конце XVII века, когда уже появились храмы с простыми скатными покрытиями.

Основанные на мощном белокаменном цоколе, стены собора украшены типичным для XVII века кирпичным декором. К тому же все его наличники окон, перспективные порталы, пояски и карнизы, архивольты закомар были первоначально расписаны «разными красками узорочно». Пять мощных барабанов несли на себе огромные пучинистые главы, средняя из которых в диаметре имела почти 12 м. Их покрытие из деревянной черепицы — «лемеха» — дополнительно обогащало расцвеченные фасады дробной игрой светотени. А между закомарами были «учинены прорезные виски и те виски выкрашены красками из масла» — это были резные и тоже расцвеченные «полотенца», перекочевавшие сюда из деревянного зодчества. Три притвора — три входа в собор — были щедро расписаны «многими вертоградными травами различно»²⁰. В их интерьерах орнаментальные росписи обрамляли отдельные композиции, посвященные аллегорическим и истори-

*Вид с колокольни
в Холмогорах*

ческим сюжетам, вплоть до изображения «небесного движения солнца и луны и звездного течения на своде»²¹.

С середины XVIII века начались переделки древнего собора: были расширены окна, сломаны три притвора и заменены одним крыльцом с западной стороны, вместо фигурных «кубоватых» завершений апсид появились скатные кровли, были зашиты тесом пазухи между закомарами. К началу нашего века в соборе образовались опасные трещины. Сейчас здесь ведутся сложнейшие реставрационные работы.

Построенная раньше собора шатровая колокольня волею судеб восстановлена в наши дни тоже раньше него. Она имеет очень высокий четверик в два яруса. В верхнем ярусе размещена просторная сводчатая палата, которая раньше использовалась под «книгохранильницу». Оригинально расположение слухов на разных гранях шатра «вразбежку», многократно повторенное в местных колокольнях, строившихся после нее. Но еще интереснее де-

коративные башенки с изящными шатриками, поставленные на углах четверика. Фасады колокольни, как и собора, с самого начала были расписаны: «Писал по той колокольне шатер весь до зубцов, что под звонцами, города Коломогор богоявленский священник Федор да дому архиерейского сын боярский Алексей Струнин с сыном Егором да с братом Стефаном, да домовый конюх Дорофей Семенов да Колмогорский стрелец Гаврило Якимов»²². Семья Струниных постоянно участвовала в художественных работах архиерейского дома, а об упомянутом здесь первым Федоре Васильевиче Струнине его современник и собрат по ремеслу отзывался как о «первейшем искусном изографе иконного письма».

Документы счастливо сохранили нам имена и зодчих соборного комплекса. Через несколько лет после его окончания архиепископ в одном из писем в Москву упоминал «домовых первостатейных детей боярских каменных дел подмастерьев Федора да Ивана Стафуровых, которые у многих дел каменного Вашего великого государя строения на Москве и у города Архангельска бывали и в дому моем с начала и до совершенства каменного строения в присмотре подмастерьями были ж»²³. А вот еще один документ того времени: «Сийского монастыря <...> бобыль Мишка Дмитриев сын Белозеров подрядился в соборной каменной церкви Преображения господня и во олтаре той церкви набрав наместить тесаным камнем помост со степенми в косяк из готового домового камня, по угожеству как повелит преосвященный архиепископ в наугольник как ему будет дан с воли преосвященного архиепископа от подмастерья Федора Стафурова»²⁴. Словно бы специально для нас здесь названы все «действующие лица»: Афанасий-заказчик, диктующий принципиальное решение вопроса, зодчий Федор Стафуров, выдающий чертеж на постройку, и каменщик Белозеров. Итак, не остается сомнений: создателями ансамбля были подмастерья каменных дел Федор и Иван Стафуровы, опытные зодчие, работавшие, по словам Афанасия, в Москве и Архангельске. Но правовое положение их было незавидным. Числясь «домовыми служащими», они одновременно с большими строительными работами выполняли и хозяйственные поручения, вынужденные дежурить сутками «дневальными» в сенях архиепископских палат.

Щедро украшенный собор поражал современников. Долго жило в Холмогорах предание о том, что, увидев его, Петр I воскликнул: «Хорош у тебя, Афоня, собор, да чем его достроишь?», — и дал на его окончание денег. В рас-

ходной книге Двинского таможенного сбора имелась запись тех лет: «На строение того иконостаса по указу Петра <...> выдано от головы Ивана Барсина с товарищи 300 рублей денег»^{2 5}. Много прекрасных вещей хранилось здесь. В неразрывном единстве переплеталось творчество местных умельцев и московских мастеров, выполнявших заказы «на Холмогоры». Еще в самом начале строительства сюда прислала богатые вклады царевна Софья. Позднее в Москве для холмогорского собора копировали древнюю икону Владимирской Богоматери, «большое и наилучшее» евангелие Чудова монастыря, резали створки царских дверей в новый иконостас. И все же подавляющее количество художественных работ выполняли местные умельцы. Именно им мы обязаны общим декоративным обликом памятника. Даже чисто техническое приспособление — железные связи — местные кузнецы превращали в декоративную деталь — узорчатые анкера связей и сегодня видны на фасадах собора.

Архиерейские палаты стоят к западу от Спасо-Преображенского собора. Великолепен был внешний облик этого большого жилого здания, значительная часть которого не сохранилась. В дошедшей до нас его западной части сейчас восстановлены замечательные, мастерски выполненные пышные наличники окон с тройными стрельчатыми кокошниками. Эти очень выразительные сочные детали можно смело поставить в один ряд с лучшими столичными образцами каменного зодчества того времени, очевидно, знакомыми зодчим братьям Стафуровым по их работе в Москве. И если при строительстве Спасо-Преображенского собора они оказались связанными официальным церковным регламентом «повторения старого образца», как того требовал Афанасий, то при возведении палат они смогли дать волю своему вдохновению.

Большое парадное крыльцо вело во второй этаж, где находились крестовая и столовая палаты, служившие для приема знатных гостей, и личные покои архиепископа. Их богатое убранство не уступало интерьерам самых видных домов московской знати. Печи были облицованы многоцветными изразцами, окна освещались через слюдяные окончины с мелким орнаментальным плетением переплетов, стены были расписаны «разными красками». В палатах стояли шкафы с книгами, резные столы, среди которых был и круглый, расписанный «по-иноземски», резные «заморские» стулья. Стоявшие вдоль стен лавки были покрыты зеленым сукном, а парадное «архиерейское место» — даже дорогим восточным ковром. На стенах

висели печатные потреты Петра I, живописная «персонь» самого Афанасия, герб государства Российского, карты, план города Амстердама. Это были приемные залы не просто священнослужителя, но видного государственного деятеля. В 1693 году архиепископ принимал здесь Петра I с большой свитой именитых сподвижников царя: среди них были Лефорт, Бутурлин, Борис Голицын.

В 1701 году в архиерейских палатах два часа провел известный голландский путешественник Корнелий Ле Бруин, оставивший записи о своей беседе с Афанасием, которого он уважительно называет «человеком здравого ума и любителем изящной литературы»²⁶. Эта характеристика не случайна. За двадцать лет жизни в Холмогорах Афанасий сумел собрать одну из самых крупных и интересных библиотек на русском Севере. В ней насчитывалось до четырехсот девяноста томов на русском, немецком, греческом, латинском языках, посвященных не только служебным церковным и богословским вопросам, но и медицине, истории, географии, военному делу.

Где теперь интереснейшие приборы — «окозрительные трубки», глобусы, атласы, гравюры, мебель, тщательно собиравшиеся Афанасием на протяжении двух десятков лет? В 1744 году архиерейские палаты в Холмогорах были внезапно взяты в казенное ведомство, обстроены тыном... и окружены тайной. Тридцать шесть лет они неусыпно охранялись солдатами, жившими в построенной рядом казарме. Здесь по царскому указу содержались в заточении претендентка на русский престол Анна Леопольдовна с принцем Антоном Ульрихом и детьми. С 1781 года палаты несколько лет занимала мореходная школа, переведенная затем в Архангельск.

Сохранились два портрета Афанасия, находящиеся сейчас в музеях Архангельска. В 1698 году архиепископ, будучи в Москве, «призвал живописца персонника Степана Дементьева сына Нарыкова и заставил свою архиерейскую персонь написать, которую и писал он на картине, смотрячи на него, архиерея, обрисовал и все подобие сущее лица его и провохрил фабрами, какими надлежит, слово в слово, и оставил у него архиерея во внутренней келье сушить. А в иной день приехав, оное архиерейское персонное лицо поправивши на готово, взял с собою, протчее дома дописывал»²⁷.

Желание иметь свой портрет было знамением времени. Уже в 60-х годах XVII века писали в Москве «с живства царские персони». С 1685 года существовала в Оружейной палате кроме иконописной и живописная мастерская.

*Портрет архиепископа
Афанасия.
Мастер Степан Нарыков.
1698.
Архангельский областной
музей изобразительных
искусств*

Посещая царскую резиденцию в Измайлове, патриарший дворец или дома знатных людей, Афанасий повсюду видел портреты, выполненные московскими «персонниками» или заезжими иностранными художниками, а иногда и привезенные из-за границы.

В «персони» Афанасия — все характерные особенности русской живописи того времени. Условное, лишенное перспективы изображение вместе с тем протокольно точно передает детали. Перед нами предстает человек волевой. Его взгляд суров, даже жесток, губы плотно сжаты. Бритый подбородок, это отступление от общепринятого правила ношения бороды священнослужителями, напоминает об одном из самых важных событий в его жизни — выступлении против раскола на московском соборе 1682 года, когда его противник Никита Пустосвят в пылу гнева выдрал ему клоч бороды. Надпись на картине, сделанная уже после смерти Афанасия, говорит о роли, которую это событие сыграло в его сближении с Петром I.

*Заглавный лист Синодика
архиепископа Афанасия.
1689—1690.
Государственный
Исторический музей*

Художник С. Нарыков, из крепостных Г. Д. Строганова, очевидно, достаточно правдиво изобразил Афанасия, вызвав пристальный интерес к своей работе собрата по профессии холмогорского «домового художника» Ивана Васильева сына Погорельского, не только оставившего нам приведенную запись о том, как был написан портрет, но и выполнившего его копию «тем же кунштом, слово в слово». Но здесь-то и сказалась разница их подготовки. Копия Погорельского — это ученическая работа иконописца, лишь пробующего свои силы в новом виде искусства.

В Холмогорском архиерейском доме — большом феодальном хозяйстве работало более ста служащих. Для управления им были созданы приказы, которые размещались в специально выстроенном здании. Это скромное по оформлению каменное сооружение со сводчатыми палатами, стоит к северу от собора. Оно сравнительно хорошо сохранилось. Изначальны даже дощатые двери на

*Панагия архиепископа
Афанасия.
Архангельский областной
краеведческий музей*

шпонках с фигурными коваными навесками. Где-то здесь шла деловая переписка, может быть, здесь же вел свои записи Иван Погорельский, благодаря которым известны сегодня интереснейшие подробности художественной жизни архиерейского дома в 80—90-х годах XVII века.

В период отделки собора и палат в архиерейском доме работала большая группа художников разных профессий. Иконописцы, для которых «уготовили покои и светлицы особые», писали по требованию Афанасия в соборный иконостас иконы в стиле «старогреческого письма на празелени», выполняли множество других поручений: украшали росписью мебель, расписывали фасады зданий. Рядом с ними трудились миниатюристы и переписчики книг, пользовавшиеся особым вниманием Афанасия. Значительную часть собранной им библиотеки составляли рукописные книги, переписанные или созданные в мастерской при архиерейском доме. В Архангельском краеведческом музее мы увидим в богато украшенном переплете

*Серебряный сосуд
из ризницы Холмогорского
архиерейского дома.
Архангельский
областной краеведческий
музей*

одно из «напрестольных евангелий» из собора. Большинство же книг Афанасия сейчас являются гордостью нескольких научных коллекций Москвы и Ленинграда. В их оформлении, объединенном общностью выработанного здесь единого стиля, сочетается использование традиционных «старопечатных» орнаментов и «новомодных» тогда гравированных заставок и рамок. Они сыграли большую роль в сложении стиля «поморских» рукописей XVIII века, как бы завершивших на далеком Севере многовековой путь развития древнерусской книжной культуры.

Резчики, изготовлявшие по заказу Афанасия церковную утварь и мебель в архиерейский дом, украшали свои изделия пышным узорочьем травного орнамента, так полюбившегося народным мастерам Севера. Его мы видим в резьбе епископского «места», стоявшего в Спасо-Преображенском соборе. Но иногда северные мастера использовали и новые декоративные приемы, подсказанные им «заморскими» вещами. Об этом мы знаем в основном из

письменных источников. А из сохранившихся памятников примером может служить хранящийся в Эрмитаже овальный столик, привезенный еще при Петре I из Архангельска и изготовленный, как предполагают ученые, в мастерской при Холмогорском архиерейском доме²⁸. Он украшен росписью, выполненной в северорусском стиле, но включающей и мотивы английского искусства. Так в Холмогорах, близких к Архангельскому международному порту, как знамение времени переплелись старые вековые художественные традиции и привносимые извне европейские веяния.

Часто наезжая в Архангельск и Москву, Афанасий стал одним из активнейших проводников политики Петра, который весьма ценил его и иногда даже советовался с ним, посещая «в ночи не со многими своими ближними людьми»²⁹. Может быть, не случайно знаменитому походу Петра на Повенец предшествовало составление Афанасием «Описания трех путей из России в Швецию», где был подробно расписан будущий путь русского отряда от Белого моря к Онежскому озеру. Живя в краю, где приходилось постоянно вести и дипломатическую работу, встречаясь с иностранцами, Афанасий, по словам ближайшего сподвижника Петра канцлера Г. И. Головкина, действовал всегда «к чести и славе Российского государства»³⁰.

Личность и идеи Петра I были очень популярны в Холмогорах. И. И. Новиковым была обнаружена в местной библиотеке составленная здесь повесть «О высочайших пришествиях <...> Петра Алексеевича на Двину». Михайло Ломоносов рос в окружении людей, не только помнивших о приездах Петра в этот край, но и сочинявших собственные записи о том времени. От своих друзей детства Дудиных, имевших одну из лучших частных библиотек на Севере, получил он свои первые учебники. Здесь же он познакомился с популярной тогда «Псалтырью рифмованной» Симеона Полоцкого, зародившей в нем желание «обучаться стихотворству». Так впечатления юности оказались первым толчком, вызвавшим впоследствии к жизни его поэму «Петр Великий».

«Хотя по след иду Вергилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истины дела, великий труд Петров».

Не исключено, что решение об уходе в Москву Ломоносов принял благодаря знакомству с воспитанником Славяно-греко-латинской академии и Сорбонны Иваном

Дорога на Матигоры

Каргопольским, незадолго перед тем приехавшим в Холмогоры для преподавания в «словесной школе» при архиерейском доме. Взяв «пашпорт не явным образом» и сказавшись сыном священника, он смог поступить в Академию, куда в те годы не принимали детей крестьян.

На протяжении всей жизни Ломоносов не терял связи с Холмогорами. Отсюда он вызывал мастеров для устройства химической лаборатории. Живя в Петербурге, не забывал он друзей детства, помогая им и родным. Но в эти места он уже никогда не возвращался. Внушкой его дочери Елены была знаменитая русская женщина Мария Николаевна Волконская — к самому Пушкину и декабристам тянулась ниточка от великого помора.

Последний наш путь по холмогорской земле — в село Матигоры, где сохранился один из самых очаровательных памятников местного зодчества, стоящий на высоком открытом месте и хорошо видимый из Ломоносова и от архиерейского дома в Холмогорах. Тропинка, ведущая

*Церковь Воскресения
в Верхних Матигорах.
Зодчий Федор Стафуров.
1686—1694*

к храму, то спускается в овраг, то поднимается на гребень холма, откуда открываются все новые замечательные виды холмистой окрестности, так непохожие на низменные дали островов за Курополкой. У подножия храма в разросшемся разнотравье скрываются каменные надгробья старого сельского кладбища. Под горой — лента спокойной речки Матигорки.

Церковь Воскресения в Верхних Матигорах возведена в 1686 — 1694 годах на месте более старой деревянной церкви уже знакомым нам мастером Федором Спиридоновым Стафуровым. Несколько позже, в самом начале XVIII века, выстроены два придела. Изысканная красота памятника все больше раскрывается по мере приближения к нему. Пирамидальный его силуэт вблизи, несмотря на наличие нескольких самостоятельных объемов, сохраняет впечатление общей устремленности ввысь. Великолепно найдены пропорциональные соотношения четверика, апсид, приделов. Но самым важным является, конеч-

но, венчание храма: компактное пятиглавие вознесено на постамент, чем подчеркнута вертикальная ось композиции. Как и в Спасо-Преображенском соборе, традиционное для древнерусского зодчества покрытие «по законам» заменено скатными кровлями, более рациональными для эксплуатации здания, но при этом на фасадах сохранена декорация старой формы.

Детали фасадов необыкновенно изящны. Рисунок многих из них аналогичен декору Спасо-Преображенского собора, строившегося тем же зодчим. И вместе с тем эти памятники воспринимаются очень по-разному: если на фоне огромных плоскостей стен собора резной декор деталей несколько теряется, то в церкви Воскресения он поразительно сомасштабен зданию в целом и каждой отдельной композиции. Но детали не перенасыщают фасады, не становятся самоцелью. Великолепен рисунок наличников окон и порталов приделов, тройные стрельчатые завершения которых напоминают фасады архиерейского дома, хотя здесь они более сдержанны. Главы четверика, приделов, колокольни когда-то были покрыты по-северному чешуйчатой деревянной «черепицей», дробный рисунок которой перекликался с резным декором фасадов, создавая игру светотени при ярком солнечном освещении. В интерьере храма сохранились древние иконы, декоративная резьба по дереву, восполняющие наше представление об оформлении других памятников на холмогорской земле, давно уже утративших свое внутреннее убранство. Этот памятник — последний на нашем пути и едва ли не самый интересный. Здесь мы прощаемся с древней холмогорской землей.

Памятники в Холмогорах, Ухтострове, Матигорах, Курострове создавались в период уже начавшегося экономического спада края. «Вся дальнейшая история Холмогор есть история падения их с высоты главного центра всей Двинской земли до степени бедного уездного городка», — заметил с грустью впоследствии местный житель³¹. Признаки этого падения холмогорцы замечали уже в конце XVII века. «Недавно переселились от нас много посадских людей к Архангельскому городу <...> все торги стали бывать теперь при Архангельске и из него людей с рыбой, солью и другими товарами пропускать к Холмогорам не стали, не останавливаются теперь у Холмогор и суда и плоты, плывущие из верховых городов», — жаловались они Петру I в 1696 году³². А через два года огромный пожар еще больше подорвал жизненные силы местного посада. В течение первой половины XVIII века четы-

реста сорок семей самых состоятельных и предприимчивых холмогорцев переселились в Архангельск. Более двухсот лет назад, в 1772 году, академик И. И. Лепехин писал: «Могущество и знаменитость города Холмогор перешла в город Архангельской, и ныне Холмогоры более на село, нежели на город, походят»³³. Новая столица края имела громадные преимущества перед вековым центром Нижнего Подвинья.

Наш путь лежит туда же. Не возвращаясь на пристань, стоящую на главном русле реки, рейсовым автобусом можно менее чем за два часа попасть в Архангельск. Дорога проходит через глухие леса. Только в районе промышленной Исакогорки лес отступает, начинаются пригороды областного центра.

3. В центре Архангельска

...и двор гостин там поставлен
для торговли и государя нашего
многие гости со многими товара
там на Двине готовы.

- *Из воеводской грамоты 1585 г.*

Разнообразны причины возникновения и исторические судьбы городов нашей огромной страны. Одни возникли на скрещении торговых путей, под защитой крепостей. Появление других было вызвано ростом первых промышленных предприятий. Некоторые из них, по словам летописца, «в старину древние и в древности славные», в силу исторических причин в какой-то период замедляли ход развития и теперь стали заповедными территориями «индустрии туризма». Большинство же превратилось в крупные промышленные и административные центры.

Архангельск с самого основания был и остался до наших дней городом-портом, морскими воротами в Арктику, широко раскрытыми на просторы Северной Двины. «Лишь только наступала навигация, как начиналась у Архангельска та своеобразная жизнь <...>, которая выдвигала его из ряда всех остальных российских городов. В мае и в июне по течению Двины спускались от Вологды к Архангельску нагруженные товарами досчанки, насады (струги), карбасы и плоты, а к половине июля подходили с моря иностранные корабли, которые <...> бросали якорь у юго-восточной оконечности Керострова <...>. Сюда же направлялись и промысловые Мурманские лоды с соленою рыбою»³⁴. Так начинается описание архангельского порта местный уроженец С. Ф. Огородников, автор интереснейших книг по истории города. По мере того как гавань наполнялась торговыми судами, в Архангельск съезжалось купечество: московское, ярославское, костромское, вологодское, карго-

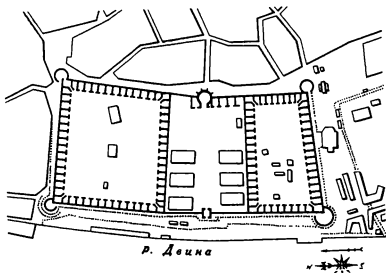
польское. До 1663 года ярмарка начиналась и оканчивалась в августе, но с этого года ее было разрешено продолжать три летних месяца.

Хотя город в течение четырехсотлетней истории в общем не изменил своего первоначального назначения, его внешний облик несколько раз менялся коренным образом. Но самые большие, поистине удивительные по своему размаху перемены происходят в нем буквально на наших глазах. Основные магистрали и ансамбли площадей хорошо видны с высоты огромного моста, в 1965 году связавшего оба двинских берега. Еще совсем недавно, когда железная дорога обрывалась на низменном левобережье, пассажиры и грузы доставлялись в город на пароме — летом, на санях — зимой. Существовал даже негласный промысел «саночников», перевозивших чемоданы по застывшей ледяной глади реки. Теперь об этом странно вспоминать. Строительство моста открыло широкие перспективы реконструкции Архангельска, с его дальними районами и пригородами. Многие из задуманного уже воплощено в жизнь.

Городской центр растянулся вдоль берега Двины узкой протяженной лентой, с короткими ответвлениями новой застройки, из которых самая крупная идет в сторону железнодорожного вокзала, в район бывших «Мхов», прежде пустых заболоченных земель. Невдалеке от моста виднеется вертикаль недавно выстроенного здания Управления северного пароходства, полосатого, как морская тельняшка. А ближе к мосту, перед просторной площадью, словно океанский корабль у причала, стоит новое здание морского и речного вокзала — главные ворота города, встречающие и провожающие дальних гостей. Неподалеку от него — бывшая Соборная, ныне Красная пристань, откуда начинали свой нелегкий путь многие русские экспедиции, осваивающие Арктику.

Широкая, словно взлетно-посадочная полоса, уходит от морского вокзала вдаль набережная имени В. И. Ленина. Она теряется в зелени парков, окаймленная неровным строем старых и новых домов. Параллельно ей тянется проспект имени Павлина Виноградова, главная магистраль города. Еще дальше, в глубине кварталов, громоздятся возведенные в последние годы величественные здания нового административного и общественного центра.

Знакомство с городом лучше всего начать с прогулки по набережной, вдоль которой сосредоточены основные памятники, отмечающие страницы его истории. Слияние

*Схематический план
каменной крепости
и гостиных дворов
в Архангельске.
1668—1685.*

Копия чертежа XVIII в.

облика современного города-порта и запечатленной в его застройке связи времен и поколений оставляет яркое неизгладимое впечатление. Но сначала — немного истории.

Самые ранние следы пребывания человека в этих краях раскрыты археологами в районе речки Кузнечихи, впадающей в Северную Двину. Здесь была стоянка первобытных охотников и рыболовов, живших во втором тысячелетии до н. э. Глиняную посуду они украшали орнаментом и изображениями священных птиц, а из камня резали не только орудия, но и фигурки священных животных. Много позже, в период освоения Беломорья новгородцами, здесь, на невысоком мысу правобережья Двины, был основан один из первых в этих краях монастырь Михаила Архангела, давший впоследствии имя городу.

Возникновение города-порта на Беломорье было предопределено всем ходом развития Русского государства,

испокон веков искавшего выхода к морским побережьям. До середины XVI века очень узким и ненадежным «окном в Европу» были гавани Печенги и Колы, где время от времени пришвартовывались иноземные торговые суда. Но тысячи верст бездорожья отделяли их от столицы государства. Земли же по Двине были уже давно заселены и связаны с центром страны судоходными реками и хорошо обкатанной ямской «государевой дорогой».

Начало большому заморскому торгу на Двине было положено в 1553 году, когда вблизи Николо-Корельского монастыря появился один из кораблей потерпевшей крушение экспедиции Виллоби, организованной лондонским «Обществом купцов искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и доселе морским путем не посещаемых». Получив от Ивана Грозного разрешение на монопольную беспошлинную торговлю с Россией, английские негоцианты построили на поросшем шиповником острове Ягры, переименованном ими в Розовый остров, небольшой поселок, причалы, склады. Однако монополия англичан вскоре была отменена самой жизнью. Все чаще у причалов в Холмогорах рядом с их судами пришвартовывались корабли под голландским, немецким, французским, даже испанским флагами. Но мелководный холмогорский рейд не мог принять большие морские суда. Появилась неотложная потребность в новом морском порте. Требовалось найти место, удобное и для развития порта и для его обороны. Выбор пал на мыс Пур-Наволоок, где уже стоял небольшой деревянный Михаило-Архангельский монастырь. Что же привлекало здесь и древних новгородских землепроходцев, основавших в XIV веке монастырь, и царских приказчиков, искавших в XVI веке место для новой гавани?

Внешне эта территория была отнюдь не выигрышной. «Географический словарь» 1801 года так характеризует природные условия Архангельска: «Город окружается с северо-восточной стороны болотной тундрестой, свойственно ровною, но ни к выгону, ни к землепашеству непригодною землею, на которой хотя и есть мелкий сосновый лес, однако оной и на дрова не годится»³⁵. Однако этот безрадостный пейзаж искупался выгодами стратегического положения места. Дельта Северной Двины на карте похожа на треугольник, основание которого лежит на севере неровной чертой беломорского побережья, а вершиной является мыс Пур-Наволоок. Среди многочисленных

рукавов и протоков устья, по существу, только один Безезовский, или Корабельный, был судоходным. Поэтому новая крепость могла наглухо запереть вход в речной фарватер и защитить низовья реки от «бывших нечаянных шведских и норвежских набегов», случавшихся здесь изредка еще в XV—XVI веках.

Первый известный нам документ об основании города в устье Северной Двины — царская грамота от 4 марта 1583 года двинскому воеводе: «Город делати на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертеж к нам прислали, наспех». Уже в 1584 году в Москву была послана «отписка» воеводы: «Город деревянный одним годом поставили»³⁶. Каким же он был вначале, этот новый город, основанный на неспокойном северном побережье страны присланными сюда московскими и холмогорскими стрельцами? Чтобы представить его себе, достаточно вспомнить, что понятие «город» тогда было равнозначно понятию «крепость». Это была мощная дерево-земляная крепость, имевшая две линии обороны. Все жилые, хозяйственные, торговые, административные постройки находились внутри стен города.

Новые Холмогоры, как назывался этот город, не был многолюдным. Его первыми жителями стали насильно переселенные сюда сто тридцать семей двинян. Главным его сооружением стали торговые ряды — лавки и склады. Кольский воевода, извещая об открытии новой русской гавани, особо подчеркнул, что «двор гостин там поставлен для торговли и государя нашего многие гости со многими товары там на Двине готовы». Так уже в первый год существования определилась его главная роль международного торгового центра.

В 1613 году город был переименован в Архангельск, что подчеркнуло его независимость от Холмогор. В XVII веке он стал единственным в стране пунктом широкого и регулярного международного торга. На его ежегодных ярмарках, во время которых замирала оптовая торговля даже в Москве, шел широкий товарообмен, приносивший государственной казне все возрастающие доходы. Хотя Холмогоры и продолжали оставаться главным административным и культурным центром Двинского края, Архангельск все больше привлекал к себе торговых людей. В городе начинают обосновываться не только русские купцы, но и иностранцы. В 20-х годах XVII века здесь стояло уже семь усадеб «заморских гостей».

Недолговечны были в условиях городской затесненной пожароопасной застройки деревянные строения древнего Архангельска. Они горели, восстанавливались и снова горели. Огромная бревенчатая крепость, вставшая после очередного пожара в 1670—1671 годах, древний Михаило-Архангельский монастырь, дома воеводы и коменданта, приказная палата, жилые усадьбы и посадские церкви — все это сметено временем, известно теперь только по чертежам, рисункам, деловой переписке или воспоминаниям путешественников. В 1772 году И. И. Лепехин писал о развалинах архангельской деревянной крепости, что они «и поныне видны, большей частью превратившиеся в болото»³⁷. Коренная перестройка города по регулярному плану 1794 года давно уже поглотила не только непрочные остатки деревянных сооружений, но и само расположение древних улиц. Где-то здесь, под асфальтом благоустроенной набережной и фундаментами поздних домов, погребены их следы. Иногда, как это было на Поморской улице, при земляных работах вдруг раскрываются в сыром грунте, способном консервировать древесину, части каких-то старинных срубов, остатки железных поков. Но и историкам трудно «привязать» эти единичные находки к известным по письменным источникам конкретным постройкам.

Интересно, что в этом городе — купце и воине одновременно — первыми каменными зданиями оказались не церкви и не жилые палаты. В 1647 году после челобитной воеводы («... а твоя государева казна в Архангельском городе немалая и без полатки, государь, быть твоей зеленой казне впредь страшно») было выстроено здесь первое каменное здание — пороховой склад. Так как в те годы «у Архангельского города и в низовских волостях каменщиков и кузнецов больших нет и каменного дела никто не дельвал»³⁸, строительство было поручено присланным из Москвы каменщикам. Оно стало своего рода репетицией начавшегося через двадцать лет грандиозного предприятия — возведения нового каменного Гостиного двора, вскоре получившего широкую известность не только в России, но и во всем торговом мире Европы.

Ныне сохранившаяся часть Гостиного двора — самое древнее здание на территории Архангельска. Вот уже триста лет стоит оно, являясь гордостью архангелогородцев, справедливо считающих его выдающимся памятником не только местной, но и общерусской истории. Велика сила воздействия непосредственного «общения»

с древними сооружениями. Гостиный двор и сейчас, безмерно уменьшенный в объеме, обезличенный многочисленными переделками, позволяет все же угадать былую величественность своего облика. Никакие сведения о его длине или количестве уложенного в его стены кирпича не могут дать того конкретного представления о его истинных размерах, которое остается от знакомства с памятником на месте. Его надо увидеть, «промерить» его длину шагами, зайти во двор. И тогда начинаешь удивляться силам, которые оказались способными здесь, на далекой северной окраине государства, в краю, не знавшем каменного строительства, создать столь замечательное, столь грандиозное сооружение. Даже в современном неизмеримо выросшем Архангельске Гостиный двор, сохранивший лишь часть своей первоначальной фронтальной композиции, продолжает организовывать застройку значительного участка набережной в самом ответственном месте, в центре береговой панорамы.

Один из крупнейших пожаров, уничтоживший буквально весь город, начался ветреным утром 10 мая 1667 года. Московское правительство, не на шутку встревоженное угрозой приостановки из-за пожара выгодного заморского торгового дела на Двине, срочно посылает в Архангельск известного промышленника Петра Марселиуса, поручая ему уточнить место для строительства новой крепости и корабельной пристани, а также «досмотреть по берегу, где можно устроить гостиные дворы и амбары каменные»³⁹. Дело было задумано широко. В Архангельске, где иностранцы впервые вступали на землю Русского государства, решено было выстроить каменные гостиные дворы, защищенные каменной же крепостью, служащие гарантией и свидетельством безопасности русского международного торгового дела.

С 1668 года на берегах Двины закипела работа, обычная для строительства, но здесь усложненная необычайно масштабам и непривычными суровыми северными условиями. Согнанные из разных мест рабочие люди подвозили бутовый камень, известняк, готовили лес для кружал и дрова для обжига кирпича, копали ямы для гашения извести, рвы под фундаменты. Рядом, на Кузнечихе, строили огромные навесы для сушки и печи для обжига кирпича. Завозили инструмент, железо. Позднее появились первые каменщики. Сначала власти рассчитывали обойтись мастерами, вызванными из разных мест по разнарядке. Но большинство из них, шедшие сюда «неохотою», вскоре «от хлебной скудости все разбе-

жались неведомо где⁴⁰. Пришлось организовать работы «по вольному найму». В этом сказались специфические условия Севера, где феодальная зависимость была значительно слабее, чем в других районах государства.

Семнадцать лет длилось строительство Гостиного двора, оконченное только в 1685 году. Сохранилась объемистая переписка между воеводой и Москвой, с пересылкой чертежей, обсуждением и изменением деталей сооружения. Сотни, даже тысячи людей участвовали в этом строительстве. Были здесь и опытные подмастерья каменных дел москвичи Алексей Марков и Михаил Мартынов, Михаил Сидоров и Евдоким Ларионов, холмогорские кузнецы Яков Микулин и Алексей Верещагин. Но были и ученики, в частности стрельцы, на стройке только познававшие секреты ремесла. Очевидно, работали здесь и братья Стафуровы, будущие зодчие ансамбля в Холмогорах, которые, по словам архиепископа Афанасия, «у многих дел каменного <...> великого государя строения на Москве и у города Архангельска бывали»⁴¹. А в Архангельске других «государевых строек» в те годы не было. Кто же стоял во главе этой многоликой армии строителей? Вначале сюда был направлен для этого иноземец Матиас Анцин. Но не он стал подлинным руководителем и создателем ансамбля. С 1671 года здесь трудился один из опытных мастеров каменного дела Дмитрий Михайлович Старцев, происходивший из семьи потомственных зодчих, состоявших на службе в Приказе каменных дел.

По замыслу Дмитрия Старцева, в центре трехчастной композиции, между двух замкнутых пространств Русского и Немецкого гостиных дворов, встала крепость с двумя проездными башнями — главный оборонительный узел сооружения. Гостиные дворы также были укреплены башнями на внешних углах. Тем самым отпала необходимость строительства отдельно стоящей крепости и был создан единый комплекс, рассчитанный и на торговлю и на оборону. Это был смелый, новаторский прием, по широте архитектурного замысла не уступавший многим современным ему западноевропейским ансамблям. Пятнадцать лет оставался Дмитрий Старцев на строительстве Гостиного двора. В 1686 году он скончался, за свой многолетний труд «пожалованный» лишь «штукой сукна».

Наиболее торжественно и парадно был оформлен главный фасад сооружения, обращенный к реке. В центре высокой крепостной стены с рядами бойниц возвышалась массивная Орловская башня, увенчанная шатром со смотрильней. В сумерки и туман, когда на ней зажигали

*Белокаменный рельеф
из стен Гостиного двора.
Архангельский областной
краеведческий музей.*

*Внутренняя галерея
Гостиного двора*

фонари, она служила маяком. Под высокими сводами ее проездной арки проезжал Петр I, здесь встречали именитых гостей. С двух сторон к крепостной стене примыкали протяженные двухэтажные корпуса Русского и Немецкого гостиных дворов, украшенные фигурными наличниками окон, увенчанные высокими тесовыми кровлями. На углах возвышались крепостные башни. В конце XVIII—XIX веков полностью сломали Немецкий двор, предназначавшийся для размещения иностранцев, а также три стороны Русского двора и крепости, а их речные фасады коренным образом переделали. Появилось здание биржи. Только северная башня, возведенная в конце XVIII века «по образцу» первоначальных, дает какое-то представление об их архитектурном облике.

И все же осталась характерная для древнего здания его первоизданная мощь, значительность образа. К сожалению, сохранившиеся изображения рисуют нам облик древнего фасада памятника лишь в самых общих чертах.

Насколько приблизительно наше представление о нем, показывает хотя бы хранящаяся в Краеведческом музее такая его подлинная деталь, как белокаменная плита с высеченным рельефом единорога. А сколько здесь безвозвратно утрачено!

Проезд под Орловской башней вел внутрь крепости, где все было обыденно и утилитарно. Стояли казенные амбары, в которых хранились «товары его царского величества», дымили печи поварен, над восточным проездом в сторону города возвышалась приказная палата, где велся счет государевым доходам. Через широкие ворота в поперечных стенах крепости можно было попасть на территории гостиных дворов, которые имели самостоятельные выходы прямо к берегу реки.

В замкнутых внутренних пространствах гостиных дворов зодчий сумел создать великолепную композицию. Подойдем к дворовому фасаду сохранившейся части здания. Прорезанный редкими зарешетчатými окнами без наличников, высокий почти глухой цокольный этаж предназначен для склада товаров. Он несет на себе легкую галерею второго этажа, где размещались лавки и даже жилые помещения-гостиницы. Арки галереи, теперь застекленные, были открыты и объединяли ее интерьер с пространством двора. Кессоны, членящие столбы и сплошной лентой проходящие по парапету под арками, создают ту мягкую игру светотени, которая была излюбленным декоративным приемом русского зодчества в XVII веке. Многократно повторяющийся мотив чередования темных вырезов арочных проемов и дробного рисунка кессонов, опоясывавших все четыре стороны двора, подчеркивал замкнутый характер пространства. Эта выразительная композиция вызывает в памяти дворные аркады крупнейших монастырей или открытые галереи древнерусских храмов, хотя выполнена она в упрощенных формах, что уместно в здании торгово-хозяйственного назначения. Но недолго простоял памятник в первоначальном виде. Вызванный к жизни чрезвычайными обстоятельствами, призванный служить представительным центром русской международной торговли на Беломорье, он был обречен на забвение вместе с потерей Архангельском роли главной морской гавани Русского государства.

Недалеке от Гостиного двора стоит на набережной памятник, напоминающий о времени, когда древний Архангельск, пока еще единственный русский международный порт, переживал свой наивысший расцвет. Это памятник

Петру I, отлитый в бронзе в 1872 году крупнейшим русским скульптором М. М. Антокольским, авторские повторения памятника стоят в Таганроге и Кронштадте. Скульптура, выполненная в натуральный рост, является одним из самых выразительных изображений Петра — преобразователя России. Вдохновенное суровое лицо, энергичный разворот плеч, твердость руки, опирающейся на массивную трость, — все оставляет впечатление личности волевой, незаурядной. Но памятник, не рассчитанный на широкие просторы двинской набережной (на этом месте он стоит с 1950 года), надо смотреть вблизи. На гранитном постаменте четыре даты. Одна из них — 1911 год — говорит о времени открытия этого монумента в Архангельске. О чем же должны напоминать остальные три?

1693. Флотилия стругов подходит 28 июня к холмогорской пристани. На борту флагмана стоит сам Петр. Несмотря на торжественный прием, он не задерживается в Холмогорах. Впереди — таинственное, влекущее к себе море, о котором он знает только по рассказам проезжих моряков. Уже 30 июня взору Петра открывается панорама Архангельска. Гремит пушечный салют, ветер надувает огромные паруса и флаги. О своем стремлении к морю Петр сам образно рассказал в предисловии к так называемому «морскому регламенту». «Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переяславском, оно стало для меня тесно; ездил я на Кубенское озеро, оно было слишком мелко. Тогда я решил видеть прямо море и просил позволения у матери съездить к Архангельску. Многократно возбраняла она мне сей опасный путь, но, видя великое желание мое и неотложную охоту, нехотя согласилась, взяв с меня обещание в море не ходить, а посмотреть на него с берега»⁴². Но сразу же по приезде нарушает он данное слово, с караваном купеческих судов выходит в море на яхте «Святой Петр».

В те дни по его указу на Соломбальском острове была заложена большая государева верфь.

1694. Петр вновь в Архангельске, во главе флотилии, везущей сюда пушки, корабельные снасти, обученных солдат. Он присутствует при спуске на воду корабля «Святой Павел», выстроенного на Соломбале. По дороге на Соловки корабль, на котором плывет Петр, чуть не гибнет на камнях Унской губы.

1702. Третий приезд Петра в Архангельск был связан с активностью в Белом море вражеской шведской эскадры и строительством Ново-Двинской крепости. Вновь Петр посещает Соловки, откуда с двумя кораблями и солдата-

ми идет сквозь непроходимые леса и болота по легендарной впоследствии «государевой дороге», выходит к Онежскому озеру и далее через Ладожское — к осажденной русскими войсками шведской крепости Орешек.

Три даты, высеченные на пьедестале памятника, — три важнейшие вехи в истории петровских преобразований страны.

После основания Санкт-Петербурга центр тяжести международной торговли медленно, но неуклонно перемещался на берега Невы. И если в 1716 году в Архангельске пришвартовалось двести тридцать три иностранных судна, то через десять лет — всего двадцать шесть. В 1726 году был принят даже указ о том, чтобы «порт города Архангельска всеми теми преимуществами и выгодами снабдить, которыми Санкт-Петербург пользуется»⁴³. Но никогда уже городу не вернуть утраченного первенства, хотя и были в его истории периоды значительного подъема экономики и торговли.

*Памятник Петру I
в Архангельске.*

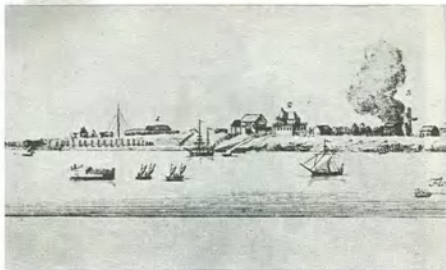
Скульптор

М. М. Антокольский. 1872

→

На древних планах города мы видим лабиринт кривых и тесных улочек, пересекаемых еще более кривыми проулками. Одни дома обращены фасадами на улицу, другие — на огороды; глухие бревенчатые заборы перемежаются выгонами для скота, кладбищами. Единственным ориентиром служат улицы, выходящие к берегу. Набережная Двины с самого начала стала естественно сложившейся главной улицей Архангельска. «Город расположен вдоль берега реки на три или четыре часа ходьбы, а в ширину не свыше четверти часа», — отмечает эту особенность Архангельска, вытянутого вдоль реки, голландский путешественник Корнелий Ле Брюин, побывавший здесь в 1700 и 1701 годах. «Главное здание в нем есть палата, или двор, построенный из тесаного камня и разделенный на три части». В его описании мы без труда узнаем гостиные дворы. «Улица перед палатою довольно просторная и доходит до реки. Летом, когда сюда приходят корабли, строятся два большие бревенчатые моста, продвигающие-

ся в эту реку для удобства переноски товаров, выгружаемых и погружаемых во всякого рода суда»⁴⁴.

Художники всегда рисовали Архангельск со стороны реки. Их поражало кипение жизни у городских причалов. Двина буквально кишела десятками гребных и парусных судов. На набережной толпился народ. В немецкий Гостиный двор перегружали тюки английского сукна и испанского бархата, сушеные фрукты и вина, фарфор и серебряную посуду, оружие, колокола, бумагу и краски, зеркала, кафли, слоновую кость. Русский двор заполняли хлебом, икрой, медом, воском, смолой, поташем, льном, пенькой, мехами.

В Краеведческом музее Архангельска кроме гравюры Корнелия Ле Брюина, давшего прекрасную общую поэтическую картину города-порта, висит копия еще одной голландской гравюры 1775 года. На ней старательно, с наивным стремлением к точности изображения показана «развертка» главного фасада Архангельска. В обе сто-

*Фрагмент панорамы
Архангельска на гравюре
1775 г.
Городской театр (№ 2),
церковь Троицы (№ 5).
Архангельский областной
краеведческий музей*

роны от здания гостиных дворов разбегаются многочисленные жилые дома, казенные строения, церкви. К югу от Русского двора, на месте упраздненной к тому времени деревянной крепости, расположился административный центр: Соборная площадь с Троицким собором и церковью Михаила Архангела, рядом — дом губернатора, далее — торговая площадь, канатный двор, гауптвахта. С юга панораму города замыкает древний Михаило-Архангельский монастырь, сохранявшийся как своеобразная «историческая реликвия», но отнюдь не игравший заметной роли в этом сугубо деловом портовом городе.

К северу от Немецкого гостиного двора начиналась территория немецкой слободы, где селились не только выходцы из Бремена, Гамбурга, Любека, но и английские, датские подданные. «Лета Господня 1701 мая с 31 до июля по 9 числа в разных числах в приходе к Арахангельскому городу разных Аглинских, Галанских, Анбургских, Шкоцких, Бременских, Французских, Дацких

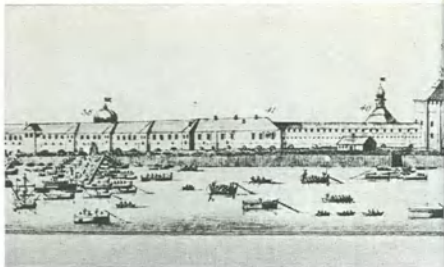
всего 75 кораблей <...> а на тех на всех кораблях корабельщиков и кормщиков 150 человек, рабочих людей 931 человек.⁴⁶ Более тысячи приезжих моряков высадилось на берег Архангельска только за июнь — начало июля 1701 года. О большой численности постоянных обитателей немецкой слободы свидетельствует организованная в ней реформатская школа, две лютеранских кирки (сохранились поздние псевдоготические здания кирок). Как складывались отношения между немецкой колонией и местными жителями? Холмогорский архиепископ, жалуясь на «свободомыслие и безнравственность» горожан, добился указа Петра, запрещающего им службу у иноземцев. Но уже через несколько месяцев указ был отменен, видимо, он не достиг цели. Русским лишь запрещалось посещать кирки. Своеобразная обстановка городской жизни архангельского порта в XVIII веке, когда здесь как в фокусе концентрировалось сложное переплетение стародавних традиций и новых вкусов и порядков,

*Фрагмент панорамы
Архангельска на гравюре
1775 г.
Часть Немецкой
слободы с домами
Крылова (№ 17),
Ларина (№ 18),
Баженина (№ 20)*

сейчас исчезла безвозвратно. О ней напоминают лишь могилы старого Кузнечевского кладбища, находящегося в конце Вологодской улицы. Любопытно, что сохранилось его первоначальное членение не столько по религиозным, сколько по национальным признакам: кладбище русское, английское, немецкое, татарское.

В левом углу гравюры 1775 года виднеется крыша большого «городского дома для зрелищ», известного в Архангельске в начале XVIII века и содержащегося неким иноземцем Иваном Антоновым. Но какое неподобающее место было отведено этому предшественнику театров! Он стоял на северной окраине, на территории военного гарнизона между кирпичным заводом и адмиралтейской батареей. Однако «на комедиях» здесь бывал сам воевода. Основными же зрителями были «прочие всякие мужи и жены», что говорит о демократическом характере заведения, хотя его посещение стоило «по гривне с каждого человека», недешево по тем временам.

К берегу Двины были обращены фасады домов-усадб крупнейших местных предпринимателей Бажениных, Крыловых, Бармина, Ларина. Рядом с их деревянными «дворцами» теснились низкие избенки городского люда. В XVIII веке панорама города украсилась прекрасными каменными храмами. Средства на их строительство давали не только местные купцы, но и жители других городов, связанные с Архангельском постоянными торговыми интересами. Среди них особенно выделялись устюжане, построившие здесь в начале XVIII века даже свою патрональную церковь Прокопия и Иоанна — устюжских чудотворцев.

Из когда-то многочисленной группы каменных церквей XVIII века сейчас в городе стоит лишь одна в конце старой части набережной, на углу Комсомольской улицы. Это бывшая гарнизонная Троицкая церковь в слободе Кузнечихе. Интересна ее предыстория. В 1705 году из Холмогор войска были переведены в Архангельск,

*Фасад каменной крепости
и гостиных дворов
со стороны Северной Двины
на гравюре 1775 г.*

и тогда же оттуда к месту их нового размещения сплывили по реке и вновь возвели две старые деревянные гарнизонные церкви. Когда же в городе развернулось широкое строительство каменных храмов, их заменили в 1745 году одной двухэтажной каменной церковью. В ней хранились старинные боевые реликвии — несколько знамен, одно из которых было подарено в 1696 году холмогорским стрельцам самим Петром I.

На первый взгляд церковь Троицы утратила древний облик: снесены главы, нет верха колокольни, растесана часть окон, сделаны уродливые поздние пристройки. И все же легко различаются первоначальные детали архитектуры: пилястры и крепованные карнизы, опирающиеся на ряды красивых фигурных кронштейнов, наличники окон, овальные окна в изящных рамках. Все это позволит в будущем восстановить памятник. Троицкая церковь очень типична для русского провинциального зодчества середины XVIII века, в котором явно звучат отголоски худо-

жественных вкусов петровской поры. Памятник строился на средства Устюжского полка. Возможно, и строителей этого храма, как и ряда других храмов Архангельска, следует искать среди мастеров устюжской школы, получившей самое широкое распространение на Севере в середине XVIII века и неудивительной здесь, в городе, не имевшем собственных традиций каменного культового зодчества. В архитектуре Троицкой церкви много общего с не дошедшими до нас, но известными по старым фотографиям и рисункам, которые можно увидеть в местном музее, Успенско-Боровской церковью, Троицким собором и другими.

Она приобрела особый историко-архитектурный интерес, являясь вторым после Гостиного двора сохранившимся памятником города и воплощая в себе целую эпоху художественной жизни Архангельска XVIII века. В случае восстановления ее вертикаль намного бы обогатила силуэт северной части набережной.

*Центр Архангельска
на гравюре 1775 г.
Троицкий собор,
церковь Михаила
Архангела, дома
губернатора
и архиепископа*

Вплоть до XX века рядовая застройка Архангельска оставалась деревянной. Вот как вспоминает впечатления детства, проведенного в дореволюционном Архангельске, один из старейших советских писателей И. Я. Бражнин: «Это был светлый, с долгими белыми ночами городок, с немощеными, пыльными, но прямыми улочками и деревянными мостками-тротуарами в три-четыре дощечки. Кроме губернаторского дома, примыкавших к нему так называемых присутственных мест, городской думы, гимназии и подворья какого-то монастыря, каменных домов в Архангельске почти не было»⁴⁶. А если и было еще несколько (часть их сохранилась в застройке набережной), то это были сравнительно однообразные, невыразительные по архитектуре сооружения. Зато фасады деревянных домов в конце XIX — начале XX века здесь разделяли с редкой изобретательностью. Несколько таких домов, демонстрирующих смешение самых разных архитектурных стилей, стоит в конце проспекта П. Виноградова.

*Bruid, zingande van de Zee kant int' Noorden, & verrocht
de verrocht: Gebouwen.*

Едва ли не единственный образец русской провинциальной классики в Архангельске до недавнего времени украшал угол улицы Интернациональной и площади перед морским вокзалом. Широко расставленные колонны на массивном рустованном цоколе традиционно оформляли в виде полуротонды угол здания. Нарядные фасады были украшены типичным для начала XIX века декором — львиными масками над окнами первого этажа и живописными сандриками-фронтами над окнами второго этажа.

Перед зданием Архангельского лесотехнического института стоит бронзовый памятник М. В. Ломоносову, выполненный известным скульптором И. П. Мартосом. Он создавался в эпоху безраздельного господства в искусстве классических образов и символов. Странно сейчас смотреть на сына помора с Курострова, изображенного полуобнаженным атлетом в римской тоге. Взор героя устремлен вдаль, колена преклоненный гений протягива-

*Панорама
южной, промышленной
части Архангельска
на гравюре 1775 г.*

ет ему лиру. Он стоит на полусфере северного полушария Земли, где выгравировано название его родины. И все же в рамках академической условности образа создано вдохновенное, выразительное произведение. Это был первый скульптурный памятник М. В. Ломоносову в России, первоначально установленный в 1832 году на Соборной (ныне Театральной) площади на средства, собранные по инициативе архангелогородцев.

В самом центре города, на небольшом отрезке между набережной и проспектом П. Виноградова, сосредоточены монументы, посвященные его недавней истории. Как древние памятники запечатлели основные периоды развития города, так новые отмечают главные вехи его поступательного движения в советское время. В зелени небольшого сквера высится Обелиск Севера, созданный в 1930 году по проекту И. К. Алтухова. Он стал своеобразным символом Архангельска — отправного пункта экспедиций по освоению Арктики. На пятигранном пьедестале

*Церковь Троицы
в Кузнецевской слободе.
1745 г.*

с барельефами высится выразительная фигура помора, только что укротившего оленя. Композиция носит программный характер, образно отражая задачи покорения Севера. Она подкупает своей искренностью, большим эмоциональным зарядом, навеянным героической эпопеей освоения суровых северных земель. Знаменательно, что памятник поставлен вблизи здания по проспекту П. Виноградова, 98, в котором 17 февраля 1918 года была провозглашена Советская власть в Архангельской губернии. А непосредственно против этого здания поставлен памятник герою гражданской войны Павлину Федоровичу Виноградову, погибшему в 1918 году от рук интервентов. Авторы памятника — скульптор М. С. Алещенко и архитектор М. Д. Насекин. Ими же создана композиция монумента «Жертвам интервенции 1918—1920 гг.» на Кузнецевском кладбище.

Обращенный в сторону необъятных просторов Северной Двины, высится на набережной Монумент Победы, от-

*Деревянный дом
на проспекте
П. Виноградова.
Начало XX в.*

крытый в 1967 году. Перед авторами — скульпторами В. А. Михалевым и Ю. Л. Черновым и архитектором В. М. Кибиревым — стояла ответственная задача создания в центре речной панорамы прежде всего выразительного силуэта, воспринимаемого с дальних точек. Остроконечная стела двадцатиметровой высоты, напоминающая развернутое знамя и одновременно туго натянутый парус, служит фоном для трех фигур — матроса, солдата, партизанки, застывших перед вечным огнем Славы, трепещущим над низкой чашей.

В преддверии четырехсотлетия Архангельска его музеи получили новые прекрасные помещения, в которых развернуты интереснейшие экспозиции. Музейные коллекции здесь создавались далеко не сразу и отнюдь не на пустом месте. Ныне они напоминают цветистые кроны деревьев, глубокие и мощные корни которых скрыты толщей земли.

Уже более двухсот пятидесяти лет Архангельск является не только административным, но и культурным центром

*Крыльцо
деревянного дома.
Начало XX в.*

*Памятник М. В. Ломоносову
в Архангельске.
Скульптор И. П. Мартос.
1832*

→

огромного северного края. Здесь постепенно оседали замечательные исторические и художественные ценности. В середине XVIII века сюда перевезли часть сокровищницы Холмогорского архиерейского дома. В архивах казенных учреждений хранились древнейшие исторические документы, а в местной семинарии — десятки рукописных книг, украшенных миниатюрами, заставками, гравюрами. В 1859 году в городе устроили «Выставку сельскохозяйственных произведений», где были собраны удивительные по красоте крестьянские орудия труда, утварь, одежда, переданные затем на хранение в губернский статистический комитет. Примерно с этого времени стали складываться здесь музейные коллекции. К началу нашего столетия уже существовали интереснейшие Архангельский публичный городской музей, Епархиальное древлехранилище, Музей Общества изучения русского Севера, Рыбопромышленный музей Крайнего Севера. Они составили основу ныне существующих музеев Архангельска.

*Обелиск Севера.
Скульптор И. К. Алтухов.
1930*

←

*Монумент
«Жертвам интервенции
1918—1920 гг.»
на Кузнечевском кладбище.
Скульптор М. С. Алещенко,
архитектор М. Д. Насекин.
1958*

Областной краеведческий музей. Его экспонаты бесценны для тех, кто стремится представить себе «архитектурную биографию» Архангельска. Здания, исчезнувшие с улиц этого быстро преобразующегося центра, как бы оживают в залах музея, где висят их фотографии и рисунки, собраны старые планы и виды города. Здесь же экспонируются макеты старинных кораблей, орудия труда первых местных корабелов... Всего не перечислишь. Но история Архангельска — лишь «заглавный лист» исторической экспозиции огромного Архангельского края.

С радостью узнавания отмечаем мы экспонаты, напоминающие о недавно пройденных местах: герб Холмогор и изделия холмогорских мастеров, блок с вавчужской верфи и мозаику Ломоносова. Ступив вместе с этой книжкой на одну из «дорог к прекрасному», мы и здесь, в музее, ищем прежде всего художественные памятники. Интересно погрудное женское изображение, вырезанное из «заморских» пород дерева — это часть декора одного из

*В новом административном
центре Архангельска*

кораблей начала XVIII века. И здесь эта деталь не случайна.

«Маленький кораблицок!
Да как нос — корма по-звериному,
Да бока сведены по-лошадиному,
Да как вместо глаз было врезано
Да по дорожку, по самоцветному по
камешку», —

пелось в старинной северной песне⁴⁷. Вплоть до XVIII века удерживалась древняя традиция украшения судов резьбой.

Военный флот Петра украшали мастера Оружейной палаты. Вырезая тритонов, сирен, орлов, драконов, они могли дать волю художественному воображению, скованному при изготовлении церковных вещей, и поэтому каждый такой фрагмент корабельной резьбы очень интересен для нас.

Резные ковши и братины с фантастически сложными рукоятями, вальки, висячий рукомойник на массивной цепи, вырезанной из одного куска дерева, — эти и другие предметы старинного быта занимают сравнительно скромное место в экспозиции Краеведческого музея. А ведь, пожалуй, они — самая главная отрасль художественного ремесла северорусских умельцев — деревянная бытовая утварь, повседневно окружавшая крестьянина, составлявшая значительную часть его «выхода на рынок». Ее изготовление было связано здесь с более длительным, чем в центре страны, сохранением пережитков натурального хозяйства и одновременно удовлетворяло естественное тяготение северного жителя к прекрасному. Длинными зимними вечерами дома или на досуге во время выходов на промысел резали здесь ложки, вальки, дуги, прялки, коромысла — «кто к чему горазд»... Еще недавно существовал на Севере обычай преподносить невесте прялку или валеk как символ мастеровитости жениха. Десятками подвод шли выработанные деревенскими мастерами резные чашки, ложки, ковши, берестяные туеса, короба на продажу в Архангельск, Вологду, Москву, позднее в Петербург, часть их уходила даже «за море».

Крестьянская деревянная ложка — что может рассказать она нам? Оказывается, поразительную историю. Потомки новгородских ушкуйников, ложечники из села Усть-Цильма на Печоре и в наши дни продолжают расписывать ложки тем же узором, какой применяли их далекие предки XIII века в самом Новгороде! Уже не первый раз мы вспоминаем на нашем пути об удивительно стойких традициях народного искусства Севера. Но ложечники из Усть-Цильмы работают веками в далеких, нетронутых местах. Еще интереснее, что с древними традициями можно встретиться сегодня даже в самом Архангельске, где, казалось бы, уж что могло сохраниться от старины? Архангельские хозяйки до сих пор пекут «рождественские козульки» — фигурные пряники, известные только здесь. В них дошли до нас образцы «оберегов» языческих времен, важное значение которых для понимания всего народного искусства отмечал еще В. В. Стасов.

Двиняне и поморы были не только искусными рукодельными мастерами, они были авторами поэтических легенд, сказок, до сих пор собираемых фольклористами. Славись они и лубком — народными картинками, которые в XVII веке в основном посвящали религиозным сюжетам, а позднее — сказочно-былинным или бытовым, обязательно с нравоучительным или сатирическим оттенком.

*Корабельное
резное украшение.
XVIII в.
Архангельский
областной краеведческий
музей*

Их образцы тоже можно увидеть в исторической экспозиции.

Лишь тонкая стена разделяет Краеведческий музей от созданного в 1960 году Музея изобразительных искусств. Он многократно развивает и расширяет картину многовековой художественной культуры русского Севера.

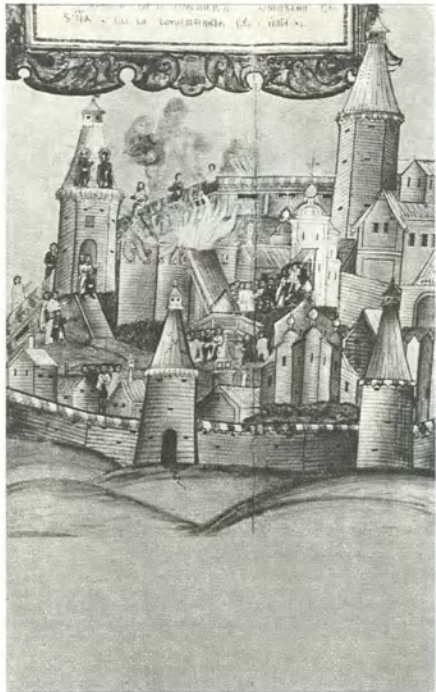
Незабываема экспозиция древнерусской иконописи. Посетители подолгу задерживаются перед прекрасными творениями неизвестных древних мастеров. Здесь есть иконы московской, новгородской, псковской, ростовской, тверской школ. В самой их множественности отражен путь стремившихся на Север выходцев из далеких старых центров культуры Древней Руси. В этом отношении экспозиция Архангельского музея — энциклопедия русской иконописи. Но нас, конечно, интересует прежде всего местное творчество, «северные письма». Знакомясь с ними, удивляешься тому большому и сложному пути, который пришлось пройти северной станковой живописи.

*Уголок экспозиции
в Архангельском
областном краеведческом
музее*

В XIV—XV веках соперничество Новгорода и среднерусских княжеств сказалось не только в военных столкновениях, память о которых хранят руины Орлеца. Оно проявлялось и в переплетении в Подвинье различных художественных течений этих центров. Из них шли на Север первые книги, иконы, утварь. Несколько столетий устойчивые новгородские влияния сталкивались с традициями московского искусства, и это ярко отразилось в развитии местной иконописи.

В XV—XVIII веках на Севере работали не только профессиональные живописцы при монастырях и на посадах, существовало множество «самодеятельных» художников, разбросанных «по весям и селам». «Живопись Севера, — справедливо отмечает ее внимательный исследователь Э. С. Смирнова, — это в конечном счете крестьянское искусство, искусство огромной «мужицкой Руси». Она позволяет судить о художественном мире глухих и отдаленных деревень, почти не оставивших от допетровского

времени других произведений искусства, кроме икон»⁴⁸. Интересно, например, что в XV веке Антоний, основатель Сийского монастыря, учился живописи у своих родителей — крестьян из деревни Кехта в окрестностях Холмогор. В крестьянской среде иконопись соприкасалась с народной декоративной росписью, воспринимая от нее многие композиционные приемы — ритмический строй, графичность, плоскостность, локальность цвета. Все это надо помнить, знакомясь с такими разными по стилю северными иконами. Живопись порой грубовата, резка, такой видим мы ее на некоторых иконах из Каргопольского края. А параллельно этому существует другое направление, в котором главным остается для мастера гармония красочной палитры, общий мягкий живописный строй.

Запоминается огромный лик Спасителя в иконе двинского мастера «Не рыдай мене мати» XVI века, выдержанной в поэтической обобщенной манере, в золотистом ко-

Фрагмент иконы

«Борис и Глеб

у стен Каргополя».

Начало XVIII в.

Архангельский областной

музей

изобразительных искусств

←

лорите, сочетающемся с оливковым фоном. В «Параскеве-Пятнице» XVI века из каргопольского села — замечательно чистые, звонкие краски, изящный орнамент. А в недавно восстановленном «Сошествии во ад с избранными святыми» XVI века найдены прекрасные соотношения неярких тонов красно-коричневого, золотисто-охряного, оливкового, сине-серого⁴⁹. Для «северных писем» очень характерны композиции этих икон, включающие в себя ряды «избранных святых». Не имея возможности приобретать много икон, крестьяне предпочитали видеть в одной целый набор «покровителей» их нелегкой жизни — Илью-громовержца, Николу, Параскеву Пятницу, Екатерину, «скотых богов» Флора и Лавра, Власия, Спиридония.

Проходит время, меняются художественные идеалы. Былая обобщенность, условность и лаконизм сменяются детализацией, динамикой, иногда даже известной вычурностью. В иконе «Борис и Глеб у стен Каргополя» начала XVIII века все внимание мастера — на искусно

выписанной картине горящего города. В иконе «Архангел Михаил — воевода» XVIII века крылатый всадник топчет поверженного змея. Очень выразителен силуэт алого коня, продолжающего лучшие традиции древнерусского искусства. Такими образами впоследствии вдохновлялись талантливые народные мастера Палеха, создавая свои лучшие композиции. Под несомненным влиянием подобных икон писал в 1912 году К. С. Петров-Водкин свою широко известную картину «Купание красного коня».

«Северные письма» очень разнообразны по манере и колориту. С большим трудом искусствоведы начинают только сейчас нащупывать внутри больших художественных течений Обонежья, Вологодчины, Подвинья, Поморья какие-то отдельные штрихи, позволяющие выделить локальные «школы». Мы же пока просто любуемся красотой северных икон, объединенных единым художественным звучанием, несмотря на всю разницу местных традиций. Северные иконы не так изысканны и утонченно профессиональны, как, скажем, работы московских мастеров. Они скромнее по композиции и цвету, проще в выражении чувств. Но они всегда искренни и никогда не несут на себе даже налета ремесленного штампа.

Больше, чем их столичные собратья, потеряли безыскусственные северные иконы от того, что попали из интерьера деревянного храма в условия современной музейной экспозиции. Нарушен единый художественный ансамбль. Об этом надо все время помнить, стараясь представить их на фоне золотистых, потемневших от времени бревенчатых стен, в неярком освещении северного храма.

В одном из залов музея мы вдруг попадаем в совершенно особый, ни с чем не сравнимый, таинственный и иллюзорный мир. Нас обступают огромные, пестро раскрашенные фигуры, и кажется, что они то добродушно, то настороженно рассматривают пришельцев, осмелившихся переступить невидимую границу, за которой все еще как бы продолжают жить особой жизнью эти полусказочные образы Древней Руси⁵⁰.

Когда появилась на севере нашей страны деревянная скульптура? На этот вопрос нет однозначного ответа. Неизвестно, какой она была в XI—XV веках — времени первых христианских миссионеров, которым пришлось немало потрудиться, уничтожая местных идолов, «еже суть болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырезом вырезаемые»⁵¹. Новая религия утвердилась тогда ценой известных компромиссов. В строю христианских угодников встали святые явно местного происхождения.

*Никола Можайский.
XVI в.
Архангельский областной
музей изобразительных
искусств*

И «болваны истуканные», сжигаемые на кострах, появлялись в новом облике внутри христианских храмов. Так постепенно возникла система образов, в рамках которой жило народное искусство деревянной скульптуры в течение нескольких веков. С ним была связана и домовая и бытовая резьба северного крестьянина.

На поморском Севере, как и на посадах Центральной Руси, господствовал культ Николы-Чудотворца. Творивший «чудеса» в далеком Мире Ликийском, он обрел на Руси второе рождение, став популярнейшим русским святым Николою Можайским. Известная поморская пословица «от Холмогор до Колы тридцать три Николы» вызвана наличием огромного количества церквей, посвященных этому святому-простолюдину, покровителю путешествующих, торгующих, плывущих по морю. Едва ли не в каждой северной избе, хозяева которой ходили в опасные морские походы, стояла на самом почетном месте икона Николы. Среди скульптур Николая тоже занимает первое место по

количеству сохранившихся образцов. В центральной части большого трехворчатого киота стоит выполненная в рост человека скульптура. Условному плоскостному рельефу фигуры противопоставлена великолепно моделированная голова, выполненная в рамках принятой иконографии и вместе с тем очень индивидуально. Вообще, несмотря на строгие канонические требования, в скульптуре народных мастеров всегда чувствуется личное отношение резчика к теме. Эти черты субъективной трактовки образа хорошо видны на скульптурах Николы, выставленных в музейном зале. Только что мы стояли перед святым, образ которого несет на себе печать спокойствия и уверенности в правоте дела. А рядом, при той же иконографической схеме, возникает образ человека мрачного, не терпящего компромиссов. Сейчас неестественными кажутся руки большинства фигур Николы, воздетые кверху. На левую надо мысленно поставить модель спасенного города Можайска, в правую вложить меч, помогший совершить это «чудо».

Чудо Георгия о змие.

XVII в.

Архангельский областной музей изобразительных искусств

←

Среди святых, чье чисто христианское происхождение сомнительно, стоит покровительница торговли и женских ремесел Параскева-Пятница, в которой воплощен образ древнейшей языческой богини любви и свадеб Лады, а характерная поза с благословляющим жестом рук ассоциируется с центральным женским образом христианской религии — Богородицею Орантой. Параскева Архангельского музея — одна из самых нарядно-торжественных резных икон XVII века. Она выполнена по-иконному плоскостно. Строгая симметрия композиции подчеркнута плавными линиями абриса и складок одежды, двумя фигурами летящих вверх ангелов, декоративной многоцветной росписью. Золотое обрамление выявляет великолепную пластику лица. Близка ей по композиции резная икона Екатерины Великомученицы, до недавнего времени находившаяся в поздней церкви Княжострова.

Георгий-змееборец принадлежит к числу популярных на Руси святых, в облике которых слились языческие

*Евангелист.
Полихромная
деревянная скульптура.
XVIII в.
Архангельский
областной музей
изобразительных искусств*

и христианские образы. Это патрон воинов, он же родствен Илье-громовержцу. В музее есть скульптуры Георгия в официальной, чисто московской трактовке, с изглаженными и ровно окрашенными формами. Но встречаются и упрощенные, пожалуй, более пластичные скульптуры — это работы местных мастеров. Рассматривая их, нельзя забывать, что все они — только фрагменты каких-то крупных композиций. Представление о сложности таких первоначальных композиций на тему «Чудо Георгия о змие» дает огромное резное изображение XVII века, выставленное в центре зала. Рама иконы словно обрамляет многоплановую сцену. Ее фоном является живописный «задник» — пейзаж. Фигура всадника с развевающимся плащом, напоминающим орлиное крыло, подчеркнута динамична. Грозен дракон, в агонии свивающий в кольца змееобразный хвост. На переднем плане — многоэтажный дворец, олицетворяющий город, спасенный от власти чудовища.

*Херувим.
Деталь иконостаса XVIII в.
Архангельский областной
музей изобразительных
искусств*

Трудно пройти мимо и более поздних образцов деревянной скульптуры XVIII века. Небольшие фигурки сидящих евангелистов, фрагменты царских врат иконостаса очень простонародны и лишены всякой «духовности». В обработке материала, прорисовке складок одежд чувствуется влияние искусства послепетровской поры. Простодушные плутоватые лица обрамлены небольшими нимбами, скорее, напоминающими заломленные полярковые шляпы, недаром посетители музея окрестили эти небольшие фигурки «гармонистами». Проходят годы, и официальная церковь все больше ополчается на народную деревянную скульптуру. Указ синода 1772 года отмечал недопустимость выполнения церковных скульптур народными резчиками, которые «держают истесывати их сами неотесанные невежды, и вместо сообразных святых с благообразными лицами образов безобразными, на которые смотреть гадко, болваны и щуды поставляют»⁵². Постепенно деревянная скульптура стала исчезать. Но ис-

куство резчиков не угасало, оно многократно претворялось в домовой резьбе, утвари, игрушках.

В музее выставлена замечательная коллекция прялок. Есть небольшие ажурные прялочки поморских мастеров, по тонкости исполнения напоминающие резьбу по кости. Рядом высятся громоздкие, украшенные концентрическими кругами каргопольские «копыла» и еще более массивные «корневухи» из Тотмы и Вельска. Но самыми нарядными выглядят мезенские прялки, широкие утонченные золотистые лопасти которых густо заселены фигурками людей и длинноногих, похожих на лебедей, коней на фоне изящного травного орнамента. Они-то и получили всеобщее признание и завоевали рынки, весьма далекие от места их рождения. Попадали они по течению Пинеги и на Северную Двину. В селе Шардомень даже в после-революционную пору изготовляла их небольшая кустарная артель.

Рассматривая полотенца, подзоры, одежду, головные уборы северных крестьян, мы не перестаем удивляться бесконечной фантазии мастериц, создававших удивительные по красоте композиции. И одновременно начинаем смутно угадывать их древний смысл, истоки, уводящие к языческим временам. Рисунки эти имели когда-то магический смысл: нарукавный орнамент мужской рубахи обещал ее владельцу силу «мышцы бранной», а вышивка на груди «заклинала» от удара вражеского меча. Грифоны, драконы, барсы бродят меж стилизованных деревьев. Первоначальное значение этих изобразительных «оберегов» давно утрачено и претворено в орнаментику, сохраняемую в силу традиций. Но сколько прекрасных причудливо сказочных образов проходит перед нами, пока мы рассматриваем бесконечное хитросплетение узоров! Бесполезно перечислять великолепные экспонаты, сама многообразность которых говорит о ярком таланте народных мастериц, создававших эти шедевры при тусклом свете лучины или свечи.

Наряды северных крестьянок — это еще один повод для раздумий. Ведь такие платья, душегреи, вышитые нитью или жемчугом шапочки еще недавно носили в поморских, мезенских, пинежских деревнях. Они как две капли воды похожи и на зарисовки, оставленные нам путешественниками XVI—XVIII веков. Нельзя не удивляться многовековой устойчивости крестьянской «моды». Ее секрет, скорее всего, в сочетании рационального и художественного начал. Недаром современные модельеры открыли в русском костюме неиссякаемый источник подражания.

*Резная
деревянная братина.
Изделие артели
«Беломорские узоры»*

Во второй половине XIX века поток сравнительно дешевых промышленных товаров вызвал резкий упадок северных художественных промыслов. Сокращается деревенское «рукоделье» — шитье и вышивка, резьба по дереву и кости, затухает роспись и кузнечное мастерство. Многие сельские мастера, раньше резавшие посуду, набойные и пряничные доски, прялки, церковную утварь, мебель, сани, теперь переключаются на игрушку. На Севере начинается небывалый расцвет игрушечного промысла.

Кегостров славился в XIX веке деревянными куклами и коньками-каталками, схожими с древнейшими печорскими образцами. В поморских селах мастерили кукол из меха. В Холмогорах резали раздвижных «пав» с веерообразными крыльями и хвостами из лучинок. Каргополь славился глиняной игрушкой. Шенкурские плотгоны, сплавливая лес по Двине, резали медведей и птиц. Все это шло на продажу на архангельских ярмарках.

*Вышивка на полотенце.
Изделие артели
«Беломорские узоры»*

В северной игрушке часто присутствуют шутка, ирония, но она всегда и строго-торжественна. Это впечатление рождается благодаря очень монументальным, обобщенным формам игрушки, не терявшей пластической выразительности. Как правило, она очень условна, детали намечены только штрихом, редкой порезкой, насечкой. Самые старые образцы северной игрушки XIX века — куклы, птицы — повторяют иногда даже формы традиционной домашней утвари (ковши) или архитектурных деталей («курицы», стамики, крепившие кровли), что лишний раз напоминает о том, что они вышли из рук тех же народных резчиков. В XX веке деревянная северная игрушка стала, к сожалению, гораздо многодельнее и менее выразительной. Все же игрушка помогла сельским умельцам сохранить и пронести через многие десятилетия XIX — начала XX веков свое традиционное отношение к дереву как пластическому материалу. Именно благодаря этому в наши дни, когда решено было возродить старые

*Златошвейный
узор женской одежды.
Изделие артели
«Беломорские узоры»*

художественные промыслы, в самом Архангельске и далеких от него старинных центрах еще нашлись мастера, помнившие традиционные приемы ремесла.

Резьба и роспись по дереву — только один из многих видов изделий популярнейшей теперь продукции «Беломорских узоров», предприятия, с 1968 года объединяющего возрожденные художественные промыслы Севера. Несколько сот человек, работающих дома или в мастерских Архангельска, выделывают разнообразные вещи: светлую с декоративной росписью мебель, узорное вязанье и вышивку льняных, шерстяных, шелковых платьев, меховые и деревянные игрушки, резные изделия из дерева и камня. Плетеные и расписные туеса и короба, деревянные расписные доски и резные ковши, солоницы, ложки и черпаки радуют наш глаз не только в музейных витринах, но и на прилавках местных и столичных магазинов. Все это изготавливается не поточным методом — каждый мастер вручную режет и расписывает

их от начала до конца. Сохраняя древние формы и приемы обработки, народные художники привносят в свои изделия и новые, современные мотивы. Их произведения — отнюдь не те нарочито «под старину» выполненные вещи, которые до революции во множестве сбывали монастыри и деревенские мастера, вынужденные работать на скупщиков, учитывающих возросший спрос на старые северные изделия. В наши дни уже порядком забытые древние народные художественные промыслы возрождены на новой основе.

С удивительной для областного музея полнотой представлены в нем русская живопись и графика, отчасти скульптура нового времени. Здесь можно видеть полотна В. Л. Боровиковского, Ф. С. Рокотова, В. А. Тропинина, К. П. Брюллова, А. Е. Архипова и многих других прославленных русских художников. Великолепны пастели К. А. Сомова и В. Э. Борисова-Мусатова, изысканные пейзажи А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере, выразительна лаконичная живопись Н. К. Рериха. Широко представлено творчество старейших советских художников Севера: С. Г. Писахова, А. А. Борисова, Д. К. Свешникова и других. Среди них — самобытный певец тундры и морских льдов Тыко Вылка, имя которого уже давно стало легендой, а его картины — символом возрождения малых народов в годы Советской власти. Они невелики, его картины, не блистают академической законченностью, но поражают непосредственностью восприятия, зоркостью глаза охотника, способного видеть главное, влюбленностью в этот, казалось бы, неприветливый, суровый, но полный величия край. Архангельский музей обладает единственной уникальной коллекцией произведений Тыко Вылки, похороненного в 1956 году на Кузнечевском кладбище Архангельска.

4. В дельте реки

Необходимость научила их великому искусству в кузнечном, конопатном, а особенно плотничьем и столярном мастерствах... Бородастые сии архитекторы с дозволения еще Петра Великого приходят в чертежную... и учатся чертить и строить суда.

П. И. Челищев

Стоя на набережной в центре Архангельска, можно часами любоваться панорамой двинской акватории. Где-то за горизонтом, за ажурным частоколом «глаголей» порталных кранов дышит невидимое отсюда Белое море. Там рождаются северные ветры, несущие причудливо клубящиеся ряды облаков. Доносятся терпкие соленые морские запахи. Как и прежде, стоят на рейде большие корабли. Их силуэты, словно вырезанные неведомым искусником, застыли на фоне реки, повторяющей перламутровые краски широко раскинувшегося над ней огромного северного неба.

Устье Северной Двины, вплоть до взморья, разорвано на протоки массой островов и островков (поэтому здесь раньше всех других мест в России была организована лоцманская служба, известная с 1613 года). С незапамятных времен началось освоение этого древнего «царства Нептуна». Вспомним хотя бы основание новгородцами Николо-Корельского монастыря в начале XV века. Примерно тогда же возникли и многие поморские поселения этого края. Ближе других находились к Архангельскому «городу» видимые сейчас против набережной знаменитые Кегостров, Мосеев остров, Соломбала. Путь наш лежит туда через новый бетонный мост, начинающийся в конце набережной.

Мосеев остров теперь уже трудно найти. Столетиями принимавший на себя сокрушительные удары ледоходов, он почти стерт с лица земли. Его остатки соединены с Соломбалой и застроены промышленными зданиями.

*Церковь
Мартина Исповедника
на кладбище
в Соломбале.
1803—1806*

Местная легенда пытается объяснить его название: уютный, покрытый березовой рощей остров будто бы приглянулся Петру I, воскликнувшему, как только он вступил на его берег: «Мой сей остров!» Исторические факты как будто бы не противоречат этому. К первому приезду Петра в Архангельск здесь был выстроен небольшой трехкомнатный деревянный «путевой дворец», который он предпочел всем остальным жилищам в городе. Роща на острове была при нем прорежена сетью усыпанных песком дорожек и служила местом прогулок горожан.

Когда-то большой, протяженный Кегостров также не устоял перед мощным напором течения Двины. Еще в начале XIX века ширина протоки не превышала здесь 500 м, и жители, находясь на разных берегах, могли переговариваться «с голоса на голос». На острове шумел сосновый бор. Под его защитой стояли службы таможи, куда пришвартовывались для обязательного досмотра

*Надгробие
на могиле П. К. Пахтусова*

все торговые суда. Не случайно отсюда, с южной оконечности Кегострова, рисовали панораму города приезжие художники: таким видели они этот город впервые и он поражал их воображение. В XVIII—XIX веках здесь было несколько поселений. Кегостровцы славились своей мастеровитостью, изготавливали резные прялки, создали даже свой тип затейливой игрушки, много плотничали в соседних деревнях, лили колокола, вместе с соломбальцами строили корабли.

Сейчас это ближайший к центру район Большого Архангельска. Здесь в окружении цветов стоит невысокий обелиск на могиле легендарного Тойво Антикайнена — одного из организаторов и руководителей Коммунистической партии Финляндии.

Центром военно-морского района Архангельска со времен Петра I стал Соломбальский остров. В 1693 году здесь по указу Петра было заложено первое в России казенное судостроительное предприятие, просущество-

вавшее сто шестьдесят восемь лет и спустившее на воду четыреста восемьдесят одно судно.

Море с самого начала определило весь жизненный уклад обитателей Соломбалы. Историки прослеживают десятки династий местных корабелов и мореходов, которые поколения за поколениями, продолжая традиции отцов и дедов, строили и водили корабли. Рожденные на Соломбале, они, отслужив свой срок, ложились в землю тут же, на местном кладбище. Оно цело и сейчас и, как и все здесь, ориентировано на море и дышит морем, зеленое, тенистое, затерянное среди узких про-ток.

Это своеобразный пантеон северного русского судо-строения и судоходства. Скромная по архитектуре не-большая одноглавая каменная церковь Мартина Исповед-ника выстроена в 1803—1806 годах. Сотни могил, осенен-ных ветвями огромных берез. На одной из них — не-большая стела с изящным рисунком парусника и над-

Канал на Соломбале

←

писью о том, что здесь похоронен П. К. Пахтусов, из-вестный гидрограф и исследователь Арктики, именем которого названы острова в Карском море и горный хре-бет на Шпицбергене. Неподалеку — скромные надгробия кораблестроителю А. М. Курочкину, по чертежам которого работали на всех верфях России, и его ученику Ф. Т. За-гуляеву. Здесь же — бережно сохраняемая могила уро-женца Соломбалы С. Ф. Огородникова.

Соломбала — один из самых промышленных районов современного Архангельска. И вместе с тем здесь, как нигде, явственно ощущается дух старых традиций, веками устоявшийся уклад жизни. Он сказывается и в облике малоэтажной преимущественно деревянной застройки, и в остатках позднее перестроенного, но сохранивше-го печать старой архитектуры здания Адмиралтей-ства, возведенного в 1820 году, как предполагают, не без участия крупного русского зодчего А. Д. Заха-рова.

*Памятник погибшим
в Великую Отечественную
войну, установленный
у завода
«Красная кузница»*

«Регулярная» планировка Соломбалы, при которой улицы образуют четко спланированные кварталы, создавалась одновременно с подобной же застройкой Васильевского острова Петербурга. Поэтому считают ее возможным автором известного впоследствии петербургского зодчего Доменико Трезини, остановившегося в Архангельске в 1700 году на пути из Дании в Нарву. Сохранилась на Соломбале знаменитая «испытательная канава», прорытая в 1694 году по приказу Петра I в болотистом грунте острова для перегона спускаемых на воду новых кораблей.

Хорошо пройти по мягким упругим дощатым мосткам, проложенным по обе стороны канавы, которую давно уже местные жители переименовали в речку Соломбалку. Бесконечный ряд пестро окрашенных судов и суденышек с моторами и без них, с самодельными «капитанскими рубками» почти закрыли зеркало воды неширокого канала. На них спешат обитатели этого

*Белокаменные ворота
Новодвинской крепости.
1701—1705*

«острова корабелов» на работу, уходят рыбачить к двинскому взморью, отправляются в центр города за покупками. Сегодня здесь еще не прервалась связь времен. Ликвидированные в 1864 году верфи были превращены в судоремонтные мастерские, которые в годы Советской власти реконструированы в огромный современный завод «Красная кузница». Продолжая вековые традиции, остров живет полнокровной жизнью.

С самого основания Архангельского города-порта русское правительство всегда было обеспокоено вопросом его безопасности. В 1646 году Посольский приказ запросил из Москвы, можно ли построить в одном из рукавов устья Двины каменные башни, чтобы протянуть между ними цепи и тем запереть на случай военной опасности проход со стороны моря. Ответ был явно неутешителен: на низменных песчаных берегах двинских протоков, находящихся всегда под угрозой весенних ледоходов, ставить башни «не мочно». И все же в

1674 году в Березовском устье были выстроены деревянные башни-«раскаты» для артиллерии на случай вражеского «корабельного приходу». А Петр I в первый же приезд в Архангельск решил выстроить новую каменную крепость на одном из островов в устье Двины, сам корректировал чертежи, одобрив проект Егора Резена (Георга Реза).

Уже в первый год строительства Новодвинской крепости, в 1701 году, Петр смог убедиться в удачном выборе ее места, когда здесь разыгралось сражение местного гарнизона с четырьмя боевыми шведскими кораблями. «Воровски» придя к русским берегам, шведы попали под огонь благодаря мужеству и находчивости помора Ивана Рябова, заманившего их в узкую протоку напротив крепости, и вынуждены были бросить два корабля, боевые знамена, пушки. Придавая большое значение этой каменно-земляной фортификации, задуманной по последнему слову техники того времени, Петр провел на

*Обелиск
в память жертв
интервенции 1918—1920 гг.
на острове Мудьюг.
Архитектор
В. Н. Чесноков. 1958*

→

ее строительстве в 1702 году два месяца. Он жил в небольшом деревянном доме на соседнем острове Маркове. Когда впоследствии остров стало заливать водой, дом перенесли сначала в крепость, затем в Архангельск, а с 1934 года он стал одним из популярных памятников московского музея-заповедника Коломенское.

Заброшенные «за ненадобностью» в 1864 году, сооружения Новодвинской крепости разрушались и к нашему времени сохранились фрагментарно. Архитектура ее белокаменно-кирпичных зданий когда-то восхищала известного знатока русской архитектуры П. П. Покрышкина: это и изысканные барочные волюты над западными и южными воротами, и просторные сводчатые проезды с опускными решетками, и традиционный кирпичный декор зданий внутри крепости. Что из них принадлежало творчеству зодчих братьев Стафуровых, посланных сюда архиепископом Афанасием в 1701 году? Уехав из Холмогор накануне его смерти, они, видимо, туда уже

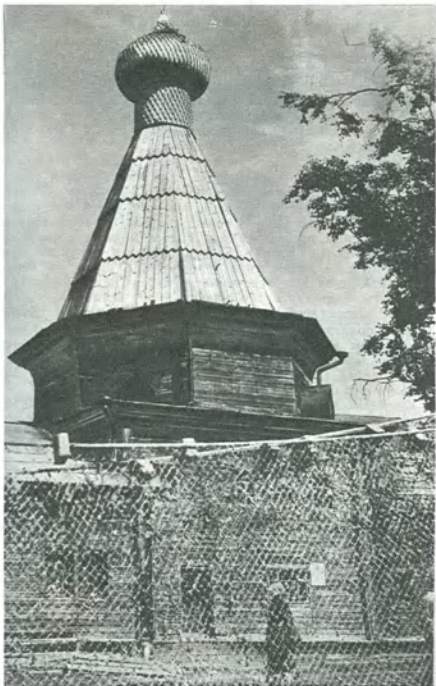
*Панорама Конецдворья
с реки*

*Церковь Михаила
Архангела и рыбацкие сети
в Конецдворье*

→

не возвращались, а после окончания работы в Новодвинской крепости осели в Архангельске, где следы их потомков обрываются в 1738 году.

В Двинской губе Белого моря расположен большой остров Мудьюг. В отличие от Новодвинской крепости, в наше время, к сожалению, не доступной для осмотра, этот остров постоянно посещается большими группами туристов. Хотя, как отмечал еще в XVIII веке И. И. Лепехин, Мудьюг «плоск, песчан и окружен мелью», он был в этих краях одним из первых заселен поморами-промысловиками, привлеченными, очевидно, его близостью к выходу в море. С петровских времен здесь находились службы архангельского порта — жили в летнее время лоцманы, работала застава для осмотра судов, стояла деревянная дозорная башня, служившая также маяком. Но теперь остров печально знаменит памятью о «лагере смерти»: в 1918—1920 годах иностранные интервенты устроили на острове политическую каторжную

тюрьму, в застенках которой томила, но не сдалась тысяча борцов за Советскую власть. По проекту архитектора В. Н. Чеснокова на высоком холме установлен обелиск, монументальные тяжеловесные формы которого напоминают об этой мрачной странице местной истории.

К северо-западу от коренного русла Северной Двины на старых планах и лоциях обозначен остров «Конешный», где издавна стояла небольшая поморская деревня Конечная, теперь известная как Конецдворье. Уже в XVII веке она имела свою приходскую часовню.

Петляя по протокам между бесчисленных островов, пришвартовываясь у множества пристаней, речной трамвай из центра Архангельска добирается сюда за полтора часа. Но не пожалеем времени, нас ждет здесь много интересного. Конецдворье — конец дворам. За этой чертой уже нет земли, пригодной для жилья. Дальше к морю — лишь безлесные топкие болота, царство грозных, все сметающих на своем пути ледоходов. А здесь, на берегу тихой протоки, открывается перед нами панорама большого старинного поморского села. Длинной, узкой лентой вытянулось оно вдоль песчаного пляжа двумя рядами-порядками обращенных на юг, близко поставленных рядом друг с другом построек. И только в центре, где, как маяк, высится шатер деревянного храма, сбивается строгая южная ориентация изб. Они расступаются, образуя небольшую сельскую площадь.

Конецдворье, видимо, процветает. Среди его более полустораща жилых усадеб почти не видно заколоченных. В этом старом рыбацьем селе, которое сохранилось настолько, что его хоть сейчас объявляй заповедным, все напоминает о море. Побуревшие от времени щелистые бревенчатые срубы изб на высоких подклетах и со светелками кажутся пришельцами из прошлого века. Цветные пятна отдельных ярко окрашенных, обшитых желтых, синих, зеленых домов только подчеркивают богатырскую мощь основной массы старых изб. Вдоль берега колышутся на волне или вытащено на песок множество лодок. Повсюду сушатся сети. Под речным обрывом громоздятся амбары и баньки. Даже воздух здесь особый. Пахнет гниющими водорослями, свежей рыбой, смоляными канатами... пахнет морем.

Под стать облику старого села и древняя Михаило-Архангельская церковь. Ее часто датируют 1769 годом. Но это лишь время, когда конецдворские крестьяне купили ее и перевезли в свое село. До этого она стояла в Кузнечевской слободе Архангельска и украшала его

береговую панораму. Когда она была поставлена там, сейчас сказать трудно. Примерный возраст памятника можно определить только при тщательном обследовании бревен его основного сруба. Он выстроен в очень древних традициях. Архаичны приземистые пропорции объема «восьмерик на четверике», рубленый, крытый в три яруса «двоетесом» шатер, увенчанный массивной лемеховой главой. Под позднейшей обшивкой угадывается первоначальный «повал» — расширение верхней, карнизной части восьмерика.

В сущности, в Конецдворье мы стоим перед древнейшим и единственным сохранившимся деревянным памятником Архангельска того времени, когда весь город был деревянным. Вот о таких постройках древнего Архангельска писал посетивший его в конце XVI века Жан Соваж Диеппский: «Постройка <...> из бревен превосходна. Нет ни гвоздей, ни крючьев, но все так хорошо отделано, что нечего похулить, хотя у строителей русских все орудия состоят в одних топорах, но ни один архитектор не сделает лучше, как они делают»⁶³.

Конечно, время наложило свой неизгладимый отпечаток на облик церкви. К началу нашего века она настолько обветшала, что ее хотели сломать. Но вмешалась Археологическая комиссия и разрешила лишь удлинить позднюю трапезную. Древний же сруб основного храма был укреплен, его нижние венцы заменены новыми. Появилась и новая обшивка с поздней декорацией, в которой смешались стили разных времен: железные кокошники на углах четверика соседствуют с классическим карнизом. Но из-под поздней «одежды» и сейчас просматривается старая древнерусская основа здания.

К западу от церкви на ее продольной оси поставлена колокольня. Она была, очевидно, выстроена заново в 1769 году. Позднее, в XIX веке, ее шатер заменили на существующее фигурное завершение. Но колокольню, как и церковь, никто не исследовал, поэтому сейчас рано говорить о ее первоначальном облике.

Обойдем же памятник и внимательно присмотримся к древним деталям его архитектуры, а одновременно — и к его окружению. Все еще четко читается контур старой сельской площади. Сохранились части незамысловатой деревянной ограды церкви, с южной стороны — парадные ворота в виде «трехлопастной» арки на филенчатых столбах. С запада высится старый колодец — «журавель», которым пользуются до сих пор.

*На главной площади
Конецдворья*

К северо-востоку от Архангельска сохранилось еще одно старинное поморское село, по своему облику близкое Конецдворью. Это Ижма. Оно расположено от города всего в 25 км, на берегу тихой речки Ижмы. Но этот короткий путь очень неудобен для путешественников. Лишь поздно вечером приходит сюда речной трамвай и отправляется обратно на рассвете. Между рейсами не остается времени для знакомства с селом, приходится искать пристанище на две ночи.

Тот же безлесный, низменный пейзаж, что и в Конецдворье. Та же планировка села, вытянутого нескончаемой узкой лентой вдоль берега. Те же обветренные буроватые или серебристые стены бревенчатых домов с традиционными в Нижнем Подвинье светелками. Бани, амбары, лодки у самой воды. Словом, типичное поморское село. Его главная достопримечательность — Спасо-Преображенская церковь, выстроенная в 1679 году. Это, пожалуй, самый неясный, самый загадочный памятник в низовьях

*Спасо-Преображенская
церковь в селе Изма.
1679*

*Архитектурный ансамбль
в селе Рыкасово*

→

Двины, совсем еще не исследованный. Что же в нем необычного?

Мы уже привыкли к тому, что объемное построение древнерусского храма отвечает его внутренним членениям: основной храм, алтарный прируб, трапезная. Здесь ничего похожего нет. Перед нами почти кубический объем, напоминающий избу. Это сходство довершается поздней огромной четырехскатной крышей, без повала нависающей над стенами. Компактность и статичность композиции здания нарушаются только пристроенной с запада папертью. Ее стены выполнены из брусчатых стоек, забранных досками «в елку». В них — небольшие окна со ставенками.

Первоначальное трехглавие соответствовало трем престолам церкви (кроме основного здесь были приделы Антония и Зосимы и Савватия). Оно уничтожено в 1717 году. Видимо, мы уже никогда не узнаем первоначальной формы покрытия, хотя можно предположить, что при-

чиной радикальной перестройки верха храма еще в раннюю пору его истории мог быть гонимый официальной церковью шатер.

Подмываемая ежегодными паводками, церковь разбиралась и переносилась подальше от берега реки. Возможно, во время переноски была ликвидирована обходная галерея, замененная небольшой папертью. В 1848 году над ней была выстроена колокольня, теперь разобранный «за ветхостью». Может быть, именно тогда и была уничтожена первоначальная галерея, о которой напоминают двери на фасадах здания, теперь «повисшие» высоко над землей. Рядом с ними видны прорезанные узкие «волоковые» окна, через которые можно было слушать церковную службу, находясь на галерее.

Несмотря на многократные перестройки, памятник предстает как лучший образец древнерусских приемов строительного искусства. Здесь мы видим и косячатые двери с «сережками», и резные скамьи, и столбы, и фигурные порезки досок паперти. Все выполнено с мастерством и прекрасным художественным вкусом, отличающим древних двинских плотников, создавших этот пока еще не «прочитанный» до конца памятник, стоящий в заповедной глуши так близко от областного центра.

Одним из районов древних поморских селений, теперь вошедших в городскую черту Архангельска, является Заостровье. После строительства моста через Двину путь сюда стал короток и прост. Рейсовый автобус, перевалив через мост, сворачивает с северодвинского шоссе на неширокий проселок. Дорога перерезает болотистую пойму реки, куда во время паводков доходят воды Двины.

Отступая, река оставляет десятки заводей, озер и ручьев, пересыхающих к концу лета. На нескольких возвышенных местах теснятся деревни. До строительства моста сюда медленно пробирался по извилистому фарватеру протоки — речки Заостровки — маленький пароходик, теперь в нем отпала нужда.

На берегу тихой речки стоит село Рыкасово. Это очень древний и, судя по количеству стоявших здесь церквей, богатый центр большой Заостровской волости. Хотя по документам он известен только с XVI века, но существовал намного раньше. Сейчас на площади, куда сходились несколько деревенских улиц, высится ансамбль двух церквей, видимых издали, с шоссе, из окна поезда перед самым мостом через Двину. Их силуэты на фоне закатного неба четко читаются из центра города.

*Завершение
Сретенской церкви
в селе Рыкасово.
1683—1688*

Огромная пятиглавая каменная церковь Михаила Архангела издалека напоминает Спасо-Преображенский собор в Холмогорах, но вблизи архитектура здания разочаровывает. Внушительный массив церкви оказывается всего лишь не очень искусной подделкой «под старину». Шатровая колокольня и железная чешуя огромных пучинистых глав, повторяющая рисунок «лемеха», имитируют формы XVII века. Формально повторяют декор холмогорских храмов, до которых отсюда «рукой подать», и фигурные обводы вокруг окон, и рисунок венчающего карниза. Но все это грубее, примитивнее, суше. Эклектичность архитектуры здания была еще более усилена, когда на его западном и восточном фасадах появились приставленные к стене классические портики, а окна оказались расширены. В этом малоинтересном сооружении запоминается одна особенность — оно лишено апсид. Художественные качества Михаило-Архангельской церкви явно невелики. И все же не будем так уж строги к ее создателям.

Их вдохновляла бескорыстная любовь к старине. В то время как в центре страны уже вошел в моду классический стиль, заостровские крестьяне все еще ценили архитектуру главного собора холмогорской земли.

Деревянная Сретенская церковь 1683—1688 годов — продукт иной эпохи, иных художественных вкусов. И дело не только в том, что памятники создавались с интервалом почти в сто лет, и не в том, что один из них каменный, другой деревянный. Совершенно особый интерес, который представляет для нас Сретенская церковь, прежде всего определяется ее принадлежностью последнему этапу развития народной архитектуры. За десять лет до ее строительства, в грамоте 1673 года, разрешающей очередную перестройку одной из деревянных церквей этого же прихода, патриарх указал: «...а верх на той церкви был бы не шатровый, и алтарь сделан круглый тройной»⁵⁴. Так официальная регламентация повсеместно искусственно ломала вековые традиции народного деревянного зодчества. Здесь, в Рикасове, этот процесс ломки виден нам более явственно, чем в других местах, в облике Сретенской церкви. Она стала самым ярким примером творчества того поколения народных зодчих, которые вынуждены были по требованию властей предержавших отказаться от старых художественных приемов и искать новые средства выражения, новые пути развития архитектуры.

Основной объем Сретенской церкви — высокий, первоначально открытый бревенчатый сруб — «столп», несущий на себе пышный «букет» девятиглавия. Вокруг высоко поднятой на полушатре центральной главы как бы кружат остальные восемь, поставленные по осям стен и на углах. Это чисто местный тип храма, известный только вдоль берегов низовья Двины. На нашем пути мы вспоминали о нем в связи с памятниками Чухчеремы и Ухтострова. В последнем такой храм появился всего за год до начала строительства Сретенской церкви в Рикасове и был возведен крестьянином этой же Заостровской волости. Даже если это случайное совпадение, и авторами двух памятников являются разные артели плотников-зодчих, оно тем более свидетельствует о распространенности здесь этого типа храма в определенный период.

С 1808 года Сретенская церковь в течение почти шестидесяти лет простояла заброшенной и обветшала. После этого пришлось зашить тесом ее срубы, покрыть железом, внутри оштукатурить. Художественный облик здания оказался нивелирован. Но и сейчас поверх обшивки под

карнизом кровли видны криволинейные раскладки в виде центральной полуциркульной кривой и двух угловых секторов на каждом фасаде. Они повторяют очертания скрытой на чердаке сложной системы конструкций, образующих как бы бревенчатые «своды», когда-то выходившие торцами на фасады и декоративно обработанные резьбой. Что это, подражание каменным закомарам?

Принято считать, что каменное зодчество «в неоплатном долгу» перед зодчеством деревянным. Действительно, русские плотники задолго до появления первых каменных образцов уже достигли высокого совершенства в строительстве. Их творчество, глубоко народное в своей основе, продолжало безмерно обогащать мир художественных образов молодой каменной древнерусской архитектуры. Однако по мере ее совершенствования, по мере роста профессиональных навыков зодчих-каменщиков, мастера плотницкого искусства не избежали обратного влияния. «Каменная песнь» храма Вознесения в Коломенском несомненно рождена под воздействием шатровых форм деревянного зодчества. Но столетие спустя уже деревянная копия замечательного каменного храма появилась в далекой северной Варзуге.

В 80-х годах XVII столетия, когда плотники возводили Сретенскую церковь, в низовьях Северной Двины впервые развернулось строительство каменных храмов. Не мудрено, что зодчие-плотники попытались воспроизвести в дереве один из наиболее эффектных пластических приемов каменной архитектуры — позакомарное покрытие, которое имитируют здесь конструкции покрытой лемехом «бочки». Эта переключка форм Сретенской церкви с каменными образцами — один из немногих дошедших до нас, но когда-то гораздо более многочисленных примеров подобного взаимовлияния. Она неизмеримо усиливает уникальную значимость этого памятника, теперь уже единственного образца деревянного девятиглавого храма в Нижнем Подвинье. К сожалению, его находящиеся в почти аварийном состоянии конструкции не могут дожидаться необходимых реставрационных работ.

Поездка по старым поморским селам Конецдворье, Рикасово, Ижма с их такими непохожими друг на друга храмами и целыми улицами старинных домов еще раз напоминает нам о необычайно широкой художественной «палитре» старых двинских плотников и со всей очевидностью показывает, как важно хранить каждый из памятников, ибо все они — из одной «песни», а, как известно, «из песни слова не выкинешь».

5. К югу от Архангельска

Искусство здесь действительно жило и служило жизни, оно вытекало из ее требований и было правдивым.

Д. В. Милеев

От южной границы Архангельска начинается живописная дорога, которая стелется вдоль береговой кромки Северной Двины. Вначале видна, как здесь говорят, лишь «новина».

Местами дорога превращается в деревенскую улицу, застроенную новыми, обшитыми тесом и ярко окрашенными домами. За ними виднеются огороды, дальше до горизонта тянутся торфяные болота, поросшие лиственным мелкокошьяком. По мере продвижения на юг все круче становятся подъемы и спуски, все чаще к дороге выходят зеленые кулисы хвойных лесов.

Справа, в пойме реки, лежат острова, омываемые десятками малых протоков. Туда добираются лишь опытные туристы, вознаграждаемые за трудности пути знакомством с причудливо спланированными старинными поморскими деревнями. Дома стоят то тесно прижавшись друг к другу, «стена к стене», то разбегаясь в кажущемся беспорядке, не образуя даже подобия улиц. Это диктует река, заставляющая использовать каждый бугорок земли, не подмываемый весенними разливами. В условиях многовековой природной изолированности здесь сохранилось немало старинных изб и хозяйственных построек. Наиболее крупный Княжостров в древности был центром большой волости. Это родина талантливого поэта и собирателя фольклора Михаила Суханова, в первой половине XIX века выпустившего в Петербурге книги «Басни и песни и разные стихотворения» и «Древние русские стихотворения, служащие дополнением к Кирше Дани-

лову». Вторую В. Г. Белинский в 1840 году отметил как «важное приобретение для русской литературы»⁵⁵.

В XVII веке на Княжострове стояли две церкви — Введения во храм и Екатерины, в 1858 году замененные одной, дожившей до наших дней. «Утварью и ризницей церковь скудна», — писал в конце XIX века автор исторического очерка о ней.

Но в 1966 году экспедиция Реставрационного центра имени И. Э. Грабаря под руководством Н. Н. Померанцева опровергла это заблуждение — в церкви была обнаружена стоящая теперь в музейном зале Архангельска резная икона Екатерины Великомученицы, храмовая икона одной из древних церквей.

Существует мнение, что культ Екатерины сравнительно поздно, только в XVI веке, проник в Подвинье и целиком связан с московской трактовкой образа как посредницы между молящимися и Христом. Но интересно, что у древних корел Екатерина считалась покровительницей скота. Записана корельская молитва: «Добрая и красивая Катерина! Дай нам теляток беленьких и рябеньких, чтоб они много ели и от еды жирели»⁵⁶. Не бытовал ли и в Подвинье этот древний языческий культ, лишь совмещенный позднее с московскими канонами?

Исполняя икону Екатерины, мастер, очевидно, местный двинской художник, обращал основное внимание на тщательную отделку праздничных нарядных одежд: золотошвейного кокошника, обрамляющего лик, темно-синего «далматика» и алого плаща, украшенных золотыми запонами и широкими лентами золотого шитья. Но лик и руки Екатерины выполнены очень условно, лишены индивидуальной характеристики.

Минуя музей деревянного зодчества (мы еще вернемся сюда), проедем дальше вдоль обрывистого берега Северной Двины. На одном из подъемов, подобно театральному занавесу, перед нами расступается лес, открывая просторную долину, устланную золотым ковром пшеничного поля. Привольный, характерный, скорее, для средней России пейзаж. Перспективу долины замыкает огромный пологий холм, увенчанный чешуйчатой пирамидой шатрового храма. Перед нами — один из самых знаменитых памятников русского Севера — Никольская церковь села Лявля, построенная в 1589 году, как говорит предание, по велению новгородской посадницы Анастасии над гробом ее брата Стефана.

Лявля известна с XIV века как одно из древнейших новгородских поселений в низовьях Двины. Место было

*Екатерина Великомученица.
Резная икона
из церкви села Княжостров.
Начало XVII в.
Архангельский
областной музей
изобразительных искусств*

*Церковь Николы
в селе Лявля. 1589*

→

удобно и для хлебопашества и для морского промысла с недалгим выходом в Белое море. Процветающая колония новгородских поселенцев могла себе позволить даже в те неспокойные суровые времена строительство монастыря «себе, своим детям и внучатом на постригание и на поминок»⁵⁷. Одним из храмов этой «мужицкой обители» и была Никольская церковь. В XVII веке Успенский монастырь на Лявле был приписан к Антониеву-Сийскому монастырю, а в XVIII веке упразднен и превращен в обычный приходский центр. В 1804 году взамен старых построек возвели каменную Успенскую церковь, к нашему времени потерявшую какую-либо художественную ценность из-за многочисленных переделок. Тогда же Никольский храм был закрыт на сорок лет «за ветхостью». Пострадавший от поздних «поновлений», он все же продолжал всегда восприниматься как очень древний и значительный памятник. Подойдем к нему поближе.

Гигантский, взметнувшийся в небо шатер — одно из тех творений народного гения, которые вызвали к жизни прекрасные стихи Вадима Шефнера:

«Но вверх взгляни — над сизыми холмами
Увидишь ты ожившую мечту:
Как дым костра в безветрие, как пламя,
Как песня, храм струится в высоту».

Путешествуя по Северной Двине, мы уже успели убедиться, что подобные сооружения издавна ставили на высоких, хорошо обозримых местах. Но Никольская церковь поражает даже самого искушенного знатока: так органично сливается она с пейзажем при взгляде от шоссе и на ближних подходах. Ее шатер издали виден с реки в просветах вековых деревьев, как маяк, отмечающий место древнего поселения.

В XIX веке при очередном ремонте нижние сгнившие венцы сруба не заменили новыми, а попросту выбросили, опустив весь храм на 2,5 м. При этом были не только искажены общие пропорции здания, но и утрачена основанная на консолях висячая галерея, некогда опоясывавшая храм с трех сторон. Тогда же церковь была обшита тесом, покрашена в белый цвет «под камень» с грубо намалеванными огромными полуциркульными окнами. Таким памятник стоял вплоть до 1972 года, когда под руководством В. А. Лапина он был частично реставрирован: снята поздняя уродливая обшивка, восстановлено покрытие шатра и главы. Но наиболее сложные работы по подводке нижних венцов и воссозданию галереи еще ждут своего часа. Пока же памятник остается слишком приземистым и «коренастым». Лишь призвав на помощь воображение, можно представить себе былую высоту церкви и ее первоначальную стройность.

Надолго запоминается выразительный силуэт здания. Кажется, что оно вырублено из одного ствола гигантского дерева, так монументален и монолитен его абрис. Это ощущение порождено органическим слиянием отдельных частей, воспринимаемых как единое неразрывное целое. «Скульптурность» образа Никольской церкви в значительной степени определена особенностями ее конструктивного решения. Восьмигранный столп, шатер и даже главка выполнены в единой системе бревенчатых срубов, меняющихся лишь в диаметре. К тому же все части завершения — от полицы до главы — одеты в отливающий серебром чешуйчатый лемех, зрительно их объединяющий. Плотность рубки шатрового сруба и чистота отдел-

ки его внутренних поверхностей породили гипотезу о первоначально открытом интерьере храма от пола до верха шатра. Так ли это? Пока что этому убедительных доказательств не найдено. Сейчас в церкви устроены сравнительно низкие плоские потолки из плах, опирающихся на массивные балки, в старину носивших название «матицы». Это тоже очень старый прием перекрытия внутренних пространств деревянных храмов.

Никольская церковь в Лявле, как и несохранившаяся церковь в селе Панилове близ Орлеца, — один из самых древних, традиционных типов культовой архитектуры, «церковь кругла» русских летописей. По существу, здесь выработано универсальное конструктивное решение, применявшееся во многих случаях строительной практики средневековой Руси, от крепостной башни до храма и колокольни.

На обратном пути из Лявли остановимся в районе сел Большие и Малые Корелы, названия которых напоминают о тех временах, когда бок о бок со славянскими переселенцами жили древние обитатели этих мест — корелы. Всего 25 км отделяют нас от Архангельска, но местность неузнаваема. Это, безусловно, самый живописный из пригородов. Вместо низменных болотистых земель — крутобокие зеленые холмы, покрытые сосновыми борами. До самого горизонта видна необъятная пойма Двины, главной реки русского Севера.

С недавних пор здесь было начато необычное строительство. На баржах, автомашинах, даже на вертолетах доставляли сюда побуревшие бревна, запакованные в ящики деревянные резные детали. Формировался Архангельский музей деревянного зодчества. Открытый для посетителей еще задолго до завершения строительных работ, он уже получил широкую известность.

Причины его популярности ясны. Музей создается на основе тех огромных пластов культуры прошлого, которыми, несмотря на большие утраты, все еще богата Архангельская область: изустные сказания и легенды, резные и живописные иконы, рукописи, украшенные цветистыми заставками, и народный лубок, домашняя утварь и инвентарь крестьянского хозяйства... И, конечно, зодчество. Памятники русской деревянной архитектуры прославили этот северный край как крупнейшее в стране хранилище буквально всех ее древних форм. В живописных селах на берегах полноводных рек и тихих озер сохранились не только храмы, но и целые ансамбли изб, мельницы, мосты, амбары — словом, то, что давно

уже исчезло в центре нашей страны. Трудно переоценить их познавательное значение и художественную ценность. И невольно возникает вопрос, каким же чудом удержались на Севере древнейшие традиции планировки, технические приемы, художественные вкусы искони народного деревянного зодчества? Впрочем, следует ли искать здесь «чудо»?

Еще В. И. Ленин отмечал, что «на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью»⁵⁸. Скупое всходили на земле Севера в местных специфических условиях ростки городской буржуазной культуры. Очень долго не проникали сюда веяния профессионального искусства, которое так и не смогло ничего противопоставить здесь наивной, несколько архаичной, но искренней непосредственности народного крестьянского искусства многовековому опыту русских зодчих-плотников.

Деревянное зодчество — одно из наиболее важных составляющих древнерусской культуры. В отличие от русской каменной архитектуры, рождавшейся в общем русле западноевропейских и византийских традиций и лишь постепенно обретавшей национальный характер, оно с самого начала было явлением самобытным. Дерево на Руси было материалом всеобъемлющим. Где только оно не использовалось! Деревянными были корабли, крепости, изваяния богов, избы, мосты, мельницы, вся крестьянская утварь. Диапазон плотницкого искусства был несравненно шире, чем сравнительно ограниченный круг задач, решавшихся строителями каменных зданий. Им владел буквально каждый крестьянин, строивший свой дом обычно без участия мастеров-профессионалов. Но одновременно существовали и артели искусных плотников-зодчих, вышедших из крестьянской или посадской среды, которые выполняли наиболее сложные строительные работы. Из поколения в поколение передавали они «секреты» своего цехового мастерства. Их руководители, обладавшие не только практическими, но, видимо, и теоретическими профессиональными знаниями, пользовались всеобщим уважением и известностью.

Технические и художественные приемы плотницкого искусства отбирались и совершенствовались столетиями. В результате этого многие виды построек и конструктив-

ные приемы получили повсеместное распространение, приобретя почти «типовой» характер. Их простота и предельная рациональность позволяли достигать малыми средствами высоких художественных результатов.

К сожалению, именно деревянные памятники наименее долговечны. Разбросанные в отдаленных глухих местах, они чаще каменных гибли и гибнут от пожаров, быстрее разрушаются от недосмотра и отсутствия ремонта. С особенной, прогрессирующей быстротой исчезают жилые усадьбы, находящиеся в частном владении. Быстрое укрупнение хозяйств, строительство рабочих поселков, возведение гигантских гидротехнических сооружений еще больше ускоряют темпы их разрушения. Проблема сохранения древней сельской архитектуры занимает сейчас умы ученых во многих странах мира, обсуждается на международных симпозиумах. Самой действенной мерой их сохранения признана музеефикация на заповедных территориях. Кое-кто высказывает сомнение в целесообразности перевозки памятников в музеи. Главный довод — лишение древних сооружений их естественной природной среды. Но, во-первых, в большинстве случаев первоначальное пейзажное окружение памятников изменилось, а во-вторых, как пишет известный исследователь деревянного зодчества А. В. Ополовников, «как бы ни велика и тяжела была потеря подлинной среды памятника, она никогда не может быть больше потери самого памятника»⁵⁹. В нашей стране широкой известностью пользуются музеи под открытым небом в Кижях Карельской АССР, архитектурно-этнографические музеи Латвии, Эстонии, Литвы, Грузии, Украины, создаются они во многих областях Российской Федерации. За рубежом популярны музеи на острове Сеур-Саари в Финляндии, Скансен в Швеции, музей села в Румынии. Стали создаваться подобные музеи и в молодых африканских государствах, например в Нигере. Каждый из них имеет свою специфику.

Что же является основой построения Архангельского музея под открытым небом?

Мы стоим у его пограничной черты. Не будет спешить. Прежде чем вступить на территорию музея, пройдем медленным неторопливым шагом вдоль великолепной панорамы, открытой просторам Северной Двины. Архитектурные памятники словно слились с величественной природой, став ее естественным продолжением. Подобно гигантской ели высится на вершине холма шатровая колокольня XVI века, перевезенная из села Кулига-Дракованово. Древнейшее сооружение музея, она сразу

же стала его художественным символом. На втором плане избы, мельницы, церкви, видимые сквозь переплетения зелени, сами напоминают фантастическую диковинную поросль. А дальше среди группы изб высится гигантский шатер древней церкви из села Вершина. «Пласт ожившей отечественной истории» — так очень точно определил свои впечатления от нового музея журналист А. Николаев⁶⁰.

Как переплет огромной старинной книги медленно раскрываются перед нами ворота музея. За их чертой невольно теряешь само ощущение времени, постепенно обретая для себя мир иной — мир сказаний, легенд, воплощенный в материальные, зрительные образы далекого прошлого.

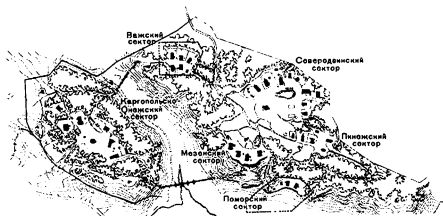
На географической карте отчетливо видно, как огромную территорию Архангельской области, равную по площади нескольким европейским государствам, пересекают ветвистые синие полосы великих северных рек Онеги, Северной

*Колокольня
из села
Кулига-Дракованово.
XVI в.*

←

Двины, Мезени, Печоры с их многочисленными большими и малыми притоками. Разделенные глухими лесами, земли вдоль этих рек веками находились в условиях частичной, а иногда даже полной изоляции. Славянские поселения, выходцы из Великого Новгорода, Твери, Ростова Великого, Москвы, принесли в этот край свою культуру, соприкасавшуюся с культурой местных племен. Постепенно сложились отдельные местные «школы» зодчества. И хотя они развивались в общем русле древнерусской архитектуры, каждая из них имела свой художественный почерк.

Именно это разнообразие архитектурных форм различных регионов и определяет структуру музея. Он разделен на секторы Каргопольско-Онежский, Северодвинский, Важский, Пинежский, Мезенский, Беломорский. В каждом из них мы сможем прочесть одну из страниц великой книги северного зодчества, в чем-то отличную и непохожую на другие.

*План
Архангельского музея
деревянного зодчества
в Малых Корелах*

Избы Каргополя

Основной тканью экспозиции служат сельские усадебные комплексы. Это не только жилые дома, но и самые разные хозяйственные и даже производственные сооружения.

Быстро исчезающие на своих старых местах, они особенно остро нуждаются во включении в новую для них «музейную жизнь».

Первыми встречают нас постройки из приозерных Каргопольских земель и с берегов Онеги. Их «право» открывать экспозицию музея подтверждено самим ходом истории. Ведь именно в тех краях начиналось освоение Севера славянскими переселенцами. Оттуда спускались они по Онеге к Белому морю и вышли в Нижнее Повдвине. Конечно, построек той незапамятной поры не сохранилось. Но древние строительные традиции оказались здесь на редкость устойчивыми. Большинство даже поздних памятников во многом повторяет очень старые образцы.

Центральную площадь Каргопольско-Онежского сектора полукольцом охватили огромные бревенчатые избы. Издали их облик кажется чуть ли не примитивным. Но вблизи становится очевидной изысканность их пропорций, суровая неброская красота. Это о них вспоминал на IV съезде русских зодчих в 1910 году известный исследователь древнерусских памятников архитектор Д. В. Милеев, говоря что «трудно себе представить не видев уютную прелесть старинной крестьянской избы русского Севера. Как все здесь цельно, просто, лишено вычурности, как все высокохудожественно и стильно красиво»⁶¹.

Дома Третьякова из деревни Гарь и Попова из деревни Погост, небольшая бедняцкая изба Полуяновой — древнейшие образцы простой четырехстенной трехчастной избы, обращенной на улицу одной горницей. Они во многом повторяют принципы построения жилых домов, открытых археологами на Наревском конце Новгорода в слоях XI—XIII веков. Помещения в них как бы нанизаны на одну продольную ось, образуя вытянутый прямоугольник. Такая планировка получила название «брус». Являясь характерной особенностью Каргополя, эти дома теперь уже редко встречаются в других местах. Но в Древней Руси это был основной тип жилища, где сени, расположенные в середине дома, делили его на жилую и хозяйственную половины. Самые древние каменные жилые палаты повторяют этот же принцип планировки. Былинной мощью и суровостью веет от простых бревенчатых срубов, в которых жилой этаж поднят на очень высокий подклет. То, что принято считать украшениями, является оформлением конструкций здания. Это порезки досок — причелин, предохраняющих от выветривания торцы выступающих бревен, резьба отбрасывающих воду желобов-потоков, условные звериные фигурки на корневищах крючьев — куриц и декоративные кони гигантских бревен — охлупней, венчающих кровли. Крестьянские мастера проявляют удивительную фантазию и умение использовать богатейшие возможности, которые таит в себе сам материал — причудливо изогнутые смолистые сосновые корневища. Этот скупой декор крестьянских изб является как бы самостоятельным произведением скульптуры, но в то же время он безмерно обогащает и одухотворяет сдержанный абстрактный архитектурный язык, подобно тому как слово, дополняя музыку, создает песню.

Повествовательные и орнаментальные мотивы, объединяемые общим названием «домовая резьба», имели в глубокой древности магический смысл. Не случайно утка, конь или олень чаще всего украшают свес конькового бревна, венчающего крышу. Их образы связаны со сложными космогоническими представлениями, корни которых уходят в толщу столетий, ко временам язычества. Конь и олень олицетворяли тогда солнце, утка — водную стихию.

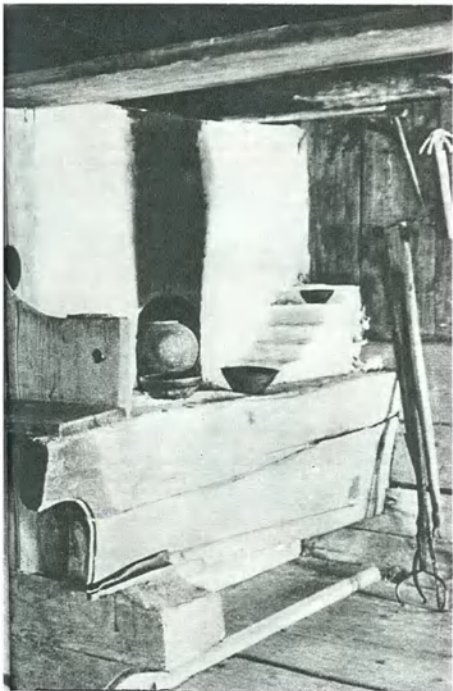
Постепенно эти образы стали в представлении человека символами его покровителей. Недаром в сибирских селах до сих пор бытует поговорка: «Курица и конь на крыше — в избе тише». Остатки этой первобытной художественной магии сохранились и во внутренних пространствах избы, где печь, своеобразный универсальный центр горницы, имеет украшенную резьбой доску, имитирующую голову коня с причудливо выгнутой шеей, — «оберег» домашнего очага.

*Печь
в крестьянской избе*

→

Если внешний облик изб менялся в зависимости от времени, района и социально-экономических условий, то оформление главной жилой части — горницы, по существу, оставалось неизменным на протяжении веков. Здесь с наибольшей полнотой проявляется неразрывная связь рационального и художественного начал, присущая всему древнерусскому деревянному зодчеству. Обстановка горницы предельно функциональна и проста. Бревенчатые стены в высоту человеческого роста гладко остроганы. По периметру помещения идут широкие пристенные скамьи. В переднем, «красном» углу стоит большой обеденный стол. Напротив печи отгорожено хозяйственное помещение — «бабий кут». И наконец — огромная глинобитная печь, основа жизни каждой крестьянской семьи, отлажена до высокой степени совершенства. Ее форма, размеры, конструкция настолько продуманы и проверены многовековым опытом, что, по существу, не имеют каких-либо местных вариантов. Резьбой укра-

шны консоли помоста — опечка, деревянная передняя стенка, голбец — вход в подполье.

Первоначально избы топились по-черному и не имели каменных труб. Стелившийся по горнице дым выходил через заслонку над входной дверью в дощатый короб — дымник, высоко поднятый над крышей. Для дополнительного проветривания открывали задвижки в узких волоковых оконцах. Отсюда — своеобразная окраска этих черных или, как их еще называли, курных или рудных изб: золотисто-черный, как бы отполированный потолок и стены, постепенно светлеющие к полу. Каргопольский район в наше время оказался основным естественным хранилищем старых курных изб. Самое удивительное, что такие дома продолжали здесь строить вплоть до начала XX века. Предполагают, что эта традиция была связана с широким развитием овчинного промысла, при котором топка по-черному была удобной при обработке в домашних условиях овчин.

*Двухэтажная изба
с хозяйственным двором*

→

Несмотря на очевидную несоизмеримость масштабов внутреннего и внешнего облика крестьянского жилища, нетрудно заметить их художественное родство. Это и не мудрено, так как одни и те же руки складывали сруб, кололи тес для потолка, пола и крыши и создавали, говоря современным языком, «встроенную мебель», составлявшую неразрывную часть конструкции избы. Украшенные резными подзорами, широкие скамьи врубались в стены, сообщая последним дополнительную жесткость. Полати и полки были связаны в единую систему с деревянными конструкциями печи.

Известный исследователь народного зодчества И. В. Маковецкий считал русский Север родиной наиболее развитых типов сельского жилища. Здесь крестьянство, избежавшее крепостного закабаления, имевшее большие экономические возможности и неограниченные запасы леса, могло не только совершенствовать планировку своего дома, но и значительно расширить его размеры. Но со

*«Взвоз»
хозяйственного двора*

временем в нем постепенно исчезают самобытность и хорошо продуманная связь с окружающей природной средой, нарушается устоявшаяся веками отлаженность быта, все больше ощущается влияние города.

В Каргопольском секторе рядом с традиционными «четырехстенками» стоят также сравнительно поздние, очень большие двухэтажные избы Кириллова и Пухова из деревень Большой и Малый Холуй. Они построены по планам, распространенным в Каргополье и соседнем Прионежье. Дома рассчитаны на большие разветвленные крестьянские семьи. В их композиции есть одна, казалось бы, незначительная разница, которая делает их в корне отличными друг от друга. В избе Кириллова хозяйственный двор поставлен рядом с тройным шестистенным срубом. Уличный фасад, увенчанный двумя стоящими рядом фронтонами, приобретает живописное асимметричное очертание. В доме Пухова хозяйственный двор стоит перпендикулярно продольной оси жилой части,

В Каргопольско-Онежском секторе музея

отчего общая композиция здания и весь его облик неузнаваемо изменился. Как разумно размещали крестьянские зодчие основной жилой этаж, связывая его удобными коммуникациями с подклетом — местом хранения ценностей и продуктов — и хозяйственным двором, находящимся под одной крышей и в одном уровне с жилыми комнатами! Такая планировка, вызванная условиями северной зимы, наложила отпечаток и на внешний облик домов с бревенчатыми помостами — взвозами, по которым въезжали на телегах и санях прямо на второй этаж.

Нищенские бобыльские избушки — четырехстенки и богатые многокомнатные хоромы, даже огромные царские дворцы, выстроенные из дерева, — все имели в своей основе единую меру — квадратный в плане сруб, размеры которого лимитировались длиной строительного леса. Не случайно на Севере, богатом вековым «мачтовым» лесом, даже рядовые жилые дома, по сравнению со среднерусскими, были крупнее и просторнее.

Изба — важнейшая, но не единственная составляющая крестьянского жилища. С давних пор рядом с нею сложился обширный набор хозяйственных построек — неотъемлемая часть любой сельской усадьбы. Как бы ни была хороша и красива сама по себе изба, без своего естественного окружения она теряет значительную долю выразительности, остается изолированным музейным экспонатом, лишенным исторической достоверности. В этом отношении очень показателен пример музея в Кижях. Стоящие на основной его территории великолепные по архитектуре жилые дома, к сожалению, не создают «эффекта присутствия» и в этом явно проигрывают по сравнению с гораздо более скромными избами соседней деревни Ямки, сохраняемой в полном комплексе жилых и хозяйственных построек.

В Архангельском музее под открытым небом принят принцип ансамблевого построения. Каждый сектор решается как фрагмент деревни, где важны не только отдельные сооружения, но и их взаимное соотношение друг с другом и общая планировка всего комплекса. Это четко сложилось в уже почти законченном Каргопольско-Онежском секторе музея. Каждый дом имеет отгороженный двор. Здесь маячат высоченные колодезные «журавли», стоят приземистые амбары и бани со всей их немудрой «технологией», устроены вешала для сушки гороха, собран разнообразный хозяйственный инвентарь, вплоть до детских качелей.

Горницы и хозяйственные половины домов тоже насыщаются бытовыми вещами, окружавшими когда-то живших в них людей: посуда и кухонные горшки, пряничные доски, рыболовные и охотничьи снасти, одежда, телеги, хомуты и расписные сани. Весь этот «мир вещей» характерен для того района Архангельщины, из которого переселился в музей каждый из домов.

Северорусское село состояло не только из крестьянских индивидуальных усадеб. Здесь издавна строились и общинные сооружения, служащие всему сельскому «миру». В Каргопольско-Онежском секторе стоят земские двухэтажные зерновые амбары «мангазеи». Здесь же овины, риги, традиционный ряжевой мост, рубленный из бревенчатых клетей, который соединяет разорванное оврагами плато. Приозерное Каргополье богато ключевыми водами, поэтому в крае были очень распространены остроумно устроенные водяные мельницы. Одна из них, с исправно действующим механизмом, притаилась на берегу заросшей речки Уемлянки.

*Часовня
из деревни Момонов
остров. XIX в.*

Глубокая, веками сохранявшаяся традиционность, характерная для жилья Каргопольского края, сказалась и на его культовом зодчестве. Трудно поверить, что две часовни из деревень Момонов остров и Федоровская построены только в XIX веке. Ведь такие церкви запечатлены в альбомах путешественников Олеария и Мейерберга, побывавших в Московии в XVI—XVII веках, и на древних северных иконах. Особенно проста и непритязательна архитектура первой из них, которую отличает от амбара лишь главка над двускатной кровлей и небольшая галерея, окружающая ее с трех сторон. Более нарядна часовня из Федоровской. Над ее кровлей возвышается звоничка, а на галерею ведет широкая лестница, как бы напоминающая об общественном характере здания. Она стоит, как и на своем первоначальном месте, над высоким обрывом, отмечая дорогу на ряжевой мост.

Центральным памятником Каргопольско-Онежского сектора стала огромная, словно взметнувшаяся к небу

Вознесенская церковь XVII века, перевезенная из онежского села Кушерека. Это совсем не то скромное жилище немудреного крестьянского бога, долгое время сосуществовавшего в сознании русского человека рядом с домовым, лешим, русалкой, чей «дом» мало отличался от рядовых деревенских изб или даже амбаров. Ее облик заставляет задуматься над малоисследованной проблемой формирования художественных вкусов в крестьянской общине XVII—XVIII веков. В каких ее слоях зародилась дерзновенная мысль о создании сложнейшей объемно-пространственной композиции двухэтажного храма, увенчанного фантастически сложным пятиглавым чешуйчатым «кубом»? Кто впервые «измыслил» подобное решение, заказчики ли — крестьяне богатой общины, «выхвалявшиеся» перед соседями, или сами строители, фантазия которых переросла рамки старых форм, создавшие эту архитектурную «новацию», получившую известность под именем «кубоватых» храмов? Скорее всего,

*Потолок «небом»
в часовне
из деревни Федоровской.
XIX в.*

←

строители компоновали ее под впечатлением каких-то столичных образцов модного в их годы стиля барокко, охватившего едва ли не все виды искусства. Но Вознесенская церковь отнюдь не повторяет в дереве какие-либо конкретные каменные постройки этого стиля. «Кубоватый» храм создан в рамках уже устоявшихся приемов деревянной народной архитектуры. По-прежнему используется эффектное сопоставление живописной поверхности бревенчатого сруба и глади дощатых притворов, в привычных формах выполнена резьба деревянных «подзоров» и «полотенец», украшающих свесы кровель, лемеховое покрытие, шатровая колокольня.

Перейдя через глубокий овраг, густо заросший зеленью и разделяющий музейную территорию на две части, мы попадаем на окраину обширного плато, по которому разбросаны отдельные постройки. Музей еще формируется, памятники свозят по заранее намеченному плану. Здесь можно увидеть сам процесс сборки древних зданий —

*Вид
на Вознесенскую церковь
с колокольни
из села
Кулига-Дракованово*

*Вознесенская церковь
из села Кушерека.
XVII в.
→*

увлекательную картину «технологии» плотницкого ремесла. На открытых строительных площадках мы следим за воссозданием основных конструкций: над поперечными стенами только что сложенного сруба, еще пахнущего смолой, возводят бревенчатые фронтоны — «самцы», затем их связывают между собой продольными «слегами», по которым в два слоя укладывают подготовленный по древним образцам выемчатый «ложеный» тес. А рядом опытные мастера вырезают из корневищ причудливые головы коней, наносят сложный геометрический орнамент на доски-«причелины».

Одной из специфических особенностей русских деревянных сооружений является их сборность. Со времен глубокой древности существовали специальные «щепные» базары, где продавали заранее заготовленные конструкции изб, церквей, амбаров для перевозки их на указанное покупателем место. Там здание быстро возводили, по существу, монтировали готовые детали. Это свойство руб-

ленных конструкций позволяло в древности быстро и успешно решать даже вопросы государственной важности. Уже в XIV веке в несколько месяцев ставились огромные деревянные кремли в Москве, Серпухове, Твери. А в XVI веке, незадолго перед казанским походом, где-то в верховьях Волги была срублена и сплавлена вниз по реке деревянная крепость Свияжска. Внезапно возведенная в короткий срок под самыми стенами Казани, она сыграла существенную роль в успешном исходе действий русского воинства, взявшего вражеский город. Да и низовья Северной Двины буквально пестрят примерами путешествующих деревянных сооружений. Так, еще в древности из Орлеца в Панилово перевезли Никольскую церковь. На Соломбале с одного места на другое в 1744 году переносили церковь Николы, а столетием позже поставили еще одну церковь XVII века, купленную в Заостровье. В начале XVIII века в Кузнечевской слободе Архангельска собрали две гарнизонные церкви, вывезен-

*Крыльцо дома Турובה
из села Ирта*

ные из Холмогор, и, наоборот, отсюда в середине XVIII века продали церковь в село Конецдворье. Домик Петра I несколько раз «менял прописку», пока не был включен в состав музея села Коломенское. Эти примеры можно было бы умножить, но и их достаточно для того, чтобы увериться в том, с какой легкостью меняли во все времена, начиная с самых древних, деревянные сооружения свои изначальные места. Видимо, для большинства из них не так уж обязателен, как мы привыкли считать, конкретный пейзаж, который с течением веков подвергается большим изменениям.

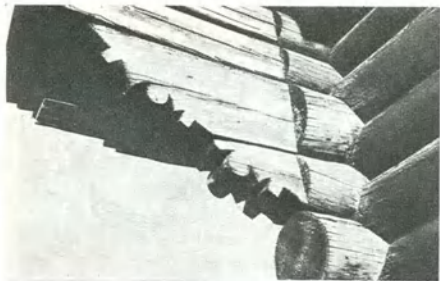
Своеобразная «монтажность» бревенчатых срубов не только делает возможной перевозку памятников, но и всемерно облегчает ее техническую сторону. Реставраторы уже имеют большой опыт в этой работе. Без этого едва ли удалось бы успешное путешествие в 1973 году деревянной Михаило-Архангельской часовни из села Сло-

бодского Кировской области в Париж, где она стала ведущим экспонатом международной выставки, после чего благополучно возвратилась на родину. Учитывается опыт таких перевозок и при создании Архангельского музея.

Как в Каргопольско-Онежском секторе, так и на остальной территории музея-заповедника ведущей темой экспозиции являются жилые и хозяйственные постройки, объединенные в ячейки крестьянских усадеб. Красной нитью проходит многовековой путь поисков и находок все новых и новых форм. Но зачастую нелегко бывает сразу распознать промежуточные и конечные этапы этих поисков. В Северодвинском секторе, формирование которого уже заканчивается, и в еще строящихся секторах — Пинежском, Мезенском — мы наблюдаем на первый взгляд слишком простые, пожалуй, примитивные образцы изб. Выделяя семью сына, крестьянин ставит рядом со своей избой второй сруб, объединенный с нею одной крышей и общим хозяйственным двором. Это изба-двойня. Такое несколько механическое соединение в дальнейшем преобразуется в избу-пятистенку, где поперечная бревенчатая стена разделяет горницу на две части, но не мешает их внутренней связи. Иногда одно из двух помещений было лишь узким хозяйственным отсеком, освещенным волоковым оконцем. Чаще же оно превращается в жилую комнату, равнозначную основной горнице. Не так уж важно, что внешне эти дома кажутся менее впечатляющими, чем, скажем, уже знакомые нам дома Третьякова или Попова в Каргопольско-Онежском секторе. Зато эти дома-двойни или дома-пятистенки — новое слово на пути совершенствования крестьянского жилища, планировка которого постепенно все усложняется.

В Северодвинском секторе можно познакомиться с образцами следующего этапа в истории сельского дома: избами-шестистенками, перевезенными из большого древнего вычегодского села Ирты. Они рисуют нам два разных направления в развитии одного и того же типа крестьянского дома, составленного из двух срубов, объединенных между собой промежуточным помещением. Разница лишь в том назначении, которое придается этому помещению в общей планировке и композиции избы. В доме Турובה это не более чем полутемная подсобная кладовая, шлюз между двумя жилыми горницами. Сразу же за ними располагаются широкие поперечные сени, отделяющие переднюю, жилую часть дома, от задней, хозяйственной половины. В сени ведет крыльцо, примыкающее к боковому фасаду дома со стороны двора. Это — продолжение

*Резная консоль
дома Щеголева
из села Ирта*

традиций, идущих от домов, с планировкой «брусом», знакомых нам по Каргопольско-Онежскому сектору.

А в соседнем доме Щеголева строители делают среднее промежуточное помещение просторными сенями, в которые ведет крыльцо уже не со двора, а прямо с улицы. И все неузнаваемо меняется! Центральное положение крыльца безмерно обогащает, украшает уличный фасад дома, придавая ему представительность и парадность. Недаром такие крыльца на Вычегде называли «боярскими». Еще недавно они были широко распространены не только в Подвинье, но даже на Вологодчине, теперь же дом Щеголева — едва ли не единственный сохранившийся их образец.

Изба-шестистенка является, пожалуй, самым совершенным образцом крестьянского жилого дома, развивавшегося в рамках народных традиций. Его дальнейшее усложнение явно шло за счет городских, привнесенных извне влияний.

*Таким должен стать
Мезенский сектор музея.
Рисунок архитектора
О. Г. Севан*

Независимо от разницы планировки и размеров дома внутреннее устройство и больших изб-шестистенок и скромных изб-четырёхстенок было принципиально одинаковым. Индивидуальный почерк строителей сказывался главным образом в трактовке и масштабе деталей, в рисунке орнаментальной резьбы. Характер декора изб, перевезенных в музей-заповедник из сел, лежащих по течению Северной Двины, в общем схож между собой. Лишь вычегодские памятники несут на себе печать местной особенности. Очевидно, это связано с близостью земель народа коми, своеобразное зодчество которого оказало заметное влияние на облик построек соседних русских сел. Гораздо чаще, чем в других местах, встречаются здесь здания с почти плоскими крышами, имеющими очень большие свесы. Очень самобытен и декор наличников окон, потоков, причелин: это угловатая, динамичная по рисунку резьба, абрис которой напоминает силуэт леса с острроверхими макушками елей или контур

*Свайные зерновые амбары
с Пинеги*

вздыбленной шкуры дикого зверя. Курные избы встречаются крайне редко, но небольшие оконца, имитирующие волоковые, сохраняются как местная традиция даже в сравнительно поздних постройках. Родственны облику домов и амбары с необычно широкими свесами уплощенных кровель, украшенные такой же самобытной резьбой.

Расположенный над обрывом к реке Корелке Мезенский сектор хорошо виден с просторов Северной Двины. Он обещает стать одним из интереснейших мест музея. По берегам могучей и полноводной северной Мезени было мало свободных земель. За околицей деревень царили непроходимые болота и дремучие леса. Дома ставили длинной цепочкой вдоль берега, бережно сохраняя каждый клочок земли, пригодный под огород или пашню. Нередко капризная Мезень в весенний паводок подмывала обрывистый берег. Этим объясняется необычный вид мезенских деревень, улицы которых вдоль домов проходят над самой водой, по верху бревенчатых срубов, за-

Мельница-столбовка

*Троицкая часовня
из деревни Вельтево*

битых для прочности камнями. Так экономили здесь дорогую землю и предотвращали оползни. Эта система береговых укреплений и будет воспроизведена в музее.

В Пинежском секторе стоят зерновые амбары, поднятые для защиты от полевых грызунов на высоких резных столбиках. Эти оригинальные свайные постройки, в которых сочетаются целесообразность конструкций и совершенство форм, напоминают сказочные избушки «на курьих ножках». Раньше они были распространены буквально по всему Северу, но сейчас сохранились лишь в среднем течении Пинеги.

Облик музея во многом определяется ветряными мельницами, свезенными сюда из самых разных уголков Архангельской области. Их силуэты необычайно нарядны, даже как будто бы праздничны. Издавна «спорили» эти древнейшие инженерные сооружения с сельскими храмами за право считаться главными вертикальными ориентирами русских сел. Самые традиционные образцы мель-

ниц представляют собой большие или малые амбары, водруженные на бревенчатые срубы или на стоечные бревенчатые опоры. Их широкие размашистые лопасти смутно напоминают паруса, которыми они, как и корабли, ловят попутный ветер, да так и не могут поплыть по цветистому морю лугов и полей.

Наиболее древние образцы ветряных мельниц — это столбовки, получившие свое название из-за огромного осевого столба, вокруг которого поворачивается весь амбар вместе с крыльями, когда перед началом помола мельник ставил лопасти по направлению «главного ветра». Монументально и внушительно выглядит мельница из мезенского села Азаполье, амбар которой строители подняли на высокий пирамидальный сруб. Близкая ей по облику и конструкции мельница перевезена из деревни Медлиши, только вся она как бы приземлена. Ее огромный амбар поставлен на очень низкий сруб, словно вросший в землю. В Каргопольско-Онежском секторе стоит похожая на нее мельница из деревни Большая Малга. Зато совершенно иной, причудливо-фантастический облик присущ столбовке из села Юксозеро. Массивный амбар, возвышающийся на восьми столбах, поставленных косо и словно согнувшихся под его тяжестью, постоянно поражает посетителей какой-то особой выразительностью образа.

Интересны и по-своему выразительны мельницы-шатровки, хотя все они более позднего происхождения. В отличие от мельниц-столбовок их амбар неподвижен, а вращается в поисках «попутного ветра» лишь завершение. Одна из таких мельниц, не очень удачно поставленная у самого входа в музей, перевезена из села Кожпоселок. Вторая, стоящая между селами Большие и Малые Корелы, происходит из холмогорского села Бор.

Несмотря на высотность композиции, мельницы, обычно размещавшиеся за деревенской околицей, не могли претендовать на ведущую роль в облике села. Ее выполняли культовые сооружения. Однако речь идет не о маленьких придорожных «обетных» часовнях, не о старобрядческих скитах или кладбищенских церквях, затерянных в чаще лесов, какой предстает перед нами небольшая Троицкая часовня из деревни Вельтево, стоящая на южной окраине музея. Создание таких небольших скромных по облику сооружений было делом тех же золотых крестьянских рук, которые возводили собственные дома, риги, амбары, бани. Иное дело огромные храмы — общественные центры северных сел, соорудившиеся ру-

ками мастеров-плотников, объединенных в артели, действовавшие чаще всего в пределах какого-либо ограниченного региона. Постепенно в каждом из них создавался свой излюбленный, наиболее распространенный тип храма, отличающий почерк работавших там артелей, отвечавший местным условиям. Так, в низовьях Северной Двины мы столкнулись с распространением девятиглавых храмов, подобных Ильинской церкви в Чухчереме и Сретенской — в Рикасове. Создали свой тип храма и пинежские и мезенские плотники. Вытянутый вверх, увенчанный пятью главами на полушатрах, основанных на сложной системе перекрещивающихся бочек, мезенско-пинежский храм — ярчайшая страница истории деревянного зодчества русского Севера. В музее она представлена небольшой церковью из села Веркола.

Однако наиболее распространенным типом храма, пришедшим из самых глубинных пластов отечественного зодчества, является шатровый храм. Поэтому централь-

*Церковь Георгия
из села Вершина. 1672*

—>

ным культовым памятником музея стала шатровая Георгиевская церковь 1672 года из села Вершина Верхнетотемского района, перевезенная в Северодвинский сектор и восстановленная под руководством В. А. Крохина. Внимательно всмотримся в ее предельно выразительные, лаконичные формы. Перед нами одно из самых прекрасных произведений средневековых русских зодчих. Их великолепное художественное чутье, позволившее создать столь торжественное и величественное здание, и сегодня рождает в нас чувство глубокого уважения к мастерству и таланту создателей. Ведь именно такие, устремленные высь шатровые храмы вызвали восторженный возглас древнего летописца «аки аэра [воздуха] достигше!».

Основа композиции Георгиевской церкви предельно проста. Огромный восьмерик с восточным и западным прирубами увенчан шатром. Его богатырская мощь по контрасту подчеркнута легкой галереей, словно повисшей на далеко выдвинутых консолях. Сам храм, размещен-

ный во втором ярусе, невелик по площади (невелика, очевидно, была и сама сельская община). Галерея и паперть служили жителям села своеобразным «залом собраний», а парадное крыльцо — трибуной, откуда оглашали царские указы и воеводские «памяти». Храмы были в старину главными общественными сооружениями в русских селах. При их возведении зодчие неизменно старались блеснуть своим мастерством. Подряжаясь строить подобную церковь, они обещали, как значится в одном из старинных документов, работать «в своем сосновом, добром, ядреном, не гнилом и не дублеватом, стрежеватом лесу, сосновых, гладких и несукватых бревен»⁶². Выбранный материал, как и в скульптуре, имел громадное значение для качества будущей постройки.

О происхождении увенчанных шатрами церквей много спорят. Их формы, скорее всего, навеяны суровыми образами древних боевых крепостных башен. В эпоху длительных междоусобиц и войн, которыми так богато было средневековье, шатровый храм в сознании русских людей ассоциировался с идеями защиты государственности, с верой в силу русского воинства, русского оружия. Популярность шатровых завершений так и не была превзойдена никакими другими формами, сколь бы ни были они нарядны и прекрасны.

На сравнительно небольшом пространстве заповедной территории Архангельского музея встает перед нами как бы «модель» всей северной русской земли, ее собирательный образ. Перелески, овраги, поляны с золотистыми стволами осин на темном фоне соснового бора. Заболоченные, поросшие осокой берега тихой речки Корелки, с ее заводами, испещренными солнечными бликами и желтыми пятнами кувшинок. Беспредельный разлив Двины. Но в панораме музея природа, как хорошая оправа, лишь подчеркивает пластику деревянных сооружений.

Зубчатый силуэт хвойного леса вдаль — прекрасный фон для островерхих шатров, кажущихся его естественным продолжением, а бурые стволы сосен, контрастирующие со стенами из горизонтально уложенных бревен, еще больше выявляют их четкую архитектуру. Вечная природа и творения рук человека слились в едином звучании. В прозрачные белые ночи или часъ заката, перед лицом северного безмолвия, всплывают в памяти мощные аккорды Богатырской симфонии Бородина или бессмертные мелодии увертюры к «Хованщине» великого Мусоргского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда, 1921, с. 19.

² Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. — «Известия АН СССР» серия VII, отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 1, с. 70.

³ Первая Новгородская летопись, 1342. — Полн. собр. рус. летописей, т. 3, Спб., 1841, с. 81.

⁴ Первая Новгородская летопись, 1397—1398. — Там же, с. 98—100.

⁵ Миниатюра опубликована О. В. Овсянниковым в кн.: Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971.

⁶ Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889, с. 5.

⁷ Толстой А. Н. Петр Первый. Кн. 2, гл. 1. Свердловск, 1955, с. 305—306.

⁸ См.: Гнедовский Б. В. Клетская Спасо-Преображенская церковь села Спас. — «Памятники культуры». Вып. 3. М., 1960, с. 92—109.

⁹ См.: Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории Подвинского крестьянства). — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952, с. 146—156.

¹⁰ Любезно сообщено О. В. Овсянниковым.

¹¹ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1961, с. 18.

¹² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. Ч. 1. М., 1862, с. 209.

¹³ Цит. по кн.: Зубакин Б. М. Холмогорская резьба по кости. Архангельск, 1931, с. 51.

¹⁴ Цит. по кн.: Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 30.

¹⁵ Письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 31 мая 1753 г. — Ломоносов М. В. Соч., т. 8. М.—Л., 1948, с. 127.

¹⁶ См.: Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973, с. 73.

¹⁷ Ломоносов М. В. Соч., т. 5. Спб., 1902, с. 175.

¹⁸ Титов А. А. Летопись Двинская, с. 9.

¹⁹ Цит. по кн.: Голубцов А. Чиновники холмогорского Спасо-Преображенского собора. М., 1903, с. 152.

²⁰ Краткое историческое описание приходов и церквей

Архангельской епархии. Вып. 1. Архангельск, 1894 с. 235—236.

²¹ Голубцов А. Чиновники холмогорского Спасо-Преображенского собора, с. 17.

²² Цит. по кн.: Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. Спб., 1908, с. 344.

²³ Там же, с. 548.

²⁴ Там же, с. 340—341.

²⁵ Там же, с. 344.

²⁶ Там же, с. 675.

²⁷ Цит. по кн.: Титов А. А. Летопись Двинская, с. 105.

²⁸ См.: Орлова К. А. Мебель работы мастеров Архангельской губернии в собрании Эрмитажа. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968, с. 167—170.

²⁹ Цит. по кн.: Титов А. А. Летопись Двинская, с. 100.

³⁰ Письмо Г. И. Головкина к И. А. Мусину-Пушкину от 28 февраля 1707 г. — «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». Кн. 8. М., 1891, с. 163.

³¹ Соколов Н. Описание города Холмогор с очерком древней истории Двинского края. — «Архангельский сборник». Кн. 1. Архангельск, 1863, с. 408.

³² Там же, с. 409.

³³ Записки путешествия академика И. И. Лепехина. — Полн. собр. ученых путешествий по России, т. 5. Спб., 1822, с. 306.

³⁴ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Спб., 1890, с. 93—95.

³⁵ Щекатов А. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 1, М. 1801, с. 209.

³⁶ Цит. по кн.: Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера, с. 22.

³⁷ Записки путешествия академика И. И. Лепехина, с. 327.

³⁸ Цит. по кн.: Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера, с. 25, 32.

³⁹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 5, Спб., 1853, с. 284.

⁴⁰ Цит. по кн.: Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера, с. 27.

⁴¹ Цит. по кн.: Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский..., с. 548.

⁴² Цит. по кн.: Огородников С. Ф. Петр Великий в Архангельске и плоды пребывания его на нашем Севере. Архангельск, 1872, с. 16.

⁴³ Цит. по кн.: Огородников С. Ф. Очерк истории..., с. 209.

⁴⁴ Там же, с. 156—157.

⁴⁵ Цит. по кн.: Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский, с. 100.

⁴⁶ Бражнин И. Я. Недавние были. Архангельск, 1972, с. 13.

⁴⁷ Цит. по кн.: Василенко В. М. Народное искусство. М., 1974, с. 26.

⁴⁸ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI вв. М. 1967, с. 107.

⁴⁹ Две цветные репродукции иконы опубликованы в альбоме: Ямщиков С. В. Древнерусская живопись. Новые открытия. Л., 1969, л. 47, 48. См. также: Каталог VII выставки произведений изобразительного искусства, реставрированных ГЦХНРМ им. И. Э. Грабаря (1944—1974). М., 1975.

⁵⁰ Памятники древнерусской скульптуры из Архангельского музея изобразительных искусств экспонировались в 1973 г. на Международной выставке в Париже. См.: каталог: *La grande tradition du bois sculpté russe ancien et moderne. Collection des Musées Soviétiques.* Paris, 1973.

⁵¹ История русского искусства, т. 4, М., 1961, с. 330.

⁵² Цит. по кн.: Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура русского Севера. М., 1974, с. 88.

⁵³ Цит. по кн.: Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. — «Исторические записки», 1950, № 34, с. 181.

⁵⁴ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, с. 141.

⁵⁵ Белинский В. Г. Русская литература в 1840 г. — Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 446.

⁵⁶ Цит. по кн.: Смирнова Э. С. Живопись Обонежья..., с. 39.

⁵⁷ Там же, с. 37.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 165.

⁵⁹ Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. М., 1968, с. 15.

⁶⁰ Николаев А. Песня Севера. — «Смена», 1975, № 18, с. 18.

⁶¹ Милеев Д. В. Деревянное строительство русского Севера. — «Труды IV съезда русских зодчих». М., 1911, с. 46.

⁶² Подрядная запись 1700 г. на построение деревянной церкви в Вологде. — «Известия имп. археологического об-ва». т. 3. Спб., 1861, с. 280-281.

ЛИТЕРАТУРА

- Арбат Ю. А. Путешествия за красотой. М., 1966.
- Арбат Ю. А. Русская народная роспись по дереву. М., 1970.
- «Архангельский сборник». Кн. 1. Архангельск, 1863.
- Бартенев И. А., Федоров В. Н. Архитектурные памятники русского Севера. Л. — М., 1968.
- Беднов В. А. Тыко Вылка. Архангельск, 1977.
- Бернштам Т. А. Об одной художественной традиции на Архангельском севере в XVIII—XIX вв.— «Сов. этнография», 1965, № 3, с. 124—138.
- Брюсова В. Г. Семен Спиридонович Холмогорец — изограф XVII в. (1642—1695 гг.) К вопросу о холмогорско-устюжской школе живописи.— «Ежегодник Ин-та истории искусств. 1960». М., 1961, с. 246—277.
- Брюсова В. Г. Холмогорский летописец и художник XVII в. — «Труды отдела древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР», XVII. М. — Л., 1961, с. 445—453.
- Булкин В. А., Овсяников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII в. в Нижнем Повдвинье.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 344—351.
- Василенко В. М. Народное искусство. М., 1974.
- Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. Спб., 1908.
- Вешнякова О. Н. Малые Корелы. Архангельск, 1974.
- Власихина Н. Н. Архангельский музей деревянного зодчества. Архангельск, 1976.
- Гемп К. П., Кибирев М. Ф. Архангельский гостинный двор.— «Архит. наследство» № 10, 1958, с. 153—172.
- Гемп К. П. Гостинный двор. Архангельск, 1973.
- Гнедовский Б. В. Русский Север. М., 1972.
- Гурвич Д. М. М. В. Ломоносов и археология.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР». Вып. 41. М., 1951, с. 119—123.
- Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900.
- Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- Записки путешествия академика И. И. Лепехина. — Полн. собр. ученых путешествий по России, изданных Академией наук, т. 5. Спб., 1822.

- Зубакин Б. М. Холмогорская резьба по кости. Архангельск, 1931.
- История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, т. 1. М., 1909.
- История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, В. Кеменова, В. Лазарева, т. 3. М., 1955, т. 4, М., 1959.
- Кибирев М. Ф. Архангельск. Архангельск, 1959.
- Коньков Н. Л. Вавчужская корабельная верфь. Архангельск, 1974.
- Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1. Архангельск, 1894.
- Крюкова И. А. Русская народная резьба по кости. М., 1956.
- Кукушкина М. В. Рукописная школа Афанасия Холмогорского и Важеского. — «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып. 3. Л., 1970, с. 108—130.
- Лимонов Ю. А. Заметки о холмогорской летописи. — «Вспомогательные исторические дисциплины», с. 249—252.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.
- Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
- Максимов С. В. Год на Севере. — Собр. соч., т. 10. Спб., 1908.
- Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
- Милеев Д. В. Деревянное строительство русского Севера. — «Труды IV съезда рус. зодчих». М., 1911, с. 41—47.
- На Северной Двине. Сборник Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924.
- Новодвинская упраздненная крепость 1714 г. — «Известия имп. Археологической комиссии». Вып. 52. Спб., 1914, с. 53—61, табл. I—IV.
- Овсянников О. В. Из истории средневековых укреплений на Архангельском севере. — «Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь М. К. Каргера». Л., 1967, с. 164—173.
- Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971.
- Овсянников О. В. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины. — «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР». Вып. 139. М., 1974, с. 114—117.
- Огородников С. Ф. История Архангельского порта. Спб., 1875.

- Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Спб, 1890.
- Описание памятников русской архитектуры по губерниям. Архангельская губерния. — «Известия имп. Археологической комиссии». Вып. 39, 41. Спб., 1911.
- Померанцев Н. Н. Русская деревянная скульптура. М., 1967.
- Померанцев Н. Н. Русская деревянная скульптура и декоративная резьба. Каталог VII выставки произведений изобразительного искусства, реставрированных ГЦХНРМ им. И. Э. Грабаря (1944—1974). М., 1975, с. 197—210.
- Подъяпольский С. С. По Сухоне и Северной Двине. М., 1969.
- Реформатская М. А. Северные письма. М., 1968.
- Рехачев М. В. Холмогорская резьба по кости. Архангельск, 1969.
- Русское декоративное искусство, т. 1—3. М., 1962—1965.
- Русское народное искусство Севера. Сборник статей. Л., 1968.
- Селезнев А. Г. Путеводитель по Архангельску и области. Архангельск, 1974.
- Смирнова Э. С. О группе северодвинских икон XVI века. — «Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь М. К. Каргера». Л., 1967, с. 138—143.
- Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI вв. М., 1967.
- Соломина В. П. Искусство древнего Севера. По залам Архангельского музея изобразительных искусств. Архангельск, 1967.
- Страхов В. Е. Двинские дали. Архангельск, 1972.
- Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889.
- Тышинский А. Г. О чудских древностях в Архангельской губернии. — «Труды I археологического съезда. 1869». т. 2, М., 1871, с. 319—364; Собрание карт, планов и рисунков к Трудам I археологического съезда, М., 1871, л. V и VI.
- Уханова И. Н. Северорусская резная кость XVIII—начала XIX в. Л., 1969.
- Уханова И. Н. Книжная иллюстрация XVIII в. и памятники народного декоративно-прикладного искусства русского Севера (Северная Двина). — В кн.: «Русское искусство I четверти XVIII в. Материалы и исследования». М., 1974, с. 210—226.
- Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура русского Севера. М., 1974.

Фотографии на стр. 23, 37, 46—47, 51, 61, 63, 64, 78, 79, 83—93, 97, 100, 103, 104, 107, 108, 113, 114, 115, 125, 141, 152—153, 160, 165, 169 выполнены В. Н. Вешняковым, на стр. 131, 167 — В. А. Лапиным. Остальные — Б. В. Гнедовским.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ГНЕДОВСКИЙ
ЭЛЛА ДМИТРИЕВНА ДОВРОВОЛЬСКАЯ

ВОКРУГ АРХАНГЕЛЬСКА

Редактор
Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Оформление серии художника
Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника
Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы
Е. Е. СМЕРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректоры
В. П. АКУЛИНИНА и И. В. РАЗИНКИНА

Сдано в набор 07.12.77. Подп. в печать 27.04.78. А11684. Формат бумаги 70×90.32. Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Печать глубокая. Усл. п. л. 6,728. Уч.-изд. л. 8,678. Изд. № 1237. Тираж 75 000. Заказ 1046. Цена 60 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собинковский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, проспект Ленина, 5.

КНИГА ПОСВЯЩЕНА ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПАМЯТНИКАМ
ГУСТО НАСЕЛЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ
В НИЗОВЬЯХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ,
ОКРУЖАЮЩИХ АРХАНГЕЛЬСК
(ХОЛМОГОРЫ, МАТИГОРЫ,
УХТОСТРОВ, КОНЕЦДВОРЬЕ, ЛЯВЛЯ И ДР.),
ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ЯВЛЕНИЕМ
СТАЛ МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ
В ОКРЕСТНОСТЯХ АРХАНГЕЛЬСКА.